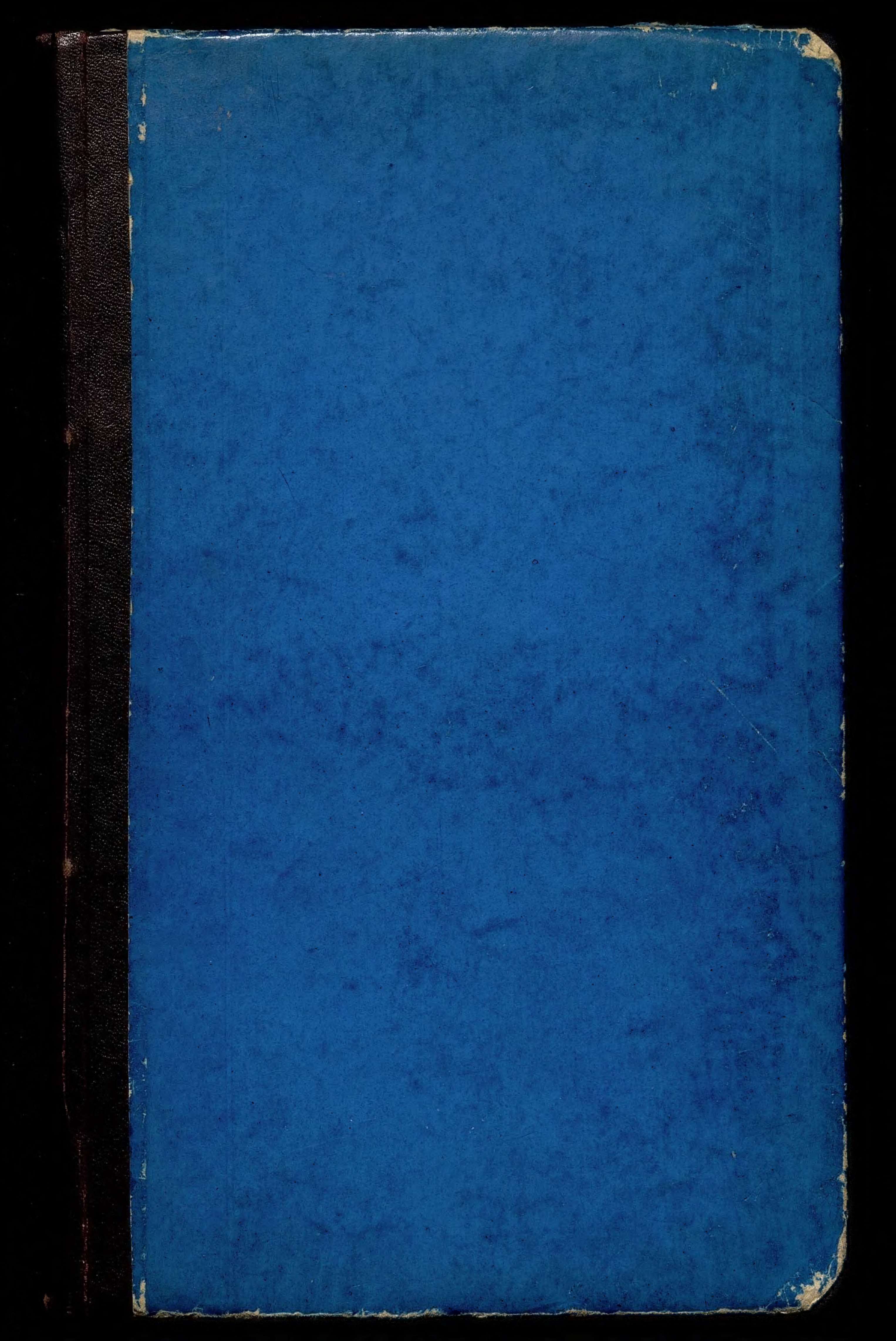
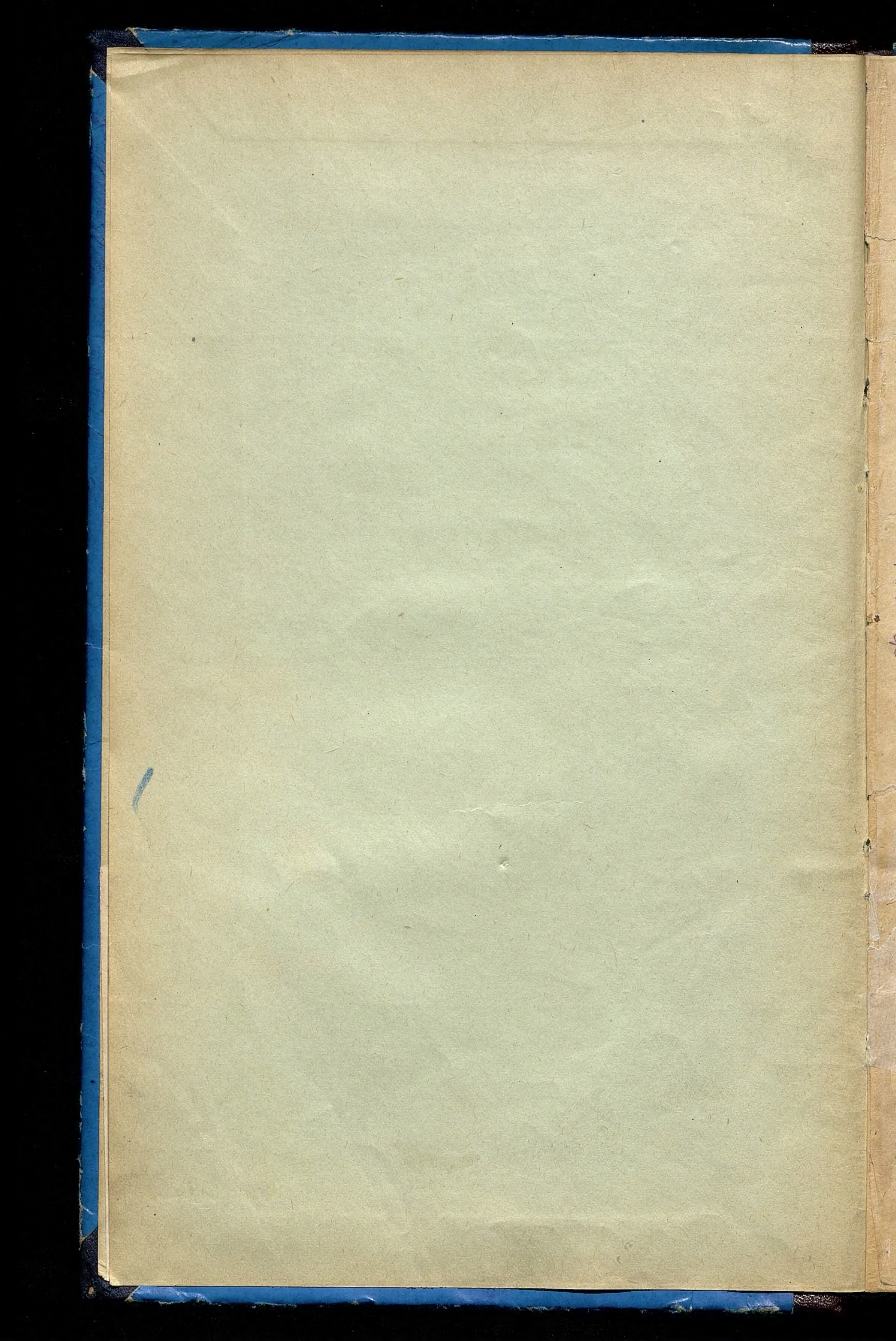

2012

Исторія военно-морского искусства.

Выпускъ 2ⁱ

Періодъ парусного флота.

Развитіе парусныхъ судовъ. Парусныя суда, конечно, продолжали существовать все время на ряду съ гребными, но, будучи мало пригодны для военныхъ цѣлей вслѣдствіе невозможности передвигаться по любому направленію во время боя, а также не употребляясь для торговли, которая въ это время почти не существовала, они не двигались впередъ въ своемъ развитіи, ничѣмъ не отличаясь отъ крупныхъ судовъ глубокой древности и служили только для перевозки грузовъ при гребныхъ флотахъ.

12 столѣтіе. Первый толчекъ къ усовершенствованію парусныхъ судовъ былъ данъ начавшимися въ 12 столѣтіи крестовыми походами. Массы вооруженныхъ людей, пилигримовъ, женщинъ и даже дѣтей, увлеченные общимъ движеніемъ, наводняли періодически приморскіе города, стремясь въ Святую Землю и, конечно, нечего было и думать переправить этотъ потокъ людей на существовавшихъ въ то время судахъ. Парусныя суда начали быстро совершенствоваться, размѣренія ихъ увеличились, постройка стала крѣпче и уже въ 13 столѣтіи, во время шестого крестового похода, существовали суда вмѣщавшія больше 1000 пассажировъ и бравшія на такую массу людей

правильно на два мѣсяца. Такие суда назывались нефами и название это они сохранили вплоть до переименования ихъ въ корабли, въ концѣ 16 столѣтия.

13 столѣтие. Нефъ 13 столѣтия представляетъ изъ себя ничто иное какъ четыреугольный ящикъ съ закругленными углами, длина котораго по верхней палубѣ была только въ 2½ раза больше ширины. Внутри дѣлались двѣ сплошныя палубы a и в и одна полупалуба c на пиллерсахъ; на носу и на кормѣ возвышались еще въ два яруса надстройки d, наружные концы которыхъ суживались, съ каютами внутри, а на крышѣ этихъ надстроекъ ставили военныя машины и размѣщались арбалетчики и солдаты. Пространство между палубами a и в занимала команда, а въ самой кормѣ отдѣлялось помѣщение e для капитана, носившее название парадиза; въ каютахъ помѣщались рыцари, а въ трюмѣ, на высотѣ нѣсколькихъ футъ, дѣлался помостъ и тамъ, на широкихъ подпругахъ, подвѣшивались лошади. Для ввода лошадей въ трюмъ, въ кормѣ, ниже ватерлиніи, врубались широкія двери, которыя затѣмъ законопачивались наглухо и отворялись только по прибытіи на мѣсто; несчастныя животныя, лишенныя свѣта, едва касаясь ногами до помоста, страшно отекали, во избѣжаніе чего ихъ ежедневно стегали бичами. Мачтъ было двѣ съ двумя громадными парусами треугольной формы, снабженными уже рифъ-сезнями, а вмѣсто руля служили широкія весла, выкинутыя съ кормы съ каждой стороны. Благодаря неуклюжести своей подводной

части, нефы почти, совсѣмъ не лавировали, да и повороты были сопряжены съ большими хлопотами, такъ какъ паруса надо было спускать и затѣмъ подымать ихъ съ другой стороны; вслѣдствіе этого очень часто случалась поломка реевъ, а потому на каждую мачту полагалось имѣть три рея въ запасъ. При каждомъ нефѣ полагалось имѣть три шлюпки, изъ которыхъ двѣ, небольшого размѣра, подымались на палубу, а третья, длина которой была около 50 футъ, находилась всегда, какъ на якорѣ, такъ и въ морѣ, на бакштовѣ. Въ виду отсутствія всякихъ приспособленій для подъема якорей, число послѣднихъ доходило до 20, такъ какъ сплошь и рядомъ канатъ обрубали вслѣдствіе полной невозможности поднять якорь.

14 столѣтіе. Въ 14 столѣтіи нефы остаются такими-же какими ихъ выработали крестовые походы, но въ 15 столѣтіи два обстоятельства сильно измѣняютъ конструкцію нефовъ.

15 столѣтіе. Въ этомъ столѣтіи компасъ былъ настолько усовершенствованъ, что для парусныхъ судовъ сдѣлались возможны большіе морскіе переходы; новые земли открывались одни за другими, доставляя громадныя выгоды и, понемногу самъ океанъ указалъ на несовершенства въ постройкѣ и въ вооруженіи нефовъ. Затѣмъ, въ этомъ же столѣтіи, появилась на нефахъ артиллерія и съ своей стороны потребовала для своей установки болѣе прочной постройки и большихъ размѣровъ.

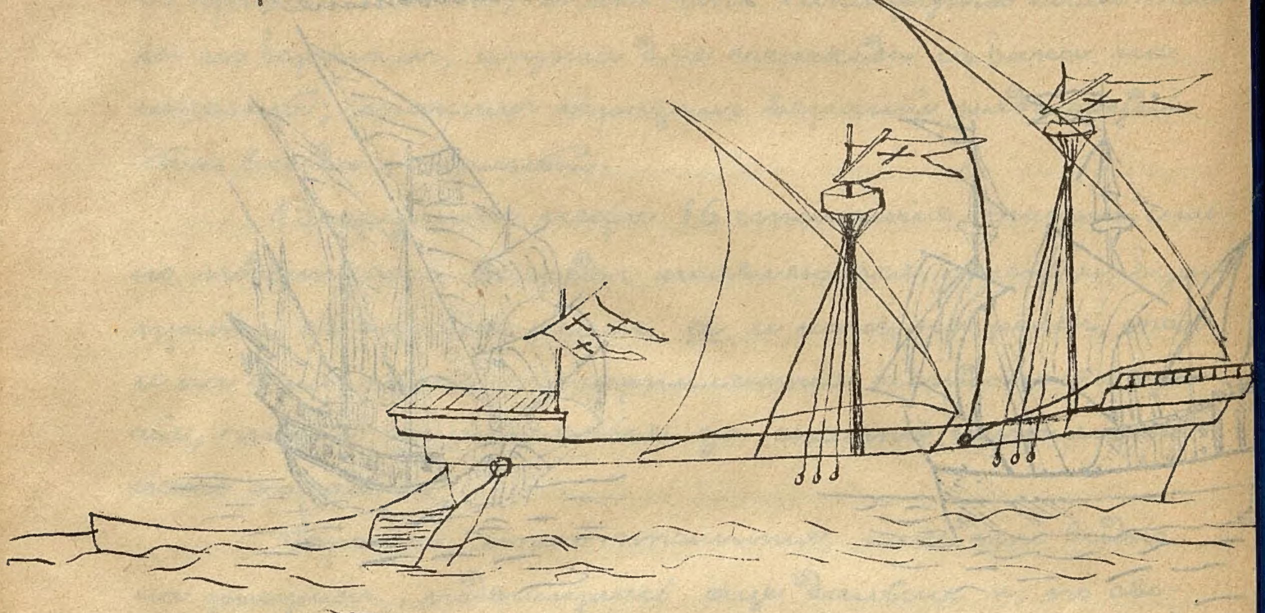
Нефъ конца 15 столѣтія имѣетъ уже

обводы болѣе закругленные, причемъ ширина у ватеръ-линіи больше чѣмъ у верхней палубы, что дѣлалось съ той цѣлью, чтобы затруднить переходъ на суда во время абордажей; корма дѣлается плоскою и вмѣсто весла появляется настоящій руль. Къ двумъ мачтамъ уже прибавилась третья, съ треугольнымъ еще парусомъ, на переднихъ двухъ мачтахъ уже появляются прямые паруса. Порты еще не изобрѣтены, а потому немногочисленныя орудія ставятся только на верхней палубѣ и стрѣляютъ черезъ бортъ.

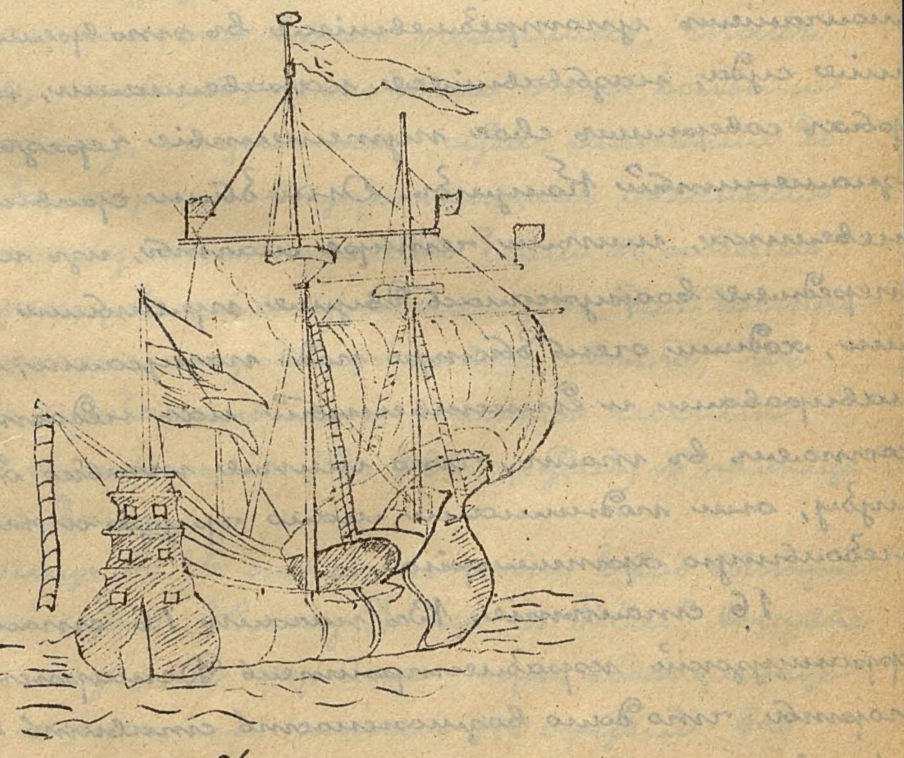
Въ этомъ же столѣтіи появляются суда съ болѣе острымъ образованіемъ чѣмъ нефы, съ болѣе красивой кормой и четырьмя мачтами,

Нефъ 13го стол. „La Roche-Forte", водоизмѣщ. 500 тоннъ

Нефъ 13 стол. „La Roche-Forte," водоизмѣщ. 500 тоннъ

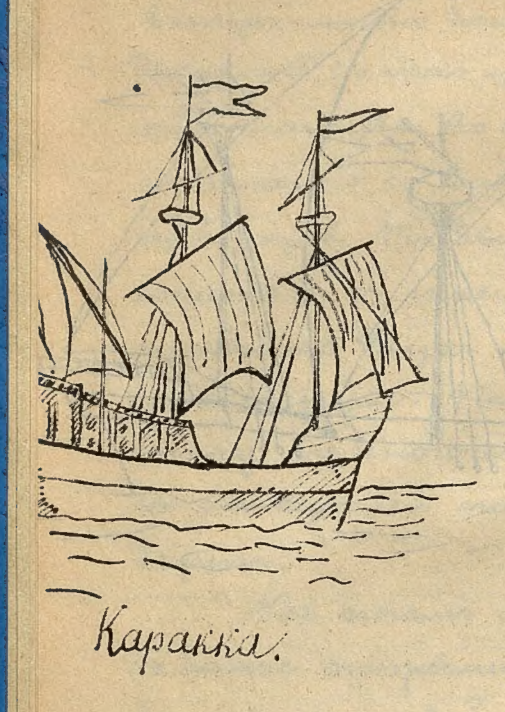

Парусныя суда конца 15го Столѣтія.

Нефъ.

Парусные суда конца 15го столѣтія.

Каракка.

Каравелла.

подъ названіемъ караккъ. Нельзя также обойти молчаніемъ употреблявшіеся въ это время небольшіе суда, называвшіеся каравеллами, на которыхъ совершилъ свое путешествіе черезъ океанъ знаменитый Колумбъ. Они были сравнительно невелики, имѣли четыре мачты, изъ которыхъ передняя вооружалась двумя прямыми парусами, ходили очень быстро подъ парусами, отлично лавировали и единственный ихъ недостатокъ состоялъ въ томъ, что имѣя только одну палубу, они поднимали мало груза и носили небольшую артиллерію.

16 столѣтіе. Въ началѣ 16 столѣтія французскій кораблестроитель Демаржъ изобрѣлъ порты, что дало возможность ставить артиллерію въ закрытыхъ палубахъ; верхняя палуба настилалась только на бакъ и на корму, начиная

съ гротъ-мачтъ, такъ что шкафуты были только по бортамъ, служа для перехода съ бака на шканцы; такимъ образомъ верхній рядъ орудій былъ всегда неполный.

Вооруженіе рода 16 столѣтія также сильно подвинулось впередъ: появляются стеньги, бушпритъ съ блинда-реемъ a и какъ на реяхъ, такъ и на бушпритъ прикрѣпляются абордажные крючья, чтобы зацѣплятьса за снасти непріятельскаго корабля.

Каракка этого столѣтія, какъ это видно на рисункѣ, подвинулась еще дальше и, по своимъ красивымъ обводамъ и вооруженію, не уступаетъ кораблямъ 17 столѣтія; безобразныя надстройки на кормѣ и на носу почти исчезли, что уменьшило сильно дрейфъ при лавировкѣ, на бушпритъ появился вертикальный утлегарь и на немъ еще парусъ.

Въ этомъ-же вѣкѣ появились, такъ называемые, галлоны; это были очень большія (до 1600 тоннъ), неуклюжія суда, имѣвшія до семи палубъ, хорошо выдерживавшія океанскія бури, а потому эти громады были въ особенно большомъ употребленіи у испанцевъ, для доставки черезъ океанъ сокровищъ новаго свѣта; къ этому надо прибавить, что галлоны носили громадную артиллерію (до 300 орудій) и помѣщали массу солдатъ.

Наконецъ въ 16 же столѣтіи было выстроено въ Англіи судно „Harry Grace à Dieu", впервые получившее названіе корабля; при водоизмѣщеніи въ 1000 тоннъ, онъ имѣлъ 110 орудій въ двухъ сплошныхъ батареяхъ и 700 человѣкъ команды. Корабль этотъ признается всѣми учены-

ми кораблестроителями за родоначальника линейныхъ парусныхъ кораблей: но въ то время, какъ онъ, такъ и современные ему суда, имѣли еще очень крупные недостатки. Образованіе подводной части и оснастка были еще настолько плохи, высокій кузовъ настолько парусилъ, что корабль не только не могъ ходить въ бейдевиндъ, но его дрейфовало и въ галфвиндъ. Подводная часть, и безъ того небольшого объема, загромождена была каменнымъ балластомъ, необходимымъ для приданія большей остойчивости сильно страдавшей отъ высоты корпуса; вслѣдствіе этого на корабль помѣщались только самые необходимые запасы, да и то на недолгое время и потому при флотахъ приходилось имѣть специальные транспортные суда. Пушечные порты прорѣзывались неправильно и притомъ иногда такъ близко отъ воды, что нерѣдко бывали случаи, въ которыхъ корабли опрокидывались стоя на рейдѣ, черпнувши нижними портами во время свѣжаго вѣтра.

17 столѣтіе. Въ 17 столѣтіи названія „нефъ", „каракка" исчезаютъ и всѣ военные корабли дѣлятся, соотвѣтственно силѣ своей артиллеріи, на ранги, причемъ корабли, способные, по своей силѣ, сражаться въ боевой линіи, называются линейными кораблями. Появились трехъ-дечные корабли съ 120 орудіями и въ половинѣ столѣтія перестали помѣщать на томъ же декѣ орудія различныхъ калибровъ, что очень важно, такъ какъ разнокалиберность орудій ведетъ къ медленности и замѣшательству въ подачѣ ядеръ; въ это-же почти время сняли огромные надстройки на носу и на кормѣ, достигавшіе часто

большой высоты.

Первое сочиненіе по корабельной архитектурѣ появилось въ 1650 году, а черезъ нѣсколько лѣтъ приложены были къ постройкѣ корпуса корабля математическія вычисленія, что дало возможность строить суда, вмѣщавшія провизію и запасы на 6 мѣсяцевъ; нижніе порты были повышены, введены были подъемныя стеньги, четырехугольные марсы, брамсели, и корабли начали удовлетворительно лавировать. Въ серединѣ столѣтія былъ построенъ въ Англіи первый фрегатъ - судно съ одной сплошной батареей и съ нѣсколькими орудіями на бакѣ и шканцахъ; суда этого типа, вооруженные одинаково съ кораблями, были небольшого размѣра, отличались своею легкостью и быстрымъ ходомъ и употреблялись для преслѣдованія коммерческихъ судовъ и для развѣдокъ. Наружная окраска судовъ въ 17 столѣтіи продолжаетъ быть совершенно произвольной: на современныхъ картинахъ встрѣчаются корабли и другія суда красные, желтые, черные, зеленые, а носы и кормы залѣплены рѣзьбой и покрыты позолотой.

18 столѣтіе. Введеніе діагональнаго набора, предложеннаго однимъ шведскимъ инженеромъ, было однимъ изъ самыхъ важныхъ улучшеній въ кораблестроеніи 18 столѣтія; корабли стали строиться несравненно крѣпче, можно было увеличить ихъ размѣры, ставить на нихъ болѣе тяжелую артиллерію и посылать въ море и на зимнее время, о чемъ прежде нельзя было и думать, такъ какъ корпуса кораблей во время зимнихъ бурь расшатывались и текли, и кампанія ограничивалась четырьмя, много пятью,

Парусныя суда XVI столѣтія

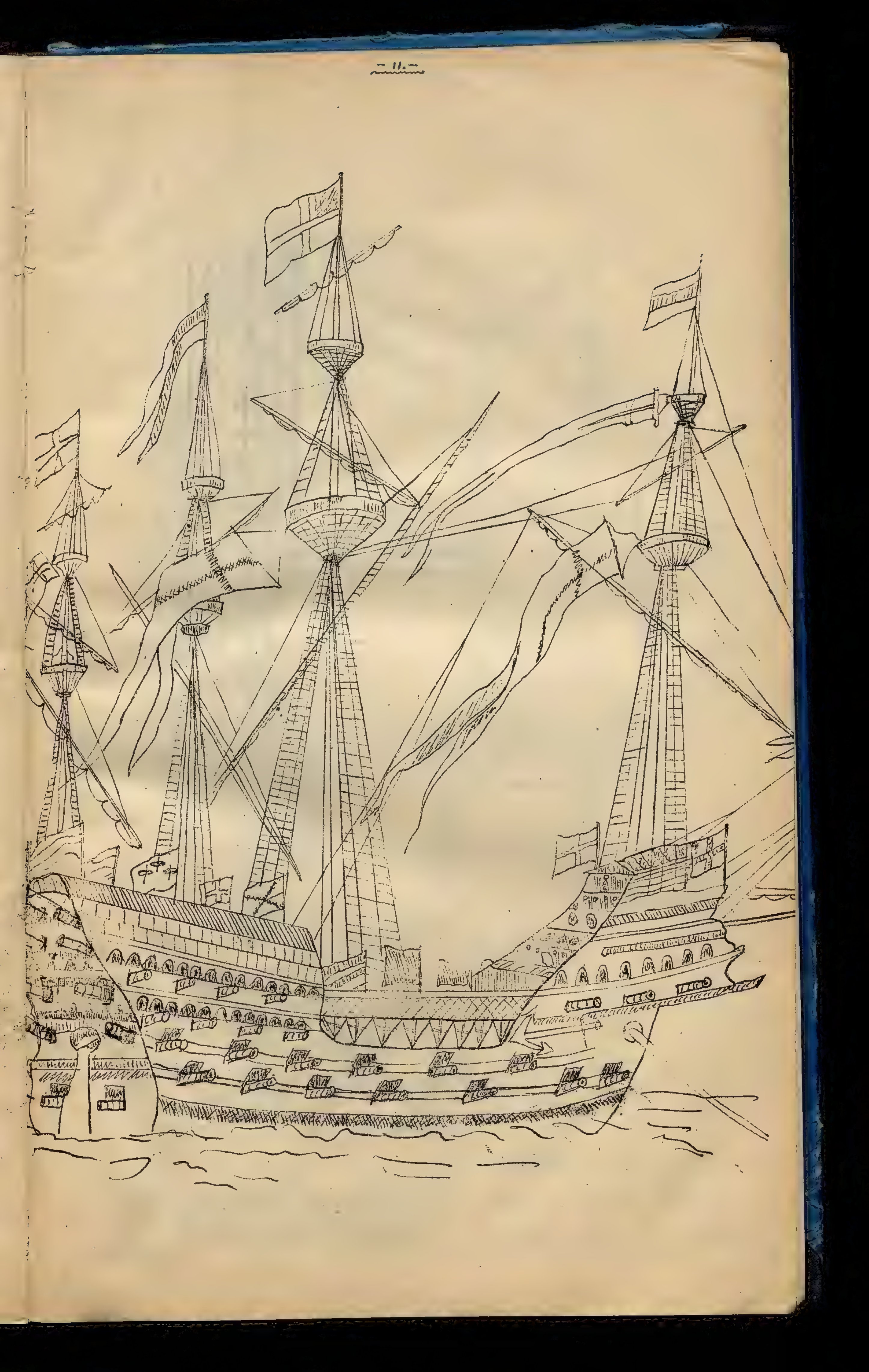

Каракка

Гальонъ

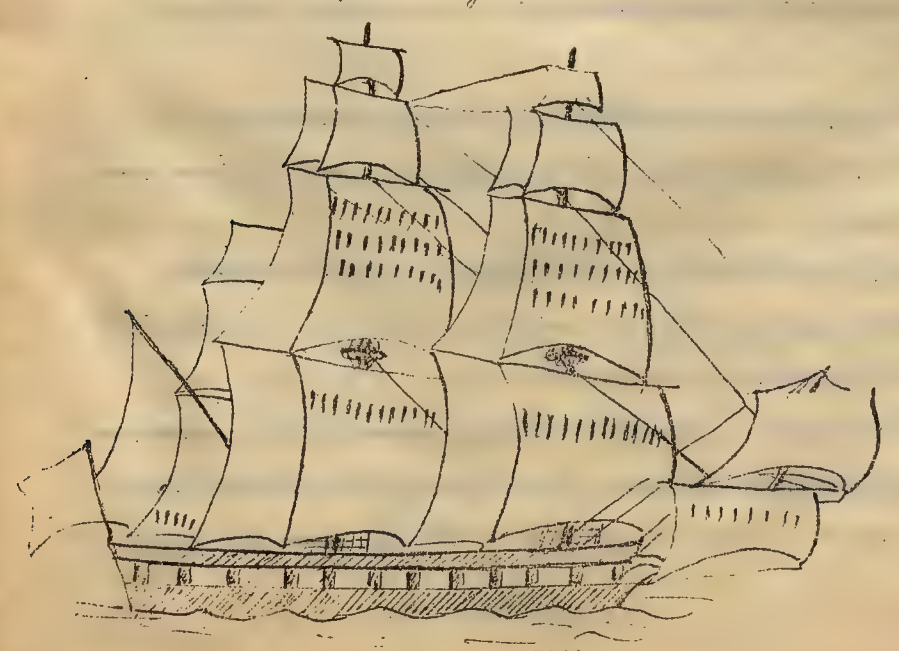
Нефъ.

Парусныя суда XIII столѣт.

74хъ пушечный корабль.

лѣтними мѣсяцами. За діагональнымъ наборомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, послѣдовало введеніе мѣдной обшивки, предохранявшей подводную часть отъ гніенія и обрастанія, черезъ что значительно увеличился ходъ судовъ. Въ рангоутѣ и парусности произошло тоже не мало перемѣнъ, появились подъемные брамъ-стеньги, вертикальный утлегарь былъ замѣненъ горизонтальнымъ, бизань-рей обратился въ гафель, прибавились бомъ-брамсели, кливера и лисели.

Орудія начали отливаться изъ чугуна, а въ концѣ столѣтія были изобрѣтены карронады - пушки небольшой длины, но большаго калибра, что давало возможность на короткихъ разстояніяхъ, на которыхъ обыкновенно и велся тогда бой, наносить непріятелю страшный вредъ; объ удобствѣ вооруженія судовъ карронадами можно судить по тому, что 68 фунтовая карронада вѣсила меньше 12 фунтовой пушки, а потому ее можно было устанавливать на верхнихъ батареяхъ и на судахъ небольшаго размѣра.

Мелкія военныя суда 18 столѣтія.

Появилось также нѣсколько типовъ небольшихъ судовъ.

Корветъ - съ корабельнымъ вооруженіемъ и съ однимъ рядомъ небольшихъ орудій на сплошной верхней палубѣ.

Шнява (бригантина) - двухъ - мачтовое судно, съ реями на обѣихъ мачтахъ, и съ одной батареей на верхней палубѣ.

Бомбардирскій корабль - вооруженный мортирами для бомбардированія непріятельскихъ укрѣпленныхъ мѣстъ. Чтобы легче подводить такой

корабль къ берегу, онъ имѣлъ плоское дно, а также постройка его была крѣпче, чтобы онъ могъ выдерживать выстрѣлы мортиръ. Малые бомбардирскіе корабли, употреблявшіеся для бомбардировки стоя на якоряхъ, не имѣли фокъ мачты и на мѣстѣ ея на подставкахъ изъ тросовъ или свинца, чтобы удары отъ выстрѣловъ не были чувствительны для судна, устанавливались двѣ мортиры; кромѣ того имѣлось нѣсколько пушекъ для защиты себя отъ мелкихъ судовъ.

Большіе бомбардирскіе корабли имѣли полное корабельное вооруженіе и могли производить бомбардировку на ходу; они имѣли двѣ мортирныя батареи: большую между фокъ и гротъ-мачтой, а между гротъ и бизань мачтой помѣщалась малая батарея.

Флейтъ или пинкъ - спеціально грузовое судно, съ корабельнымъ вооруженіемъ, имѣвшее небольшое количество орудій на верхней палубѣ. Для плаванія по внутреннимъ морямъ строились флейты, имѣвшіе видъ теперешнихъ лайбъ, а пинками, въ русскомъ флотѣ, назывались иногда суда вполнѣ схожія съ корветами.

Шебека - легкое посыльное судно съ громадными косыми парусами, которые давали ему возможность двигаться довольно быстро, даже въ самый легкій вѣтеръ; въ помощь парусамъ имѣлись весла, которые выкидывались между пушечными портами. Въ свѣжій вѣтеръ косые паруса замѣнялись четырехугольными брифоками и топселями. Артиллерія состояла изъ 20 - 30 пушекъ небольшаго калибра на верхней палубѣ.

Бот — небольшое судно съ одной мачтой, вооруженное, смотря по своему назначенію, или однимъ большимъ орудіемъ, или батареей изъ мелкихъ орудій; на случай штиле имълись также и весла.

По наружному виду суда 18 столътіе становятся проще своихъ предшественниковъ: ръзьба и позолота значительно уменьшаются и упрощаются, въ окраскъ бортовъ начинаетъ господствовать черный цвътъ; во второй половинъ столътія вводится обычай портовые линіи отбивать бълыми полосами во всю ширину портовъ, закрытыхъ батарей, такъ что по этимъ полосамъ издали можно было узнать на сколькихъ декахъ поставлены пушки.

Брандеромъ называютъ судно, начиненное горючими веществами, которое употребляютъ для зажженія судовъ непріятельскаго флота.

Для брандеровъ, собственно, не строятъ судовъ, а употребляютъ суда пришедшіе въ негодность, мелкія суда, транспорты, взятые въ плънъ купцы и т. п. Брандеры вооружаются нъсколькими орудіями мелкаго калибра, чтобы обороняться отъ мелкихъ судовъ и на случай абордажа. Зажигательные припасы заготовляются прежде и хранятся въ крюйтъ-камеръ и въ другихъ безопасныхъ мъстахъ. Брандеръ долженъ быть такъ снаряженъ, чтобы могъ вдругъ загоръться, какъ внутри, такъ и снаружи. Для этого палубы покрываютъ брезентами, и посыпаютъ ихъ слегка мелкими кусками брандскугельнаго состава и порохомъ; ставятъ на кубрикъ, въ декъ и у самыхъ стънъ корабля, кадки наполненные брандскугельнымъ составомъ; ящики, снаряженные

Лит. К. Биркенфельда.

гранатами, размѣщаютъ на верхней палубѣ между мачтами; кранцы прибиваютъ у самаго борта внутри судна; сосисы, или длинные мѣшки, набитые составомъ изъ селитры и сѣры, укладываютъ въ декъ такъ, чтобы концы ихъ приходились въ кормовой части судна, у широкихъ специально прорубленныхъ тамъ, портовъ; въ концы сосисовъ вставляется трубка, набитая медленно-горящимъ составомъ помощью которой зажигается брандеръ; всѣ эти снаряды спрыскиваютъ скипидаромъ и перепутываютъ стопиномъ; также спрыскиваютъ скипидаромъ всѣ внутреннія и наружныя части судна, мачты, реи и проч. Порты и люки закрываютъ, а чтобы они во время боя открылись, ставятъ противъ каждаго изъ нихъ брандерные мортиры, т. е. кусокъ дерева съ каналомъ и каморою; камору наполняютъ порохомъ, а въ каналъ плотно вбиваютъ шестъ которымъ, при выстрѣлѣ изъ мортиры, открывается портъ; запалы-же мортиръ соединяютъ стопиномъ съ другими зажигательными снарядами. Орудія заряжаютъ сильными зарядами и даютъ имъ приличное направленіе, а остальной порохъ выбрасываютъ за бортъ, чтобы не могло послѣдовать преждевременнаго взрыва. На бушпритъ, на нокѣ реевъ и въ другихъ удобныхъ мѣстахъ навѣшиваютъ желѣзные зазубренные крючья, которыми брандеръ могъ-бы сцѣпиться съ непріятельскимъ кораблемъ. Потомъ ставятъ паруса, соотвѣтственно курсу брандера, отводятъ его на приличное разстояніе и, закрѣпивъ руль, зажигаютъ трубку, а люди, выйдя черезъ кормовой портъ, на

Исправилъ Генералъ-маіоръ [illegible]

шлюпки отваливают отъ брандера.

19 столѣтіе. Съ самаго начала нашего столѣтія, благодаря смѣлымъ проэктамъ французскихъ и англійскихъ инженеровъ, кораблестроеніе сдѣлало большіе успѣхи. Суда получили увеличенные размѣры, правильные и красивые очертанія поверхностей, правильную нагрузку и прекрасные морскія качества; абордажъ во время сраженій сталъ исключеніемъ, а потому уклонъ томтимберсовъ во внутрь былъ уничтоженъ, чѣмъ достигнутъ былъ такой просторъ на верхней палубѣ, что можно было забрать шкафуты и поставить на нихъ карронады; въ нижнихъ декахъ кораблей начали ставить вновь изобрѣтенные бомбовые пушки, т. е. пушки стрѣлявшіе бомбами прицѣльно.

Шнявы и бригантины предъидущаго столѣтія получили теперь названіе бриговъ, а бомба-тендеровъ.

Личный составъ. Въ средніе вѣка только галеры считались настоящими военными судами; для ихъ постройки и вооруженія государства, имѣвшіе военные флоты, строили спеціальные арсеналы; офицеры, матросы и гребцы были на постоянномъ жалованьѣ и практиковались въ своемъ дѣлѣ и въ мирное время; однимъ словомъ галеры составляли настоящій организованный военный флотъ.

Но такіе флоты имѣли далеко не всѣ государства; у англичанъ и французовъ первые военные суда, принадлежащіе правительству, появились только въ 16 столѣтіи, и еще около ста лѣтъ число ихъ было очень ограничено и

Корветъ

Шнява. Бригантин

Бомбардирскій корабль.

Ботъ.

Флейтъ.

Флейтъ или Пинкъ

ботъ.

Шебека.

большая часть сражающихся парусных флотовъ состояла изъ купеческихъ судовъ, приспособленныхъ на скорую руку для военныхъ дѣйствій. Правда, въ то время, вслѣдствіе постоянныхъ морскихъ разбоевъ, всѣ купеческія суда были вооружены пушками, такъ что передѣлка ихъ въ военные корабли не представляла особыхъ затрудненій; но отсутствіе специально выученнаго для дѣйствій на морѣ личнаго состава, давало себя сильно чувствовать и всѣ сраженія этого періода отличались страшной безпорядочностью и полнымъ отсутствіемъ тактики.

По объявленіи войны, адмиралъ, выбранный королемъ изъ своихъ придворныхъ, но не имѣвшій ни малѣйшаго понятія объ морскомъ дѣлѣ, издавалъ прокламацію съ объясненіемъ цѣли похода и числа необходимыхъ судовъ, и выставлялъ ее на пристаняхъ и у воротъ всѣхъ приморскихъ городовъ. Королевское знамя освящалось въ церкви, благословлялось на успѣшное предпріятіе и ставилось у прокламаціи подъ охраной часовыхъ; трубачи играли на трубахъ, герольды громкимъ голосомъ объясняли собравшемуся народу содержаніе прокламаціи и каждый, способный исполнять какую-либо обязанность на кораблѣ, записывался у адмиральскаго секретаря, на извѣстныхъ условіяхъ, на службу: тутъ-же нанимались у владѣльцевъ купеческія суда. Если собранныхъ такимъ образомъ судовъ было недостаточно, на приморскіе города налагалась обязанность выставить извѣстное число судовъ, а если не хватало и этихъ, недостающія суда нанимались у ино-

странцевъ.

На нанятый такимъ образомъ купеческiй неф, назначалось извѣстное количество солдатъ, офицеровъ и командиръ, которые часто въ первый разъ ступали на палубу корабля и, конечно, были полными невѣждами въ морскомъ дѣлѣ; бывшiй капитанъ съ своими помощниками управлялъ кораблемъ и распоряжался всѣми маневрами, получая только общiя указанiя отъ командира, роль котораго начиналась собственно только въ сраженiи.

Понятно, какой безпорядокъ и отсутствiе дисциплины царили на судахъ при такомъ личномъ составѣ: съ одной стороны командиръ и солдаты, наскоро посаженные на корабль, которымъ управлять они не могутъ; съ другой — бывшiй купеческiй капитанъ и матросы, можетъ быть и прекрасные моряки, но безъ всякой военной подготовки; каждая сторона имѣетъ свои нравы, обычаи и предразсудки и старается дѣйствовать по своему, упуская изъ виду общую цѣль ихъ соединившую.

Переходя теперь отъ корабля къ флоту, видимъ ту-же картину: адмиралъ по большей части не морякъ, во всемъ, что касается плаванiя и маневровъ, находится въ полной зависимости отъ коммерческихъ капитановъ; никакой однородности не существуетъ между кораблями самой различной постройки и величины, принадлежащими часто различнымъ нацiональностямъ, вооруженными самыми разнообразными способами и личный составъ которыхъ подчиняется законамъ и

обычаемъ разныхъ странъ.

Чтобы поддержать нѣкоторый порядокъ въ такихъ разношерстныхъ экипажахъ, законы того времени относились ко всякимъ, даже маловажнымъ, проступкамъ съ замѣчательною жестокостью.

Кромѣ заковки въ кандалы, наказанія плетьми и купанія съ нока-рея на веревкѣ, за кражу, напримѣръ, виновному брили голову, обмазывали смолой, посыпали перьями и прогоняли въ такомъ видѣ сквозь строй черезъ всю команду причемъ каждый обязанъ былъ ударить вора камнемъ или палкой; руку, грозившаго убить командира, прибивали къ мачтѣ гвоздемъ и держали его такимъ образомъ нѣсколько часовъ; убійцу связывали вмѣстѣ съ его жертвой и бросали въ море и т. п....

За другія важныя преступленія назначалось килеваніе, которое состояло въ томъ, что осужденнаго привязывали къ концу, проведенному подъ кораблемъ къ противоположному борту, и на этомъ концѣ протаскивали подъ килемъ; оставаясь въ водѣ довольно долго, несчастный рѣдко вынимался изъ нея неповрежденнымъ; иногда ломали руку, иногда ногу, а иногда сворачивали и голову.

Въ 17 столѣтіи государства имѣли уже довольно большіе парусные военные флоты, для вооруженія и содержанія которыхъ были основаны военные порты; личный составъ командировъ и офицеровъ образовался изъ людей знакомыхъ съ моремъ и съ управленіемъ кораблемъ и для пополненія этого состава молодые люди, дворянскихъ фамилій, обучались въ портахъ мор-

скому дѣлу; правда, флоты вооружались и команда набиралась попрежнему, только при объявленіи войны, но важность хорошей стрѣльбы изъ орудій заставляла уже содержать въ портахъ, на постоянномъ жалованьи, извѣстное количество комендоровъ.

Прекрасная система нумеровъ еще не была извѣстна, но команда уже раздѣлялась на вахты, имѣлись росписанія для боевой тревоги, многихъ парусныхъ маневровъ, при работахъ требовалась и соблюдалась абсолютная тишина и тому подобное.

Настоящимъ бичемъ флотовъ того времени были болѣзни: полное отсутствіе гигіены, плохая пища и вода, гнившая въ бочкахъ, наполняли судовые лазареты еще во время стоянки на рейдѣ, а стоило только флоту выйти въ море, какъ больные начинали прибывать сотнями и смертность принимала иногда такіе размѣры, что флоту приходилось скорѣе спѣшить въ портъ, пока было еще на ногахъ достаточное число людей, чтобы управлять кораблемъ.

Съ самаго начала 18 столѣтія во всѣхъ флотахъ прилагаются всевозможныя заботы къ тому, чтобы образовать хорошій личный составъ, такъ какъ опытъ многихъ сраженій ясно показалъ, что совершенно безполезно имѣть корабли самой лучшей постройки и прекрасно вооруженные, если нѣтъ людей способныхъ управлять ими въ сраженіи.

Школы для образованія морскихъ офицеровъ расширяются и совершенствуются ихъ программы; матросы - спеціалисты, въ особенности

комендоры, въ возможно большемъ количествѣ содержатся на постоянномъ жалованьи; появляется новый родъ постоянныхъ войскъ - морскіе солдаты; наконецъ, во второй половинѣ столѣтія, всѣ государства начинаютъ вооружать часть судовъ въ мирное время для практики офицеровъ и командъ и на этихъ судахъ вырабатываются цѣлесообразныя росписанія для всѣхъ дѣйствій на кораблѣ.

Несмотря однако на всѣ заботы о привлеченіи возможно большаго числа людей для службы на военныхъ корабляхъ, при каждомъ объявленіи войны, наборъ необходимаго количества матросовъ является необыкновенно труднымъ дѣломъ и до самаго конца 18 вѣка приходится прибѣгать къ насилію, состоящему въ томъ, что на коммерческіе порты налагается запрещеніе выпускать какое-либо судно въ море, пока не будетъ представлено для военной службы извѣстное количество матросовъ.

Также мало подвинулась впередъ судовая гигіена; дисциплина на корабляхъ была еще далека отъ того, что понимается подъ этимъ словомъ теперь и слишкомъ мало обращалось вниманіе на военное образованіе команды, посредствомъ постоянныхъ правильныхъ ученій. Всѣ эти недостатки впервые были устранены въ англійскомъ флотѣ, въ концѣ столѣтія, знаменитымъ адмираломъ Джервисомъ, и оттуда уже быстро распространились по всѣмъ другимъ государствамъ, которымъ многочисленные успѣхи англичанъ на морѣ открыли глаза на важность этихъ преобразованій.

Еще будучи командиромъ, Джервисъ, вырабо-

талъ и провѣрилъ на дѣлѣ свои идеи о необходимыхъ реформахъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, такъ нуждались современные флоты, и потому, будучи въ 1795 году назначенъ командовать англійской эскадрой Средиземнаго моря, онъ сразу обратилъ вниманіе, во первыхъ, на содержаніе судна въ чистотѣ, отъ которой такъ зависѣло здоровье команды, во вторыхъ, — на военное образованіе матросовъ и, въ третьихъ на поддержаніе самой строгой дисциплины между всѣми чинами эскадры.

По приказанію Джервиса, по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю провѣтривались койки и все одежда матросовъ, всѣ палубы мылись съ камнемъ и пескомъ, ежедневное провѣтриваніе ихъ сдѣлалось обязательнымъ и, чтобы быть болѣе увѣреннымъ въ исполненіи своихъ предписаній, Джервисъ приказалъ всякую, даже самую незначительную, работу, относящуюся къ приведенію судна въ чистоту, записывать въ вахтенный журналъ, который долженъ былъ провѣряться постоянно командиромъ. Мѣры эти, вошедшія теперь давно въ обычай, могутъ намъ казаться не такими уже важными, а потому нелишнее будетъ привести здѣсь табличку числа больныхъ на англійскомъ флотѣ за періодъ съ 1779 по 1806 годъ.

Въ 1779 – 1782	годахъ	ежедневно было	30% больныхъ
1793 – 1796	—	—	— 24%
1797 – 1800	—	—	— 14%
1801 – 1806	—	—	— 8%

Цифры тутъ говорятъ сами за себя.

Будучи убѣжденъ, что въ артиллерійскомъ

бою побѣждаетъ тотъ, кто скорѣе и вѣрнѣе стрѣляетъ, Джервисъ приказалъ ежедневно, какъ на якорѣ, такъ и въ морѣ, производить артиллерійскія ученья; держась при этомъ цѣлыми мѣсяцами въ морѣ, онъ практиковалъ постоянно своихъ командировъ и офицеровъ въ различныхъ маневрахъ и достигъ того, что эскадра его прекрасно переносила долгія, бурныя крейсерства у непріятельскихъ береговъ, не нуждаясь въ заходѣ въ портъ для исправленія повреждений и своза больныхъ.

„Когда дисциплина видна во внѣшнихъ отношеніяхъ, она почти уже существуетъ на дѣлѣ," говоритъ Джервисъ, а потому, относясь самъ къ своимъ подчиненнымъ съ безупречною вѣжливостью, онъ неуклонно требовалъ, чтобы, напр. младшій не иначе обращался къ старшему, какъ снявши предварительно фуражку, чтобы никто не являлся на флагманскій корабль, не будучи въ установленной для этого формѣ и т. п. „Я не опасаюсь неповиновенія со стороны нижнихъ чиновъ," — писалъ знаменитый адмиралъ, „но настоящую опасность я вижу въ легкомысленныхъ разговорахъ офицеровъ и въ ихъ наклонности обсуждать получаемые приказанія; вотъ гдѣ, по моему, кроется корень всякаго безпорядка." Эти свои мысли Джервисъ энергично проводилъ на дѣлѣ и не останавливался ни передъ какими мѣрами, чтобы убить всякую попытку къ нарушенію дисциплины, въ особенности со стороны старшихъ. Вотъ такими мѣрами Джервисъ создалъ ту эскадру, кото-

рае впослѣдствіи, подъ начальствомъ Нельсона и Коллингвуда, прославилась своими побѣдами на весь міръ.

Тактика нефовъ до изобрѣтенія портовъ.

До изобрѣтенія портовъ на нефахъ, приспособленныхъ для военныхъ цѣлей, сначала метательныя машины, а потомъ и артиллерія, ставились, какъ и у галеръ, почти исключительно на носу, гдѣ располагались и солдаты, готовые при первой возможности броситься на абордажъ. Такой способъ вооруженія нефовъ заставлялъ ихъ оборачиваться во время боя носомъ къ непріятелю, а потому единственнымъ боевымъ строемъ могъ быть только строй фронта; но такъ какъ нефы могли двигаться только съ помощью вѣтра, причемъ лавировка была имъ недоступна, обѣ стороны уже не могли идти другъ другу на встрѣчу въ строѣ фронта и такимъ боевымъ порядкомъ могъ пользоваться, имѣя за собой попутный вѣтеръ, только одинъ изъ противниковъ въ томъ случаѣ, если другой его ожидалъ, стоя на якорѣ; при этомъ командующему надо было особенно тщательно разсчитать всѣ шансы на побѣду, такъ какъ тотъ-же самый вѣтеръ, который давалъ возможность произвести нападеніе, отрѣзывалъ ему путь къ отступленію и бой не могъ остаться не рѣшеннымъ. Изъ вышесказаннаго ясно, что совпаденіе обстоятельствъ, при которыхъ нефы могли сражаться въ строѣ, случалось очень рѣдко и можно принять за общее пра-

было, что до изобрѣтенія пороха, парусные флоты сражались въ полномъ безпорядкѣ и безъ всякаго строя и о какой либо тактикѣ нефовъ, носившихъ главное вооруженіе на носу, нечего было и думать.

Сраженіе при Слюйсѣ (Эклюзъ) въ 1340 г.

Въ 1328 году скончался во Франціи король Карлъ 4, послѣдній изъ Капетинговъ, не оставивъ послѣ себя наслѣдника, а потому, согласно салическому закону, престолъ перешелъ къ двоюродному его брату изъ дома Валуа, провозглашенному королемъ подъ именемъ Филиппа 6. Тогда заявилъ свои права на французскій престолъ англійскій король Эдуардъ 3, мать котораго была родная сестра Карла 4, и объявилъ Франціи войну, положившую начало той нескончаемой борьбѣ между этими двумя государствами, которой суждено было, съ небольшими перерывами, тянуться вплоть до начала нашего столѣтія.

Военныя дѣйствія начались во Фландріи, гдѣ народная партія, недовольная господствомъ французовъ, возстала противъ нихъ и присоединилась къ высадившимся туда англичанамъ; съ своей стороны французы, собравъ наскоро флотъ, причемъ большую часть кораблей пришлось нанять у иностранцевъ, послали его разорять берега Англіи.

Какъ было уже сказано раньше, военныхъ парусныхъ кораблей въ тѣ времена не было, а потому французскій флотъ состоялъ изъ нормандскихъ, испанскихъ и генуэзскихъ купеческихъ нефовъ, подъ началь-

ствомъ двухъ адмиралавъ Кьере и Бегюше, къ которымъ присоединилсе отрядъ генуэзскихъ галеръ, имые во главѣ Барбаверу - родного брата дожа.

Флотъ этотъ совершенно безнаказанно совершилъ рядъ набѣговъ на англійскіе берега, причемъ сжегъ и раззорилъ до тла нѣсколько большихъ приморскихъ городавъ и забралъ много купеческихъ кораблей, но главною цѣлью его было охранетъ берега Фландріи и недопускать туда высадку англійскаго короле съ большою арміей, которае, по слухамъ, собиралась отплыть изъ одного изъ восточныхъ портовъ.

Дѣйствительно, въ Іюнѣ 1340 года Эдуардъ вышелъ изъ Ипсвича съ флотомъ изъ 260 нефавъ различной величины, наполненныхъ цвѣтомъ англійскаго рыцарства съ отборнымъ войскомъ, и направилсе къ берегамъ Фландріи; при флотѣ шлось нѣсколько транспортовъ съ королевскимъ багажемъ и придворными дамами, которые должны были отправитьсе въ Гентъ, гдѣ въ то время находилась англійскае королева.

Придя рано утромъ на видъ береговъ, немного западнѣе города Слюса, съ флота по направленію къ этому городу былъ усмотрѣнъ цѣлый лѣсъ мачтъ; подозрѣвае присутствіе непріятеле, король высадилъ на берегъ нѣсколько рыцарей, приказавши имъ доѣхать верхомъ до Слюса и произвести развѣдку, что не представлело особаго затрудненіе въ виду расположеніе жителей къ англичанамъ. Къ вечеру посланные вазвратились и донесли, что непріятельскій флотъ въ числѣ 400 судовъ, раз-

дъленный на три отряда, дъйствительно стоитъ у Слуиса и что между его кораблями они различили также нъкоторые суда, взятые у англичанъ во время предъидущихъ набъговъ; получивъ это донесеніе, король приказалъ флоту стать на якорь съ намъреніемъ, несмотря на большое неравенство силъ, напасть на слъдующій день на непріятеля.

Французы выбрали своимъ мъстомъ стоянки Слуисъ, какъ самый лучшій портъ по всему побережью,(*) такъ что легко можно было ожидать, что сюда направятся англичане, а также корабли изъ сосъднихъ портовъ фламандскихъ и брабантскихъ, которые могутъ быть снаряжены для оказанія помощи возставшимъ. Однако для сраженія позиція была нехороша, такъ какъ въ узкой ръкъ нельзя было развернуть своихъ силъ и воспользоваться своимъ превосходствомъ, а потому, получивъ извъстіе о появленіи англійскаго флота, ръшено было спуститься къ самому устью; къ этому побуждало еще то обстоятельство, что мъстные жители, въ присутствіи англичанъ приняли угрожающее положеніе и, оставаясь въ ръкъ, надо было ожидать нападенія съ ихъ стороны во время сраженія.

Барбавера, обладавшій большимъ военнымъ талантомъ, настоятельно совътовалъ выйти совсъмъ въ открытое море и напасть тамъ на англичанъ, но французскіе адмиралы,

---

(*) Теперь этотъ портъ давно занесенъ пескомъ и доступенъ только для самыхъ небольшихъ судовъ.

бывшіе съ нимъ въ постоянной враждѣ, не послушались его совѣтовъ и расположили флотъ на якорѣ, хотя и на взморьѣ, но все таки на относительно узкомъ мѣстѣ, окруженномъ песчаными отмелями и банками.

На слѣдующій день съ утра вѣтеръ задулъ съ моря, а потому Эдуардъ рѣшилъ не упускать благопріятныхъ обстоятельствъ и атаковать французовъ, несмотря на неравенство силъ; рано утромъ снялся онъ съ якоря и началъ маневрировать, съ цѣлью спуститься на непріятеля совсѣмъ на фордевиндъ. Движеніе это ошибочно было принято французами за желаніе избѣжать сраженія, и возбудило въ нихъ опасеніе, чтобы англійскій флотъ, который они уже считали своей добычей, не ушелъ-бы отъ нихъ; но скоро они должны были разубѣдиться въ этомъ: на корабле Эдуарда взвился королевскій штандартъ и весь англійскій флотъ повернулъ на непріятеля, подгоняемый попутнымъ вѣтромъ и приливнымъ теченіемъ, а также имѣя сзади себя солнце, яркіе лучи котораго ударяли французамъ прямо въ глаза и мѣшали имъ увидѣть быстро приближающіеся англійскіе корабли.

Впереди, въ строю фронта, шли самые большіе нефы, причемъ каждое судно, наполненное рыцарями съ холоднымъ оружіемъ, находилось между двумя судами, команды которыхъ были вооружены арбалетами и луками; сзади находилась резервная эскадра, готовая подать помощь тамъ, гдѣ таковая понадобится, а третій отрядъ охранялъ транспорты, на которыхъ находились женщины.

Приблизившись, англичане пустили тучи стрѣлъ; французы отвѣчали тѣмъ-же и кромѣ того изъ имѣвшихся на ихъ судахъ камнеметныхъ машинъ бросали громадные каменья на непріятеля, но свѣтившее прямо въ глаза солнце мѣшало имъ вѣрно цѣлить и англичане теряли очень мало, тогда какъ палубы французскихъ судовъ покрылись убитыми и ранеными; однако-же тѣ немногіе камни, которые достигали своей цѣли, потопили одинъ корабль и одинъ транспортъ и надо думать, что камнеметные машины дали-бы большой перевѣсъ французамъ, если-бы ихъ адмиралы сумѣли занять болѣе выгодное положеніе для боя.

Изъ линіи англійскихъ кораблей далеко вышелъ нефъ „Оливеръ", наполненный оруженосцами, надѣявшимися въ этотъ день заслужить званіе рыцаря; воспользовавшись этимъ Барбавера послалъ атаковать его четыре галеры, но они скоро были взяты подоспѣвшими на выручку англичанами, тогда какъ „Оливеръ", увлекаемый вѣтромъ и теченіемъ на французскую линію, послѣ отчаянной абордажной свалки долженъ былъ сдаться. Скоро абордажъ сдѣлался общимъ, но французскіе нефы, ослабленные большою потерею людей, съ трудомъ сопротивлялись англичанамъ, хотя французы и не уступали въ отвагѣ своимъ противникамъ; такъ напр. нефъ „Христофоръ" сдался только тогда, когда изъ всего экипажа осталось въ живыхъ только нѣсколько человѣкъ.

Однако побѣда еще далеко не была обезпечена за англичанами, какъ вдругъ на горизонтѣ

Лит. К. Биркенфельда.

показались суда: это были фламандцы, спешившие изъ окрестныхъ портовъ на помощь своимъ союзникамъ, и вмѣстѣ съ ними отрядъ англійскихъ нефовъ, неуспѣвшій отплыть изъ Англіи одновременно со всѣмъ флотомъ.

Барбавера, недовольный дѣйствіями французскихъ адмираловъ, которые отвергли его совѣты, до сихъ поръ почти не принималъ участія въ бою, и какъ только увидѣлъ, что къ англичанамъ идетъ помощь, онъ, считая сраженіе проиграннымъ, прорвался со своими галерами черезъ непріятельскую линію и ушелъ въ море.

Прибытіе свѣжихъ судовъ и бѣгство Барбаверы рѣшили дѣло: французскіе нефы послѣ отчаяннаго сопротивленія сдавались одинъ за другимъ; многіе бросались въ воду и спасались на берегъ, чтобы тамъ въ свою очередь погибнуть отъ руки фламандцевъ и лишь очень немногимъ удалось достигнуть до Франціи и повѣдать своимъ соотечественникамъ о страшномъ пораженіи французовъ.

Къ семи часамъ вечера дѣло было кончено: 230 французскихъ судовъ были взяты, остальные сожжены и потоплены, и потери французовъ убитыми и утонувшими дошли до громадной цифры 20,000 человѣкъ; англичане имѣли около 5000 человѣкъ убитыми и ранеными, причемъ въ числѣ послѣднихъ находился король, и потеряли нѣсколько судовъ. Адмиралъ Кьере былъ убитъ въ сраженіи, а Бегюше, попавшись въ плѣнъ, былъ повѣшенъ на мачтѣ своего корабля, чѣмъ Эдуардъ хотѣлъ ему отомстить за произведенныя имъ звѣрства во время набѣговъ

Чинман Генерал-майор Кожевников

на англійскіе берега. На другой день армія Эдуарда высадилась на берегъ и безпрепятственно направилась въ Генту. Вышеописанная кампанія происходила въ такое время, когда парусный флотъ, какъ по матеріальному, такъ и по личному составу, находился почти въ первобытномъ состояніи, и вотъ мы видимъ, что весь опытъ, добытый гребнымъ флотомъ, къ нему не примѣняется и вся работа начинается вновь по тому-же шаблону.

Главный принципъ морской стратегіи о владѣніи моремъ опять совершенно не сознается, и на флотъ смотрятъ лишь какъ на средство для перевозки войскъ. Дѣйствительно, французскій флотъ, будучи готовъ гораздо раньше англійскаго и будучи его гораздо сильнѣе, знаетъ, что англичане готовятся переплыть море и сдѣлать высадку во Фландріи и не дѣлаетъ никакой попытки найти этотъ англійскій флотъ и его уничтожить. Вмѣсто этого онъ занимается раззореніемъ беззащитныхъ англійскихъ береговъ, считая это, вѣроятно, средствомъ наиболѣе сильнымъ для воздѣйствія на англичанъ. На его счастье тѣ запоздали очень сильно съ выходомъ въ море и французы успѣли послѣ своихъ набѣговъ возвратиться во Фландрію. Съ своей стороны Эдуардъ, предпринимая десантную экспедицію, нисколько не заботится предварительно овладѣть моремъ; проходя мимо Слюиса, онъ, дѣйствительно, нападаетъ на французовъ, но очевидно, что встрѣча эта была чисто случайная; онъ непріятеля не искалъ и главная цѣль его была высадить десантъ.

Разбивъ французовъ, онъ въ этомъ успѣваетъ, и главная причина его успѣха и неуспѣха французовъ всетаки заключается въ первоначальной стратегической ошибкѣ последнихъ.

Переходя теперь къ разбору самаго сраженія, мы видимъ, что главныя причины результата все тѣ-же о которыхъ уже приходилось говорить много разъ. Не смотря на то, что противники были въ одинаковомъ строѣ, т.е. въ строѣ нѣсколькихъ рядовъ фронта, съ точки зрѣнія принциповъ тактики положеніе ихъ было чрезвычайно различное.

Французы стояли на якорѣ, въ узкомъ мѣстѣ, вслѣдствіе чего имъ пришлось раздѣлить свои суда на нѣсколько колоннъ. Вслѣдствіе противнаго вѣтра и теченія задніе колонны очевидно не могли во время боя оказать никакой помощи переднимъ, и каждая колонна поочередно должна была подвергнуться нападенію соединеннаго непріятеля. Такимъ образомъ, вслѣдствіе выбора позиціи, французы лишили себя преимущества въ числѣ и нарушили у себя взаимную поддержку. У англичанъ, напротивъ, задніе корабли, подгоняемые вѣтромъ и теченіемъ, могли быстро подоспѣть на помощь переднимъ и, все по той-же причинѣ Эдуардъ могъ сосредоточивать всю свою силу поочередно на отдѣльныхъ частяхъ непріятеля. Единственную поддержку атакованнымъ французскимъ нефамъ могъ оказать Баръбавера, но онъ умелъ и какъ разъ въ это время англичане получили еще сильную поддержку извнѣ - это окончательно и

рѣшило участь боя.

Тактика парусныхъ судовъ съ изобрѣтенія портовъ до середины 17 вѣка.

Послѣ изобрѣтенія портовъ, главная судовая артиллерія размѣстилась по бортамъ, носъ корабля потерялъ всякое боевое значеніе и управляющій судномъ долженъ былъ постоянно помнить, что для нанесенія наибольшаго вреда непріятелю, надо приводить его къ себѣ на траверзъ, а не по направленію своего курса, какъ это было прежде и что очень облегчало дѣло; такимъ образомъ маневрированіе усложнилось, а паруса, замѣнившіе весла, не говоря уже о штиляхъ, когда они были совершенно безполезны, давали и при вѣтрѣ возможность расчитывать движенія корабля только въ одну половину горизонта.

Вышеприведенныя обстоятельства были настолько сложны и такъ не сходились съ правилами тактики гребныхъ судовъ, что прошло нѣсколько столѣтій раньше чѣмъ начали вырабатываться кое-какія тактическія правила для сраженія парусныхъ флотовъ, и до середины 17 вѣка сраженія происходили безъ всякихъ правилъ и въ полномъ безпорядкѣ. Такому плачевному состоянію тактики много го способствовалъ и личный составъ первыхъ парусныхъ флотовъ; какую-же тактику, тѣсно связанную съ управленіемъ кораблемъ, могли выдумать сухопутные офицеры посаженные на корабль и не имѣвшіе понятія о морскомъ дѣлѣ; одинаково не могли создать

тактики и коммерческіе моряки, хорошо управлявшіе кораблемъ, но совершенно незнакомые съ военнымъ дѣломъ. Насколько справедлива послѣдняя причина, видно изъ того, что тактика парусного флота появляется въ серединѣ 17 столѣтія, через нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ появленія на военныхъ корабляхъ командировъ и офицеровъ - моряковъ.

Великая армада 1588 г. Вторая половина 16 столѣтія ознаменовалась во всѣхъ главныхъ государствахъ Европы страшною борьбою между католиками и протестантами, причемъ главною покровительницею послѣднихъ была англійская королева Елизавета, а самымъ ревностнымъ защитникомъ католицизма являлся король испанскій Филиппъ 2. Такъ какъ, несмотря на покровительство оказываемое Елизаветой протестантамъ, католическая партія насчитывала въ самой Англіи многихъ приверженцевъ, Филиппъ рѣшилъ организовать высадку на англійскіе берега, въ надеждѣ на полную поддержку мѣстныхъ католиковъ. Предполагалось лишить Елизавету престола, и въ договорѣ, заключенномъ Филиппомъ 2 съ папою Сикстомъ 5, значилось, что испанскій король будетъ править Англіей, какъ папскимъ леннымъ владѣніемъ. Согласно плану выработанному Маркизомъ Санта-Крузъ, армія и соответствующее количество плоскодонныхъ судовъ для переправы ее черезъ море должны были быть приготовлены въ Нидерландахъ, которыми въ это время правилъ Герцогъ Пармскій, одинъ изъ самыхъ способныхъ

военачальниковъ того времени; съ своей стороны Санта-Кpyцъ долженъ былъ привести изъ Испаніи въ англійскій каналъ сильный флотъ, соединиться съ арміей герцога Пармскаго и прикрывать высадку послѣдняго на непріятельскій берегъ.

Приготовленія къ этой экспедиціи, какъ въ Нидерландахъ, такъ и въ Испаніи велись самымъ энергичнымъ образомъ, а тутъ еще подоспѣла казнь Маріи Стюартъ, завѣщавшей свои права на англійскій престолъ Филиппу 2, а потому рѣшено было отправиться въ путь весной 1587 года. Однако въ этомъ году англичанамъ удалось отвести готовившійся имъ ударъ: въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, Френсисъ Дрекъ, извѣстный своимъ путешествіемъ кругомъ свѣта и неоднократнымъ разграбленіемъ испанскихъ колоній въ Америкѣ, явился внезапно съ флотомъ изъ 24 кораблей у испанскихъ береговъ. Пройдя благополучно форты защищавшіе входъ на рейдъ Кадикса, Дрэкъ уничтожилъ собранную здѣсь часть испанскаго флота, бывшую не въ состояніи оказать какое-либо сопротивленіе, такъ какъ вооруженіе кораблей далеко еще не было закончено.

Разгромъ кадикской эскадры задержалъ отправленіе экспедиціи на цѣлый годъ, въ теченіи котораго Испанія понесла незамѣнимую потерю: умеръ маркизъ Санта-Кpyцъ, душа экспедиціи и притомъ единственный человѣкъ обладавшій опытностью для командованія флотомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно высокопоставленный, чтобы это командованіе

могло быть ему поручено. На мѣсто его былъ назначенъ Герцогъ Медина Сидонія, удовлетворявшій званію главнокомандующаго по своему знатному происхожденію, но не имѣвшій, по его собственному признанію, ни опыта, ни знанія какъ на войнѣ, такъ и въ морѣ. Понимая вполнѣ громадную отвѣтственность, которую ему приходилось брать на себя, герцогъ старался избавиться отъ этого назначенія, но король, въ дурной часъ для себя, уговорилъ его принять командованіе, и въ концѣ Мая 1588 года экспедиція отплыла изъ Лиссабона къ берегамъ Англіи.

Испанскій флотъ, получившій отъ короля громкое названіе непобѣдимой армады, состоялъ изъ 130 судовъ, вооруженныхъ 2500 орудіями съ 10000 человѣкъ экипажа, и кромѣ того на корабляхъ находилось 20000 человѣкъ отборнаго войска. Но собственно боевыхъ судовъ, вооруженныхъ сильной артиллеріей, насчитывалось не больше 60; остальныя, загроможденныя войсками и почти безъ пушекъ, могли быть довольно опасны для противника въ абордажномъ бою, но были совершенно безвредны въ сраженіи на большой дистанціи.

Съ своей стороны англичане могли выставить около 80 судовъ, изъ которыхъ 50 могли назваться, по своему вооруженію, настоящими боевыми кораблями, а затѣмъ, по мѣрѣ движенія испанцевъ по каналу, число англійскихъ судовъ дошло до 200, но всѣ вновь прибывшіе корабли, по своей малой величинѣ, не имѣли почти никакого боевого значенія.

Такимъ образомъ въ числѣ боевыхъ кораблей англичане очень мало уступали испанцамъ, но помимо этого на сторонѣ ихъ было много другихъ преимуществъ. Артиллерія на испанскихъ судахъ была большею частью самаго малаго калибра, орудія были отвратительной работы и число пушекъ на большинствѣ судовъ было очень не велико сравнительно съ водоизмѣщеніемъ. Кромѣ того у испанцевъ въ тѣ времена пушка считалась неблагородным оружіемъ, годнымъ лишь для того, чтобы завязать бой, а затѣмъ всѣ усилія должны были устремиться къ сваливанію на абордажъ, для чего комендорамъ приказывалось наводить орудія выше, чтобы сбить у непріятеля мачты и тѣмъ воспрепятствовать его дѣйству; но попадать въ рангоутъ, конечно, было очень трудно, а потому непріятель, если онъ имѣлъ возможность уклониться отъ абордажа, терпѣлъ самые незначительные поврежденія отъ дѣйствія испанской артиллеріи.

Все въ той-же надеждѣ на рѣшеніе боя абордажемъ, испанскіе галіоны и галеасы были высоки, загромождались цѣлой массой надстроекъ, орудійные порты были узки, чтобы ружейные пули не могли попадать внутрь судна и палубы стѣснены массою солдатъ, совершенно не годныхъ для управленія судномъ. Такимъ образомъ очень грозные по виду, испанскіе корабли были совершенно не опасны въ открытомъ морѣ, гдѣ сравнительная легкость англійскихъ судовъ давала имъ возможность держаться на большой дистанціи отъ испанцевъ, управлявшихся съ большимъ тру-

домъ даже при не особенно свѣжемъ вѣтрѣ.

Въ англійскомъ флотѣ было нѣсколько кораблей, которые не уступали въ водоизмѣщеніи самымъ большимъ испанцамъ, хотя по виду и казались гораздо меньше, вслѣдствіе отсутствія надстроекъ, что давало имъ только преимущество въ управленіи въ открытомъ морѣ; остальные англійскіе суда, хотя и были гораздо меньше испанскихъ, но артиллерійское вооруженіе ихъ было больше, какъ по числу, такъ и по калибру орудій, причемъ высшей послѣднихъ достигла, возможнаго въ тѣ времена, совершенства. Кромѣ того англичане смотрѣли на пушку, какъ на оружіе, на которое можно положиться и сами испанцы свидѣтельствовали, что англичане изъ болѣе тяжелыхъ орудій стрѣляли въ три раза скорѣе ихъ. Если прибавить ко всему этому, что большая часть англійскихъ экипажей состояла изъ матросовъ, т. е. людей знакомыхъ съ парусным дѣломъ, то ясно будетъ, что англійскій флотъ въ открытомъ морѣ имѣлъ громадные преимущества надъ испанцами. Однимъ словомъ испанскій флотъ служилъ воплощеніемъ идеи абордажа, а англійскій - артиллеріи и предстоящая кампанія могла рѣшить вопросъ, которое изъ этихъ боевыхъ средствъ должно считаться для флота главнымъ.

Снаряженіе армады оказалось такъ плохо, что около мыса Финистерре пришлось выбросить за бортъ огромное количество совершенно гнилой провизіи, а также оказался недостатокъ въ водѣ, вслѣдствіе того,

что большинство бочекъ текло. Тутъ еще подоспѣла свѣжая погода, многія суда потеряли мачты и попеки и непобѣдимый флотъ пришелъ въ такое разстройство, что пришлось зайти въ Корунну, чтобы тамъ оправиться. При этомъ нѣсколько судовъ, потерявъ изъ виду адмирала, ничего не знали объ этомъ заходѣ, а потому отправились на назначенное рандеву къ островамъ Силли, гдѣ были открыты англійскими развѣдчиками и за ними пришлось посылать особое судно изъ Корунны. Перевооруженіе и переснабженіе флота заняло около двухъ мѣсяцевъ самаго благопріятнаго лѣтняго времени, вслѣдствіе чего опытные люди настойчиво совѣтовали отложить экспедицію до будущаго года, но этому воспротивился король, и въ серединѣ Іюля непобѣдимая армада тронулась дальше.

При переходѣ черезъ Бискайскую бухту испанскій флотъ встрѣтилъ бурныя погоды и только двѣ трети его добрались до мыса Лизарда: тутъ онъ былъ усмотрѣнъ однимъ изъ англійскихъ крейсеровъ, который сейчасъ-же поспѣшилъ въ Плимутъ, гдѣ собрался весь англійскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Говарда.

Узнавши, что англичане въ Плимутѣ, Герцогъ Медина Сидонія созвалъ военный совѣтъ, большинство котораго держалось того мнѣнія, что слѣдуетъ, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, напасть на англичанъ; для послѣднихъ такое рѣшеніе могло оказаться чрезвычайно гибельнымъ, такъ какъ прижатые къ берегу, англійскія суда не могли-бы избѣжать

абордажной свалки, а тутъ всѣ шансы на побѣду были на сторонѣ испанцевъ. Однако, на счастье англичанъ, главнокомандующій испанскимъ флотомъ не могъ понять, какой прекрасный случай представляется ему обезпечить успѣхъ своей экспедиціи, и не согласился съ большинствомъ военнаго совѣта, указывая на то, что, по его мнѣнію, главная цѣль флота была соединиться съ Герцогомъ Пармскимъ, а потому все, что могло-бы задержать это соединеніе, должно быть оставлено.

Такимъ образомъ испанцы прошли мимо Плимута въ каналъ, упустивши случай, который уже больше не повторился, такъ какъ англичане сейчасъ-же вышли въ море, растянули свою линію къ западу и оказались, такимъ образомъ, на вѣтрѣ у непріятеля. Здѣсь уже имъ нечего было опасаться испанцевъ, а потому Говардъ, слѣдуя за ними на разстояніи пушечнаго выстрѣла, громилъ ихъ арьергардъ изъ своихъ тяжелыхъ орудій, пользуясь всякимъ случаемъ нападать на отстававшіе слѣдствіе поврежденій корабли; такимъ образомъ, когда испанцы, черезъ недѣлю послѣ своего появленія у англійскихъ береговъ, стали на якорь въ Калэ, они не досчитывались четырехъ самыхъ большихъ кораблей, изъ которыхъ два было флагманскихъ, брошенныхъ своими адмиралами вслѣдствіе большихъ поврежденій.

Въ разстояніи одной мили отъ испанцевъ, на вѣтрѣ, стали на якорь и англичане и въ эту-же ночь Говардъ пустилъ въ середину непріятельскаго флота восемь брандеровъ;

испанскія суда, охваченныя паникой, обрубили канаты и въ полномъ безпорядкѣ, отступили къ Гравелину, причемъ одинъ изъ сильнѣйшихъ галіоновъ потерялъ руль, приткнулся къ мели и на слѣдующее утро былъ взятъ англичанами.

Медина Сидонія посылалъ еще изъ Калэ сообщить герцогу Пармскому о своемъ прибытіи и просилъ его какъ можно скорѣе присоединиться къ флоту, но возставшія противъ испанцевъ сѣверныя голландскія провинціи соорудили флотъ, который подъ начальствомъ графа Юстина Нассаускаго блокировалъ Дюнкирхенъ и Ньюпортъ, гдѣ были собраны армія и суда.

Англичане между тѣмъ послѣдовали за испанцами къ Гравелину и здѣсь атаковали ихъ съ навѣтра, дѣйствуя все время исключительно артиллеріей и тщательно избѣгая абордажа; вслѣдствіе такой тактики испанцамъ ничего не оставалось больше дѣлать какъ отступать къ востоку, причемъ еще три большихъ судна было потеряно, будучи вынужденными выброситься на берегъ, чтобы не затонуть въ открытомъ морѣ. Сраженіе продолжалось цѣлый день, но къ вечеру англичане, израсходовавъ всѣ свои снаряды, должны были прекратить преслѣдованіе.

Получивъ извѣстіе о положеніи арміи Герцога Пармскаго, Медина Сидонія собралъ военный совѣтъ, на которомъ единогласно было признано, что нѣтъ никакой надежды на удачный исходъ экспедиціи, а потому

слѣдуетъ заботиться теперь только о томъ, чтобы какъ можно скорѣе возвратиться съ флотомъ въ Испанію.

Такъ какъ входъ въ каналъ былъ запертъ англійскимъ флотомъ, то рѣшено было идти кругомъ Шотландіи. Съ большимъ трудомъ и потерями, достигнувъ Ирландіи, испанцы должны были раздѣлиться: корабли, имѣвшіе достаточный запасъ воды на переходъ въ Испанію, направились съ Герцогомъ Медина Сидоніа прямо въ Бискайскую бухту, а остальная часть флота приблизилась къ сѣвернымъ берегамъ Ирландіи съ цѣлью налиться водой, но разразившаяся буря разбросала суда по берегамъ, причемъ спаслись очень немногіе; наконецъ нѣкоторые суда были занесены вѣтрами обратно въ каналъ и взяты англичанами.

Такимъ образомъ могущественный флотъ, готовившійся въ продолженіи многихъ лѣтъ, въ одинъ мѣсяцъ былъ обращенъ въ ничтожество: изъ 130 судовъ непобѣдимой армады вышедшихъ изъ Лиссабона, вернулось въ Испанію не болѣе пятидесяти, причемъ погибло до 20000 человѣкъ. Опять и эта кампанія ясно показываетъ, что и въ 16 столѣтіи руководителями морскихъ флотовъ не пришли еще къ идеѣ объ обладаніи моремъ.

Герцогъ Медина Сидонія вмѣсто того, чтобы поставить себѣ главною цѣлью уничтоженіе англійскаго флота и тѣмъ обезпечить себѣ обладаніе моремъ и несомнѣнный въ этомъ случаѣ успѣхъ всей экспедиціи, онъ спокойно проходитъ мимо Плимута,

зная что тамъ собранъ весь англійскій флотъ и оставляетъ у себя этотъ флотъ въ тылу. Между тѣмъ обстоятельства вполнѣ благопріятствовали нападенію испанцевъ на англичанъ въ Плимутѣ, но нападеніе слѣдовало произвести все равно, при всякихъ обстоятельствахъ, такъ какъ надо было предвидѣть, что не разбивши англійскій флотъ, нечего и думать объ успѣхѣ экспедиціи. Съ своей стороны и англичане много погрѣшили въ этомъ случаѣ противъ законовъ морской войны. Имъ слѣдовало послать эскадры къ берегамъ Испаніи и постараться разбить испанскій флотъ въ портахъ, или при выходѣ его изъ портовъ по частямъ; тогда армада не могла-бы собраться вся въ Лиссабонѣ и по всей вѣроятности экспедиція не состоялась-бы вовсе, если-бы англійскіе моряки держались въ морѣ и слѣдили бы за армадой, то, конечно, они не пропустили-бы случая нанести ей пораженіе во время безпорядочнаго сбора испанцевъ въ Корунну или произвели-бы на нее нападеніе во время стоянки ея въ этомъ порту. Ничего этого не было сдѣлано, армада безнаказанно дошла до береговъ Англіи и догадайся герцогъ Медина Сидонія разбить англійскій флотъ въ Плимутѣ, Англія могла-бы надолго, по примѣру Голландіи, превратиться въ испанскую провинцію. Между тѣмъ англичане имѣли передъ глазами прекрасный примѣръ экспедиціи Дрэка, задержавшей отправленіе армады на цѣлый годъ; но экспедиція эта осталась совершенно случайнымъ явленіемъ и не была повторена именно потому, что законы

морской войны совершенно не сознавалось и не считалось нужным иметь обладание морем.

Въ тактическомъ отношенiи эта кампанiя замѣчательна тѣмъ, что здѣсь въ первый разъ выказалось ярко могущество артиллерiи и значенiе абордажа было подорвано. Успѣхъ англичанъ объясняется тѣмъ, что имъ удалось во всѣхъ столкновенiяхъ съ испанцами скрывать свою слабую сторону - абордажъ, и выставлять сильную артиллерiю, сосредоточивая ея силу на отдѣльныхъ, концевыхъ непрiятельскихъ корабляхъ. А испанцы продолжали путь и ихъ не поддерживали.

Начало развитiя стратегiи и тактики парусного флота.

И такъ, въ концѣ 16 столѣтiя идеи о владенiи моремъ еще не существовало, главнымъ образомъ вслѣдствiе совершенно неправильнаго взгляда на роль флота, и такъ какъ не существовало собственно и настоящей морской войны. Въ то время какъ сухопутные стратеги, дѣлая какое либо передвиженiе войскъ, или вступая въ сраженiе, имѣли каждый разъ вполнѣ опредѣленную цѣль - временное обладанiе какой-либо частью территорiи, какъ базисомъ для дальнѣйшихъ операцiй или обладанiе постоянное, потому что это составляло цѣль войны, морскiя сраженiя никогда не имѣли цѣлью обладанiе моремъ. Море считалось какъ-бы общимъ для обѣихъ воюющихъ сторонъ и служило только легкимъ и удобнымъ путемъ для вторженiя въ

непріятельскую страну, а флотъ лишь средствомъ для транспортированія арміи; при этомъ, если происходило морское сраженіе, то это была просто битва на водѣ двухъ армій, не съ цѣлью завладѣть окружающими водами, а просто какъ средство удалить съ дороги препятствіе къ вторженію въ непріятельскую территорію, или какъ защита своихъ береговъ посредствомъ уничтоженія непріятельской арміи. Но кромѣ этихъ причинъ были и другія уже чисто матеріальнаго свойства.

Обладаніе моремъ можетъ быть достигнуто или полнымъ разбитіемъ непріятельскаго флота, или тѣсной блокадой этого флота, гораздо его сильнѣйшимъ, въ его собственныхъ портахъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ обладаніе моремъ не можетъ считаться вполнѣ вѣрнымъ, такъ какъ блокада можетъ быть и прорвана; въ первомъ случаѣ для удержанія полученнаго обладанія моремъ слѣдуетъ все время держать флотъ у непріятельскихъ береговъ, чтобы зорко слѣдить за возобновленіемъ непріятельскаго флота и уничтожать въ зародышѣ попытки этого флота выйти въ море.

И такъ для обладанія моремъ, кромѣ способности флота сражаться, онъ долженъ былъ еще имѣть способность долго держаться въ морѣ, а этого послѣдняго качества какъ разъ и недоставало парусным судамъ очень долгое время; о гребныхъ судахъ и говорить нечего: онѣ совершенно не обладали этой способностью. Такимъ образомъ непріятель,

совершенно не обладавшiй военнымъ флотомъ могъ всегда выбрать благопрiятный моментъ, когда блокирующiй флотъ бывалъ принужденъ удалиться къ своимъ берегамъ, чтобы скрыться отъ бури, или для исправленiя повреждений, своза больныхъ, нагрузки провизiи и т. п., и произвести совершенно безнаказанно высадку. Но будь флотъ, удалившiйся къ своимъ берегамъ, способенъ держаться въ морѣ при всякихъ обстоятельствахъ, или будь онъ даже только готовъ выйти въ море по первому требованiю, экспедицiя непрiятеля не могла бы состояться до тѣхъ поръ, пока онъ не выслалъ-бы впередъ военный флотъ, способный помѣряться силами съ врагами въ открытомъ морѣ для полученiя господства надъ моремъ на время экспедицiи, т. е. должна была-бы возникнуть настоящая морская война.

Другая причина, по которой долго не сознавалась важность владѣнiя моремъ, было почти полное отсутствiе морской торговли; защита торговли требовала господства надъ моремъ, которое непремѣнно должно было оспариваться противникомъ, стремящимся черезъ прекращенiе этой торговли обогатить себя и разорить врага.

Къ серединѣ 17 столѣтiя оба фактора, необходимые для существованiя настоящей морской войны, имѣются на лицо: море покрыто торговыми судами, наполненными цѣнными грузами, и военные корабли, благодаря многимъ усовершенствованiямъ, могутъ держаться въ морѣ 4 – 5 мѣсяцевъ. Еще

Утвердилъ Генералъ-Маiоръ [illegible]

надо прибавить, что къ этому времени солдаты уступаютъ свое мѣсто на палубѣ корабля военнымъ морякамъ, способнымъ понять требованія чисто морской войны и выработать принципы для ея веденія. Къ этому же времени начинаетъ выясняться какое оружіе на морѣ должно считаться главнымъ.

Такимъ образомъ почва для созданія стратегіи и тактики является подготовленной, и парусный флотъ готовъ къ усовершенствованіямъ, какъ это было съ гребнымъ флотомъ послѣ Саламинскаго боя.

При такихъ обстоятельствахъ въ 1652 году разразилась первая англо-голландская война, вызванная введеніемъ въ Англіи знаменитаго навигаціоннаго акта.

Случись эта война на нѣсколько десятковъ лѣтъ раньше, когда еще принципы морской стратегіи совершенно не сознавались, обѣ воюющія стороны снарядили-бы дессантныя экспедиціи для высадки на непріятельскій берегъ съ цѣлью разоренія прибрежныхъ городовъ. Не заботясь о томъ, чтобы раньше получить господство надъ моремъ, обѣ экспедиціи могли-бы выйти въ море одновременно, другъ съ другомъ не встрѣтившись и каждая самостоятельно произвела бы свое дѣло разрушенія. При случайной встрѣчѣ флотовъ, перевозившихъ дессантныя арміи, могли произойти морскія сраженія, которыя имѣли-бы характеръ сраженій на сушѣ, такъ какъ корабли, обремененные войсками, были-бы стѣснены въ маневрированіи и въ дѣйствіи артиллеріей и, будучи управляемы не моряками, стремились-бы

болѣе къ абордажу. Но самымъ важнымъ отличіемъ прежняго способа веденія войны являлось то обстоятельство, что война между двумя государствами, раздѣленными моремъ, могла кончиться безъ сраженій на морѣ, посредствомъ перекрестныхъ экспедицій для разоренія береговъ. Нечего и говорить, что при страшной дороговизнѣ такихъ экспедицій, оба противника несли страшные убытки отъ разоренія береговъ, силы ихъ истощались, но рѣшительнаго перевѣса эти экспедиціи не давали ни одной изъ сторонъ, такъ какъ ни одна изъ нихъ не заботилась предварительно овладѣть моремъ и тѣмъ лишить противника всякой возможности снарядить дессантную экспедицію, которая могла бы его вознаградить за разореніе его береговъ.

Иногда, большею частью случайно, происходили на морѣ дѣйствія, которыя, если-бы продолжались систематически, вели-бы къ обладанію моремъ; но такъ мало сознавалась польза такихъ дѣйствій, что одинъ изъ выдающихся морскихъ писателей назвалъ эти дѣйствія „скудными", считая, вѣроятно, что только набѣгъ на непріятельскій берегъ можетъ имѣть вліяніе на ходъ войны.

При разрывѣ-же, происшедшемъ между Англіей и Голландіей въ 1652 году, хотя дѣло и не обошлось безъ стратегическихъ ошибокъ, но общій характеръ всѣхъ дѣйствій на морѣ показалъ, что принципы стратегіи сознавались и отъ прежней системы перекрестныхъ дессантныхъ экспедицій не осталось и слѣда.

Ходъ военныхъ дѣйствій во время первой англо-голландской войны 1652 - 54 г.

Въ моментъ разрыва военные флоты обоихъ государствъ были почти равной силы, но коммерческій флотъ Голландіи былъ гораздо больше, что составляло ея невыгоду, такъ какъ большее количество военныхъ судовъ надо было отрядить для защиты торговли и вѣроятность захвата призовъ для голландцевъ была гораздо меньше, чѣмъ для англичанъ; къ этому надо прибавить еще невыгодное географическое положеніе Голландіи, благодаря которому почти всѣ ея торговые корабли должны были идти мимо англійскихъ береговъ.

Вслѣдствіи этого Голландія, какъ относительно болѣе слабая на морѣ, заняла съ самаго начала войны оборонительное положеніе, тогда какъ Англія сразу начала дѣйствовать наступательно.

При этомъ англичане съ самаго начала сдѣлали крупную стратегическую ошибку, которая, хотя и не имѣла крупныхъ послѣдствій, благодаря стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, но указать на нее необходимо: Англичанамъ было извѣстно, что изъ голландскихъ портовъ вышелъ въ море флотъ, состоящій изъ 80 кораблей подъ начальствомъ Мартына Тромпа; однако они, вмѣсто того чтобы со всѣми силами (около 90 кораблей) напасть на этотъ флотъ, отправили эскадру изъ 70 кораблей подъ начальствомъ Блэка къ сѣверу, гдѣ она должна была напасть на громадную флотилію

голландскихъ судовъ, занимавшихся въ заливѣ Морей-Фирсъ сельдянымъ промысломъ, и захватывать купеческіе корабли, возвращавшіеся въ Голландію кругомъ Шотландіи, а другая эскадра, состоявшая изъ 20 кораблей подъ начальствомъ Эскью, снаряжалась въ Даунсъ и должна была идти въ Плимутъ, чтобы оттуда перехватывать голландскія торговые суда, идущія каналомъ.

Между тѣмъ, если-бы имъ удалось сначала разбить Тромпа, то захватъ сельдяной флотиліи и коммерческихъ судовъ не ушелъ бы отъ нихъ и они могли бы заняться этимъ дѣломъ совершенно спокойно, не опасаясь быть застигнутыми каждый моментъ непріятельскимъ флотомъ и будучи увѣренными, что не будетъ произведено въ это время нападеніе на ихъ берега. Къ тому же порученіе, возложенное на Блэка, совершенно не требовало посылки такого большаго флота: отдѣливъ на сѣверъ 10-15 кораблей, англичане располагали бы еще на югѣ достаточными силами чтобы сразиться съ Тромпомъ; отославъ же на сѣверъ большую часть своего флота, они подвергли страшной опасности эскадру Эскью и весь свой южный берегъ. Голландскіе уполномоченные, возвращаясь изъ Лондона, послѣ неудачнаго исхода переговоровъ, встрѣтили Тромпа въ морѣ противъ устья Шельды и сообщили ему о расположеніи англійскихъ силъ, вслѣдствіе чего голландскій адмиралъ направилъ сначала свой путь къ Даунсу. Не сдобровать бы эскадрѣ Эскью, но Тромпъ, задерживаемый штилемъ, а потому потерявшій надежду появиться неожиданно передъ Даунсомъ,

отправился на сѣверъ въ погоню за Блэкомъ. Послѣдній въ это время успѣлъ захватить около 100 сельдепромышленниковъ вмѣстѣ съ 12 небольшими военными судами, ихъ охранявшими, и расположилъ свой флотъ между Оркнейскими и Шотландскими островами; здѣсь настигъ его Тромпъ и рѣшительное сраженіе было неминуемо, но страшный штормъ отъ N.N.W совершенно разсѣялъ голландскій флотъ, тогда какъ англичане успѣли укрыться за островами и отдѣлались легкими сравнительно съ голландцами, поврежденіями: голландскій флотъ только черезъ мѣсяцъ, за исключеніемъ четырехъ погибшихъ судовъ, собрался у острововъ Вли и Текселя.

Пока это происходило на сѣверѣ, изъ Текселя вышла вторая голландская эскадра изъ 30 судовъ подъ начальствомъ Рюйтера; пройдя вдоль голландскихъ береговъ, онъ собралъ вмѣстѣ всѣ купеческіе корабли, которымъ надо было выйти въ океанъ, съ цѣлью конвоировать ихъ во время плаванія по каналу. До меридіана Плимута все шло благополучно, но здѣсь ему преградилъ дорогу Эскью съ эскадрой изъ 40 судовъ; произошло сраженіе, въ которомъ голландцы, несмотря на обремененіе ихъ торговыя суда, взяли верхъ, такъ что Эскью удалился въ Плимутъ, а Рюйтеръ, выведя въ океанъ свой конвой и отправивъ его дальше съ двумя военными судами, взялъ курсъ на Плимутъ, намѣреваясь напасть на Эскью и довершить свою побѣду. Но обстоятельства продолжали благопріятствовать англичанамъ: страшный штормъ отбросилъ Рюйтера назадъ,

а послѣ этого онъ узналъ о возвращеніи съ сѣвера Блэка, а потому поспѣшилъ къ голландскимъ берегамъ, гдѣ его корабли и эскадра Тромпа поступили подъ общее начальство Де-Витта. Послѣдній рѣшился съ 64 судами напасть на 68 судовъ Блэка, вполнѣ вѣрно расчитывая, что побѣда дастъ голландцамъ обладаніе моремъ; сраженіе произошло противъ устья Темзы и послѣ цѣлаго дня ожесточеннаго боя дѣло оставалось нерѣшеннымъ; какъ разъ въ это время на помощь Блэку подошелъ Эскью съ своей эскадрой и голландцамъ пришлось возвратиться въ свои порта.

Тутъ англичане опять погрѣшили противъ стратегіи. Они вообразили, что заставивъ голландскій флотъ удалиться въ свои порта, они могутъ считать себя полными хозяевами моря, а потому Блэкъ опять раздѣлилъ свою эскадру, отправивъ одну часть ея въ Плимутъ перехватывать непріятельскихъ купцовъ, другую – въ Темзу для починки, а самъ остался въ Даунсѣ только съ 37 судами. А въ это время Тромпъ во главѣ 73 судовъ вышелъ въ море; конвоируя громадный транспортъ коммерческихъ кораблей: узнавъ о расположеніи англійскихъ силъ онъ сейчасъ-же направился къ Даунсу и на этотъ разъ обстоятельства погоды не пришли на выручку къ англичанамъ: они были разбиты на голову, поплатившись такимъ образомъ за свою стратегическую ошибку. Получивъ временное обладаніе моремъ, Тромпъ благополучно вывелъ свой транспортъ въ океанъ.

и велъ уже оттуда другой, но впродолженіи двухъ мѣсяцевъ англичане успѣли оправиться и у Портланда Блэкъ преградилъ голландцамъ дорогу съ флотомъ изъ 66 судовъ. Во время послѣдовавшаго сраженія, хотя голландцы и понесли большие потери чѣмъ англичане, но послѣдніе всетаки принуждены были отправиться для исправленія въ свои порты и Тромпъ благополучно довелъ конвой до своихъ береговъ.

На слѣдующій годъ англичане, сознавъ свои стратегическіе ошибки, рѣшили предупредить выходъ голландцевъ въ море и отправили съ этою цѣлью къ непріятельскимъ берегамъ большой флотъ, состоящій изъ 105 кораблей, подъ начальствомъ Дина и Монка, но Тромпъ поспѣлъ выйти въ море раньше ихъ прибытія, конвоируя 200 коммерческихъ кораблей, шедшихъ въ Испанію и во Францію кругомъ Шотландіи.

Такимъ образомъ, будучи вынужденными отрядить флотъ для защиты торговли, голландцы оставили свои берега открытыми, но англичане не прельстились этимъ обстоятельствомъ и не произвели высадки, помня, что въ морѣ находится съ большимъ флотомъ Тромпъ и можетъ напасть на нихъ съ тыла, поэтому они ограничились захватомъ большого количества рыболовныхъ судовъ, послѣ чего возвратились въ Ярмутъ, чтобы сторожить оттуда Тромпа, который возвращался съ сѣвера опять съ большимъ конвоемъ. Опять Тромпу удалось пройти благополучно, но нельзя отрицать, что впродолженіи всей экспедиціи онъ подвергался

сильному риску и успѣхъ его не разъ висѣлъ на волоскѣ.

Возвратившись въ Голландію, Тромпъ присоединилъ къ своей эскадрѣ всѣ готовые къ этому времени корабли и, доведя численность своихъ судовъ до 98 вымпеловъ, вышелъ въ море, чтобы сразиться съ англичанами за обладаніе моремъ, такъ какъ онъ имѣлъ уже на опытѣ случай убѣдиться какъ рискованно вступать въ сраженіе имѣя на своемъ попеченіи массу коммерческихъ судовъ. Англичане съ своей стороны также стремились къ рѣшительному сраженію, которое должно было рѣшить, кому изъ противниковъ обладать моремъ, а потому не заставили долго искать себя. Противники встрѣтились у Портланда, причемъ, послѣ двухдневнаго ожесточеннаго боя, голландцы были разбиты, а англичане остались хозяевами моря. Крейсируя послѣ этого у голландскихъ береговъ, англичане забирали возвращавшіеся домой коммерческія суда и держали въ тревогѣ все береговое населеніе; для того, чтобы воспрепятствовать высадкѣ, голландцамъ пришлось занять всѣ берега войсками.

Всѣ усилія Голландіи, потерпѣвшей громадные убытки отъ прекращенія торговли, были теперь направлены къ тому, чтобы возстановить свой флотъ и, дѣйствительно, черезъ полтора мѣсяца въ устьяхъ Шельды Тромпъ собралъ 80 кораблей и около 30 вымпеловъ находилось въ Текселѣ подъ командою Де-Витта; съ такимъ флотомъ можно было рѣшиться еще разъ помѣряться силами

съ англичанами, но Зунда была теперь въ томъ, что весь англійскій флотъ, въ числѣ 106 судовъ, расположился между Текселемъ и Шельдой и зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы голландскія эскадры не соединились.

Несмотря на это Тромпъ вышелъ со своей эскадрой въ море, надѣясь, не вступая съ англичанами въ сраженіе, отвлечь ихъ отъ береговъ и тѣмъ дать возможность выйти въ море и Де-Витту. Хотя Тромпу пришлось завязать съ Монкомъ довольно серьезное сраженіе, но оно не перешло въ рѣшительное благодаря свѣжей погодѣ, а тѣмъ временемъ Де-Виттъ вышелъ въ море и голландскія эскадры соединились. Тогда противники вступили еще разъ въ ожесточенный бой за обладаніе моремъ, причемъ перевѣсъ опять остался на сторонѣ англичанъ; въ самомъ разгарѣ сраженія убитъ былъ Тромпъ, послѣ чего голландцы начали отступать, но и англичане потерпѣли такія поврежденія, что флотъ ихъ не могъ держаться въ морѣ и долженъ былъ войти въ портъ. Послѣднимъ обстоятельствомъ сейчасъ-же воспользовались голландцы, и Де-Витту удалось съ небольшой эскадрой провести благополучно большой коммерческій флотъ до Зунда, а оттуда другой до Текселя. Въ это время заключенъ былъ миръ, по которому Голландія признала Навигаціонный Актъ и владычество Англіи надъ моремъ, въ знакъ чего корабли Соединенныхъ Провинцій обязались при встрѣчѣ салютовать англійскому флагу.

И такъ одними дѣйствіями на морѣ,

безъ всякихъ высадокъ, Голландія была побѣждена, причемъ сами голландцы признались, что въ эти 23 мѣсяца они потеряли больше, чѣмъ впродолженіи 80 лѣтъ сухопутной борьбы съ испанцами; англичанамъ между тѣмъ война эта стоила гораздо дешевле прежнихъ; такъ какъ берега ихъ не были разорены, а напротивъ они сами захватили множество призовъ большой цѣнности.

Въ началѣ этой войны мы видимъ еще отступленіе отъ принциповъ морской стратегіи въ видѣ погони за второстепенными цѣлями (нападеніе на торговлю со стороны англичанъ и стремленіе защитить ее со стороны голландцевъ), но чѣмъ дальше, тѣмъ больше сознаются эти принципы и въ концѣ войны всѣ силы противниковъ сосредоточиваются для прямой борьбы за обладаніе моремъ посредствомъ генеральныхъ сраженій между военными флотами.

Ходъ военныхъ дѣйствій во время второй англо-голландской войны 1665-67 г.

Очевидно, что Голландія не могла помириться съ унизительными для нея условіями мира 1654 года, а потому продолженіе борьбы было неминуемо и, дѣйствительно, въ 1665 году опять была объявлена война.

Убѣдившись изъ опыта первой войны, что защита торговли отвлекаетъ военный флотъ отъ преслѣдованія главной цѣли, т. е. отъ прямой борьбы за обладаніе моремъ, а торговые суда, плавающія во время войны,

только обогащают непріятеля; Голландія, при объявленіи войны, обнародовала указъ, запрещавшій всѣмъ подданнымъ Соединенныхъ Провинцій выходить изъ своихъ портовъ, подъ угрозою конфискаціи кораблей и товаровъ, а также для прекращенія рыбопромышленности, былъ запрещенъ ввозъ сельдей и всякой другой соленой рыбы.

Вотъ, значитъ, насколько важнымъ считалось теперь обладаніе моремъ, что, для возможности достиженія такого обладанія, страна жертвовала громадными убытками, надѣясь ихъ вполнѣ возмѣстить, когда обладаніе моремъ будетъ получено.

Съ другой стороны, полное запрещеніе торговли давало возможность облегчить снаряженіе военныхъ флотовъ, такъ какъ масса моряковъ и кораблей оставались такимъ образомъ безъ дѣла.

Конечно, Голландія не имѣла-бы надобности прекращать свою торговлю, если-бы флотъ ея былъ достаточно силенъ, чтобы, отдѣливъ часть на защиту торговли, быть въ состояніи бороться съ англійскимъ флотомъ за обладаніе моремъ, но такого перевѣса въ силахъ голландцы не имѣли, а потому и рѣшеніе ихъ, отказаться на время войны отъ торговли, надо признать чрезвычайно разумнымъ.

Англичане опять, съ самаго начала, приняли наступательный образъ дѣйствій, пославши ранней весной флотъ изъ 109 кораблей, подъ начальствомъ Герцога Іоркскаго, брата короля, къ берегамъ Голландіи, съ цѣлью

помѣшать соединенію непріятельскихъ эскадръ, вооружавшихся въ различныхъ портахъ.

Но, благодаря поспѣшности выхода англійскаго флота въ море, онъ далеко не вполнѣ былъ снабженъ людьми, провизіей и боевыми припасами, а потому, выдержавъ у береговъ Голландіи сильный штормъ, англичане получили настолько серьезныя повреждение, что принуждены были, для исправление ихъ и для окончательнаго укомплектование кораблей, идти въ Гарвичъ.

Этимъ воспользовались голландцы для соединение своихъ эскадръ, которые составивъ общемъ флотъ въ 103 корабле, подъ начальствомъ Опдама, направились на поиски за англійскимъ флотомъ.

Услышавъ объ этомъ, Герцогъ Іоркскій, находя позицію въ Гарвичѣ неудобной для бое перешелъ къ Ловестофту, гдѣ и произошло сраженіе, кончившееся побѣдой англичанъ, причемъ Адмиралъ Опдамъ погибъ вмѣстѣ съ своимъ кораблемъ, взорваннымъ на воздухъ.

Слабо преслѣдуемые англичанами голландцы укрылись въ свои порта, гдѣ дѣятельно принялись за исправленіе поврежденій; между тѣмъ Сандвичъ (сухопутный генералъ принявшій командованіе англійскимъ флотомъ отъ Герцога Іоркскаго, считая себя хозяиномъ моря, разбросалъ свою эскадру въ погоню за возвращавшимися домой торговыми судами непріятеля, не считая нужнымъ блокировать голландскіе порта. Это было съ его стороны грубой ошибкой, благодаря которой, позднею осенью, голландскій флотъ

въ числѣ 90 кораблей, вышелъ въ море въ поиски за англичанами; послѣдніе въ это время уже разошлись по своимъ портамъ, а страшная чума свирѣпствовавшая въ это время въ Англіи дѣлала чрезвычайно опасной высадку на ея берега. Не встрѣчая нигдѣ непріятеля и не рѣшаясь произвести дессантъ, голландскій флотъ возвратился назадъ, не достигнувъ никакихъ результатовъ.

Въ началѣ слѣдующаго года, Франція присоединившаяся къ Голландіи, отправили свой флотъ изъ Средиземнаго моря на сѣверъ, а потому англичанам пришлось раздѣлить свои силы: Монкъ во главѣ 60 кораблей расположился у мыса Сѣвернаго Фореланда, а принцъ Рупертъ съ 20 кораблями былъ отправленъ къ Портсмуту на встрѣчу шедшей съ юга французской эскадрѣ.

Голландцы, въ числѣ 96 кораблей, подъ начальствомъ Рюйтера, стояли на якорь противъ Дюнкирхена и здѣсь они были атакованы Монкамъ, несмотря на неравенство въ силахъ. Три дня подрядъ флоты сражались съ утра до вечера, послѣ чего англичане начали отступать къ западу, надѣясь соединиться съ Рупертомъ, получившимъ приказаніе возвратиться, и дѣйствительно успѣли въ этомъ, такъ что, на четвертый день сраженія, въ немъ принималъ участіе и отрядъ Руперта.

Къ вечеру туманъ раздѣлилъ противниковъ, которые разошлись по своимъ портамъ, имѣя громадные потери въ корабляхъ и людяхъ, причемъ особенно пострадали англичане.

Въ расчетъ на это Рюйтеръ поспѣшилъ исправленіемъ своихъ повредженій и черезъ три недѣли вышелъ въ море съ флотомъ изъ 60 судовъ, имѣя при себѣ транспорты съ войсками для производства высадки въ устьяхъ Темзы. Однако англичане тоже времени не теряли и командуя наши въ Темзѣ англійскій флотъ въ числѣ 88 кораблей, правда еще не бывшій въ состояніи выйти въ море, но занимавшій на якоряхъ крѣпкую позицію, опираясь на береговыя укрѣпленія.

За невозможностью, при такихъ условіяхъ, произвести высадку, Рюйтеръ ограничился блокадой устья Темзы и, когда Монкъ и Рупертъ были въ состояніи выйти въ море, его флотъ уже поспѣлъ получить подкрѣпленіе и не уступалъ въ числѣ кораблей англичанамъ. Произошло опять генеральное сраженіе за обладаніе моремъ, кончившееся въ пользу англичанъ, последовавшихъ за отступавшими голландцами къ берегамъ Соединенныхъ Провинцій. Очевидно Рюйтеръ, предпринявъ экспедицію въ устье Темзы, сдѣлалъ стратегическую ошибку, такъ какъ онъ считалъ обладаніе моремъ за собой, на томъ только основаніи, что въ предъидущемъ сраженіи англичане понесли гораздо большие потери, чѣмъ голландцы, между тѣмъ онъ могъ-бы получить это обладаніе только въ томъ случаѣ, если-бы былъ въ состояніи, послѣ четырехдневнаго сраженія, послѣдовать за англичанами, разбить ихъ окончательно и блокировать ихъ порты; возвратясь-же къ своимъ берегамъ, онъ сталъ съ англичанами въ равныя условія, что и оказалось на самомъ дѣлѣ.

Какъ было сказано выше, англичане, послѣ сраженія при устьѣ Темзы, оказались въ состояніи послѣдовать за голландцами, пользуясь тѣмъ, что послѣдніе не могли выйти въ море до исправленія поврежденій, они, блокируя съ главными силами Рюйтера, послали отряды фрегатовъ раззорять берега, что и было исполнено съ успѣхомъ на островахъ Вли и Шеллингъ, такъ какъ дѣйствительно англичане въ этомъ случаѣ временно обладали моремъ.

Осенью начались переговоры о мирѣ, а потому на 1667 годъ англичане рѣшили изъ экономіи ограничиться обороной береговъ и флота не вооружать; конечно, они принуждены были къ этому полнымъ истощеніемъ средствъ и рѣшеніе это, очевидно, дошедшее до голландцевъ, дало мысль послѣднимъ затянуть переговоры до весны, а въ Іюнѣ Рюйтеръ, совершенно справедливо, считая море въ своемъ распоряженіи, явился въ устьѣ Темзы съ флотомъ изъ 60 кораблей и съ отрядомъ десантныхъ войскъ.

Голландцы разрушили нѣсколько батарей, взяли и сожгли стоявшіе невооруженными лучшіе корабли англійскаго флота, разграбили всѣ окрестности, совершенно прекратили торговлю англичанъ и неизвѣстно чѣмъ-бы все это кончилось, если-бы заключеніе мира не прекратило военныя дѣйствія.

Лит. К. Биркенфельда.

Ходъ военныхъ дѣйствій во время третьей англо-голландской войны 1672–74 г.

Англія не могла простить голландцамъ экспедиціи въ Темзу и, при первомъ удобномъ случаѣ, объявила вновь войну Соединеннымъ Провинціямъ, заручившись предварительно союзомъ съ Франціей.

Голландія, какъ и въ предыдущей войнѣ, рѣшила обратить всѣ силы на полученіе обладанія моремъ, а потому опять отказалась отъ торговли.

Союзники, въ числѣ 100 кораблей, подъ начальствомъ Герцога Іоркскаго и графа Д'Эстре, были совершенно неожиданно аттакованы у Ловестофта Рюйтеромъ, во главѣ 90 судовъ; потери съ обѣихъ сторонъ были очень велики, и хотя голландцамъ пришлось отступить, но и союзники были приведены въ такое состояніе, что не могли ничего предпринять въ этомъ году противъ голландскихъ береговъ.

Въ слѣдующемъ 1673 году союзники, въ числѣ 84 кораблей, подъ начальствомъ Руперта и Д'Эстре, направились къ устьямъ Шельды; при этомъ почему-то они были убѣждены, что непріятельскій флотъ не окажетъ имъ серьезнаго сопротивленія, а потому на корабли были взяты отряды войскъ для высадки на голландскіе берега, т. е. они повторили опять старую стратегическую ошибку, предпринявъ десантную экспедицію, не заручившись предварительно обладаніемъ моремъ.

Узнавъ, что Рюйтеръ готовится выйти въ

Капитанъ Генералъ-Маіоръ Пилкинъ

море во главѣ 70 кораблей, союзники благоразумно не рѣшились произвести высадку и принуждены были вступить съ голландскимъ флотомъ въ сраженіе, въ которомъ понесли громадную потерю въ людяхъ, благодаря тому, что палубы ихъ были страшно стѣснены десантными войсками; пришлось имъ отступать, причемъ на пути голландцы аттаковали ихъ еще разъ.

Не смотря однако на только что полученный урокъ, союзники упрямо рѣшились преслѣдовать свою цѣль, а потому, свезя на берегъ своихъ раненыхъ, они приняли на корабли 7000 человѣкъ свѣжихъ дессантныхъ войскъ и вновь направились къ берегамъ Голландіи въ числѣ 90 кораблей.

Пылъ ихъ однако значительно охладѣлъ, когда пришлось приступить къ дѣлу и, пройдя два раза вдоль береговъ Соединенныхъ Провинцій. Они все таки пришли къ заключенію, что высадку произвести нельзя не разбивъ сначала голландскаго флота. Рюйтеръ съ своей стороны не заставилъ себя ждать и во главѣ 70 кораблей напалъ на союзниковъ, причемъ опять нанесъ имъ пораженіе, причину котораго надо опять искать въ дессантныхъ войскахъ, загромождавшихъ палубы союзныхъ кораблей.

Англичане поспѣшили начать переговоры о мирѣ, который и былъ заключенъ въ началѣ 1674 года.

Въ третьей англо-голландской войнѣ, Соединенныя Провинціи, располагая силами гораздо меньшими, оказались побѣдителями,

благодаря только тому, что неизменно слѣдовали принципамъ морской стратегіи, въ то время какъ союзники совершили рядъ отступленій отъ этихъ принциповъ.

Такимъ образомъ англо-голландскія войны выяснили начала морской стратегіи, отступленіе отъ которыхъ и не пониманіе ихъ непремѣнно должно вести къ неудачѣ, за исключеніемъ особо благопріятнаго стеченія обстоятельствъ, когда никакія ошибки не могутъ повліять на успѣхъ предпріятія.

Вліяніе англо-голландскихъ войнъ на типы военныхъ судовъ и на тактику парусныхъ флотовъ.

Какъ было указано выше, въ началѣ 17 столѣтія не было установившихся типовъ военныхъ судовъ, а также не существовало и морской тактики.

Такимъ образомъ, громадные флоты участвовавшіе въ сраженіяхъ первой англо-голландской войны, представляли изъ себя скопище кораблей всевозможныхъ величинъ, самымъ различнымъ образомъ вооруженныхъ, причемъ большая ихъ часть состояла изъ купеческихъ судовъ, временно приспособленныхъ для военныхъ цѣлей. Флоты сходились на самую близкую дистанцію, безъ всякаго порядка въ расположеніи судовъ, двигавшихся группами; каждый выбиралъ себѣ противника самъ и окончательною цѣлью все таки еще оставалось взятіе непріятельскаго корабля на абордажъ.

Въ виду этого каждый изъ противниковъ

старался выбрать передъ сраженіемъ навѣтренное положеніе, такъ какъ тотъ кто на вѣтрѣ, не подвергается опасности быть абордированнымъ и имѣетъ преимущество въ возможности выбора, куда и какъ абордировать непріятеля.

Брандеръ. Кромѣ того находившійся на вѣтрѣ могъ въ широкой степени пользоваться брандерами, которые производили страшное опустошеніе, благодаря тому, что суда сбивались въ кучи, а потому брандеръ пущенный по вѣтру, навѣрняка сцѣплялся съ какимъ нибудь изъ кораблей подвѣтреннаго флота.

Вслѣдствіе этого брандеры были въ большомъ ходу во время англо-голландскихъ войнъ, но благодаря тому, что въ это время, за малыми исключеніями, флотами и судами уже командовали военные моряки, дѣло не долго оставалось въ такомъ положеніи и къ началу второй англо-голландской войны было уже придумано средство противъ брандеровъ.

Линія баталіи. Для этой цѣли голландцы первые начали строить свои флоты въ одну линію кильватера.

При такомъ построеніи, каждая пара судовъ легко могла пропустить брандеръ, идущій съ навѣтра, на подвѣтренную сторону, гдѣ онъ уже становился безвреднымъ.

Англичане переняли этотъ строй отъ голландцевъ и къ концу 17 столѣтія флоты уже никогда не строились иначе для боя.

При выборѣ строя кильватера руководились, конечно, еще тѣмъ, что при такомъ строѣ, вся артиллерія эскадры обращалась на непріятеля, тогда какъ раньше многіе корабли бывали окру-

жены своими же и, чтобы пустить въ дѣло свои пушки, имъ надо было выбираться на просторъ.

Вообще установленіе правильнаго строя явилось первымъ шагомъ къ тому чтобы поставить на первое мѣсто артиллерію, пожертвовавъ для этого абордажемъ и брандеромъ; они не были уничтожены окончательно, но на нихъ стали смотрѣть какъ на крайнее средство, очень хорошее напр. въ концѣ боя, когда непріятель придетъ въ безпорядокъ.

Нельзя при этомъ не замѣтить нѣкотораго сходства трехъ боевыхъ средствъ парусного періода, съ тремя-же боевыми средствами нашего времени, — артиллеріей, тараномъ и миной. Абордажъ, какъ и таранъ требуетъ того, чтобы подойти къ противнику вплотную, притомъ самымъ выгоднымъ положеніемъ считалось когда можно было врѣзаться бушпритомъ въ середину борта противника, гдѣ бортъ этотъ былъ относительно ниже. Становиться бортъ о бортъ для абордажа было почти безполезно, такъ какъ вслѣдствіе уклона бортовъ кораблей внутрь, очень трудно было перейти на палубу противника. Корабль, обладавшій еще возможностью управляться, обыкновенно легко увертывался отъ абордажа, и жертвой такого способа нападенія становились лишь корабли лишенные главныхъ частей рангоута, т. е. двигательной силы. Наконецъ абордажъ, хотя и былъ самымъ радикальнымъ средствомъ, чтобы завладѣть непріятельскимъ кораблемъ,

но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ способъ нападенія являлся обоюдоострымъ, такъ какъ абордированный корабль, потерявъ, положимъ, свою двигательную силу и даже артиллерію, имѣлъ возможность съ своей стороны пустить въ ходъ свои абордажныя партіи, и могъ въ свою очередь завладѣть абордировавшимъ его противникомъ, и такіе случаи бывали.

Какъ разъ тѣми-же характерными свойствами обладаетъ и таранъ. Брандеръ, какъ и мина, требовалъ, чтобы флоты сошлись на близкое разстояніе, иначе не было никакой вѣроятности попасть имъ въ непріятеля. Главные его недостатки заключались въ томъ, что его въ извѣстный моментъ надо было предоставить собственной участи, такъ что пройдя мимо непріятеля онъ уже становился для него совершенно безопаснымъ, а затѣмъ скорость его очень немного превосходила скорость цѣли, а потому надо было дѣлать довольно сложный расчетъ для того, чтобы онъ съ этой цѣлью сошелся. Наконецъ брандеръ часто могъ сдѣлаться опаснымъ и своимъ собственнымъ кораблямъ, напр. если онъ отъ выстрѣловъ непріятеля загорался, пока онъ не былъ еще пущенъ, или вслѣдствіе перемѣны вѣтра, или на него могъ быть нанесенъ одинъ изъ своихъ же поврежденныхъ кораблей. Главное достоинство брандера это была способность, въ случаѣ удачи, уничтожить всякаго противника какъ-бы ни былъ онъ силенъ или слабъ, и нравственное впечатлѣніе горящаго брандера, надвигавшагося на корабль, всегда бывало огромно. Это было въ полномъ

слабаго оружіе слабаго противъ сильнаго. Всѣ эти характерныя черты, какъ извѣстно, характеризуютъ и мину.

Артиллерія, давъ возможность сражаться на большой дистанціи, поставила такимъ образомъ сразу и абордажъ и брандеръ на второй планъ и, какъ было уже указано выше, установленіе строя кильватера было первымъ шагомъ, чтобы развить силу артиллеріи въ ущербъ удобства употребленіе въ дѣло абордажа и брандера.

Линейный корабль. Разъ линія баталіи была установлена, корабли составляющіе эту линію, не могли уже мѣнять свое мѣсто, а потому, при большой разницѣ въ величинѣ кораблей того-же флота, легко могло случиться, что слабѣйшій корабль одного флота могъ оказаться противъ сильнѣйшаго изъ непріятельскихъ судовъ.

Такимъ образомъ прямымъ слѣдствіемъ введенія кильватернаго строя, явилась необходимость ставить въ этотъ строй суда приблизительно одного и того-же типа. Корабли эти не могли быть небольшой силы, потому что это влекло-бы за собой большое ихъ число, т. е. удлиненіе линіи и слѣдовательно болѣе трудное управленіе флотомъ.

Также не могъ этотъ корабль быть слишкомъ большимъ, такъ какъ этому препятствовали техническіе трудности постройки большихъ кораблей, ихъ неповоротливость, а также опасеніе потерять слишкомъ много при потери такого корабля.

Такимъ образомъ выработался типъ

боевого судна, средней величины, предназначенный сражаться въ линіи баталіи, отчего онъ и получилъ названіе линейнаго корабля.

Фрегатъ. Разъ явились линейные корабли, занимавшіе каждый опредѣленное мѣсто въ строю, необходимо было создать другой типъ для развѣдочной и посыльной службы; суда эти не должны были принимать участіе въ сраженіи, а потому сила артиллеріи ихъ могла быть гораздо слабѣе, чѣмъ у линейнаго корабля, но все-таки размѣры ихъ не могли быть очень малыми, такъ какъ, плавая вмѣстѣ съ флотомъ, они должны были брать запасы на всю кампанію; при этомъ ходъ судовъ этого типа долженъ былъ превышать ходъ линейныхъ кораблей, чтобы свободно уходить отъ флота въ различные стороны и затѣмъ къ нему присоединяться. Эти требованія привели къ появленію фрегата.

Легкій крейсеръ. Большіе флоты коммерческихъ судовъ, требуя большихъ эскадръ для своего конвоированія, т. е. отвлеченія военныхъ судовъ отъ главной ихъ цѣли (борьбы за обладаніе моремъ), стѣсняли эти эскадры при боѣ со встрѣтившимся непріятелемъ и, попавъ цѣликомъ въ руки непріятеля, дѣлали своему отечеству слишкомъ большой убытокъ. Вслѣдствіе этого для защиты торговли была выработана система раздѣлять коммерческіе суда на небольшіе отряды, и каждому такому отряду давать конвоировъ небольшой силы. Такимъ образомъ была вѣроятность, что только небольшая часть судовъ попадетъ въ руки непріятеля, который при этомъ

не можетъ послать въ погоню за мелкими отрядами свои линейные суда, такъ какъ ему пришлось бы раздѣлить свой военный флотъ на мелкіе отряды, причемъ кромѣ того игра не стоила свѣчъ, такъ какъ не было надежды захватить сразу большое количество купеческихъ судовъ. Такимъ образомъ выработался третій типъ, легкій крейсеръ, назначеніе котораго было охранять свои торговые суда и нападать на торговлю непріятеля. Для этой-же цѣли отдѣлялись иногда и фрегаты.

Сигналы. Къ этохъ-же англо-голландскихъ войнъ относятъ изобрѣтеніе, или вѣрнѣе усовершенствованіе, сигналовъ Герцогомъ Іоркскимъ.

Въ продолженіи трехъ англо-голландскихъ войнъ тактика получила настолько большое развитіе, что явилась возможность формулировать цѣлый рядъ правилъ для всевозможныхъ случаевъ.

Сочиненіе Павла Госта „Искусство военныхъ флотовъ."

Это было первый разъ сдѣлано іезуитомъ Павломъ Гостомъ, въ его книгѣ „Искусство военныхъ флотовъ", изданной во Франціи въ 1697 году.

Павелъ Гостъ долгое время состоялъ при французскомъ адмиралѣ Турвилѣ, который справедливо считался лучшимъ тактикомъ своего времени, а потому его книга можетъ считаться полнымъ выраженіемъ того, чего достигла тактика въ концѣ 17 столѣтія.

Приведемъ изъ этой книги нѣкоторые выдержки.

Преимущество флота находящагося на вѣтрѣ. Флотъ находящійся на вѣтрѣ является хозяиномъ положенія, такъ какъ отъ него зависитъ начать сраженіе, или отъ него уклониться. При поврежденіи части непріятельскихъ кораблей ему легче послать брандеры, чтобы ихъ сжечь, или послать погоню за бѣгущими непріятельскими кораблями. Кромѣ того пороховой дымъ сейчасъ-же относитъ, что облегчаетъ дѣйствіе артиллеріи.

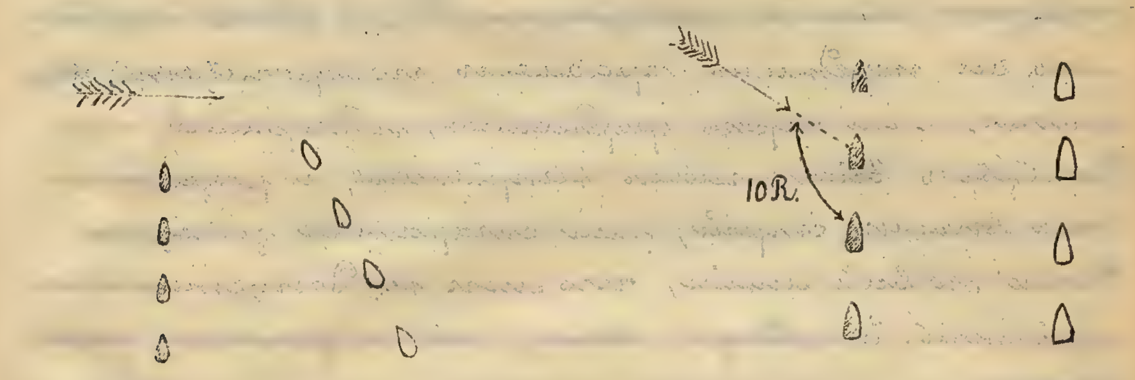
Преимущество флота находящагося подъ вѣтромъ. На корабляхъ подвѣтреннаго флота орудія нижнихъ батарей могутъ дѣйствовать во всякую погоду и не можетъ быть случая, чтобы налетѣвшій во время сраженія шквалъ заставилъ бы корабль черпнуть нижними портами.

Подвѣтренный флотъ легче можетъ отступить съ мѣста сраженія, а также ему удобнѣе прикрыть поврежденные корабли за своей линіей баталіи.

Линія баталіи. Флотъ во время боя непремѣнно слѣдуетъ выстраивать на линіи бейдевинда, т. е. линія баталіи должна составлять съ направленіемъ вѣтра уголъ въ 6 R. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ корабли должны быть направлены по этой линіи, т. е. править въ бейдевиндъ.

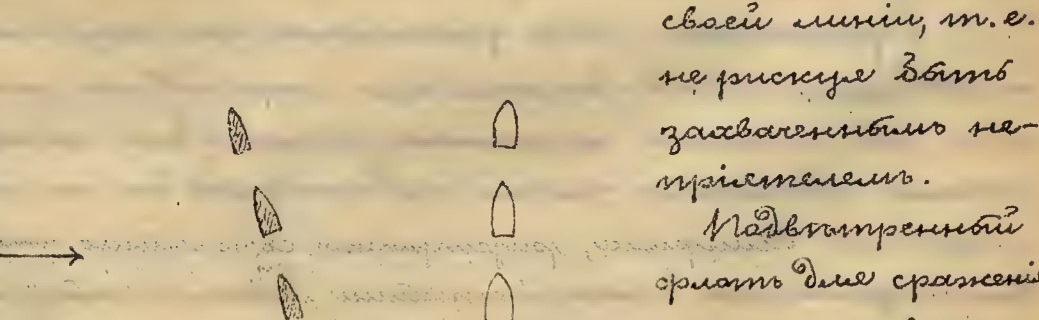
Конечно, можно-бы было править бейдевиндъ и не находясь на линіи бейдевинда, но это не рекомендуется въ виду очень большой трудности

сохранить въ этомъ случаѣ строй въ порядкѣ, а также въ виду того, что тогда флоты не могли-бы быть обращены бортами прямо одинъ противъ другого.

Если навѣтренный флотъ не будетъ идти въ бейдевиндъ, то онъ теряетъ преимущества, связанныя съ его положеніемъ относительно вѣтра, такъ какъ въ этомъ случаѣ подвѣтренный флотъ легко можетъ къ нему приблизиться и даже выиграть у него вѣтеръ.

Кромѣ того, если навѣтренный флотъ построенъ на линіи бейдевинда, то каждый изъ его поврежденныхъ кораблей, повернувъ оверштагъ, можетъ спуститься до бокштага 10 R. отъ вѣтра, не рискуя упасть подъ вѣтеръ своей линіи, т. е. не рискуя быть захваченнымъ непріятелемъ.

Подвѣтренный флотъ для сраженія уже по неволѣ долженъ занять положеніе параллельное навѣтренному флоту.

Дѣйствительно, если-бы навѣтренный флотъ лежалъ на линіи бейдевинда, а линія подвѣтреннаго флота не была-бы ему параллельна, то арьергардъ перваго легко могъ-бы напасть на заднія корабли послѣдняго, причемъ помощь имъ оказать было-бы невозможно. Для этого пришлось бы переднимъ кораблямъ поворачивать оверштагъ или черезъ фордевиндъ, подвергаясь продольнымъ выстрѣламъ непріятеля и разстраивая вполнѣ строй, или стараться завязать дѣло по всей линіи, чего могъ не допустить непріятель, благодаря своему навѣтренному положенію.

Кромѣ того, лежа въ бейдевиндъ, подвѣтренный флотъ имѣлъ возможность легко воспользоваться всякой благопріятной ему перемѣной вѣтра, чтобы выиграть у противника вѣтеръ.

Разстояніе между кораблями въ линіи баталіи опредѣлялось въ одинъ кабельтовъ. Меньшее разстояніе не давало-бы возможности свободно управляться и выйти изъ строя въ случаѣ поврежденія; напротивъ, менѣе сомкнутый флотъ, сражаясь съ флотомъ болѣе сомкнутымъ, рисковалъ поставить два свои корабля подъ огонь трехъ непріятельскихъ, или три подъ огонь четырехъ и т.д...

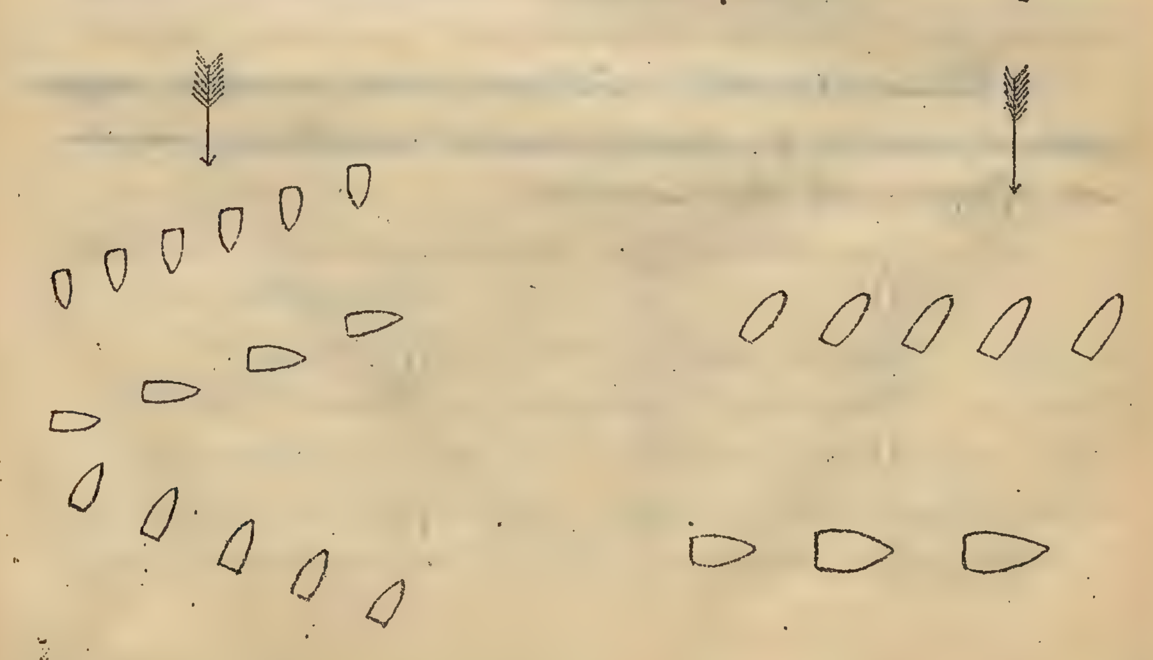
Примѣчаніе. Надо замѣтить, что хотя линія кильватера стала обязательнымъ строемъ для сраженія, это нисколько не мѣшало, во время боя, начальникамъ отдѣльныхъ частей, не дожидаясь на то сигнала отъ адмирала, разстроить свою линію, чтобы, воспользовавшись благопріятными обстоятельствами, окружить часть кораблей непріятеля, поставить его въ два огня и т.п. Однимъ словомъ, установленіе опредѣленнаго строя для боя, нисколько не

отнимало отъ начальниковъ личной ихъ инициативы.

Походный строй. Линія баталіи, опредѣляя курсъ каждаго корабля, очевидно можетъ служить только для сраженія, а потому для эскадренныхъ плаваній пришлось создать другіе строи.

Главное требованіе предъявляемое къ походному строю состоитъ въ томъ, чтобы изъ него, при всѣхъ обстоятельствахъ, легко можно было перейти въ линію баталіи. Затѣмъ уже надо стараться, чтобы флотъ не былъ разбросанъ на большое разстояніе и чтобы каждый корабль могъ легко удерживать свое мѣсто въ строѣ.

Болѣе всего удовлетворяетъ первому условію флотъ выстроенный на линіи бейдевинда, но въ виду того, что флотъ въ этомъ случаѣ сильно растянутъ и сохраненіе своего мѣста въ строѣ каждымъ кораблемъ чрезвычайно трудно, строй этотъ не рекомендуется; кромѣ того, выбирая этотъ строй, надо предвидѣть на какомъ галсѣ придется вступить

въ бой, что можно сдѣлать съ нѣкоторою вѣроятностью только въ виду непріятеля.

Не зная на какомъ галсѣ придется принять сраженіе, можно выстроить флотъ на линіи галфвинда, но этотъ строй имѣетъ тѣ-же недостатки, что и предыдущій, еще, кромѣ того, съ большимъ трудомъ перестраивается въ линію баталіи, а потому и не употребляется.

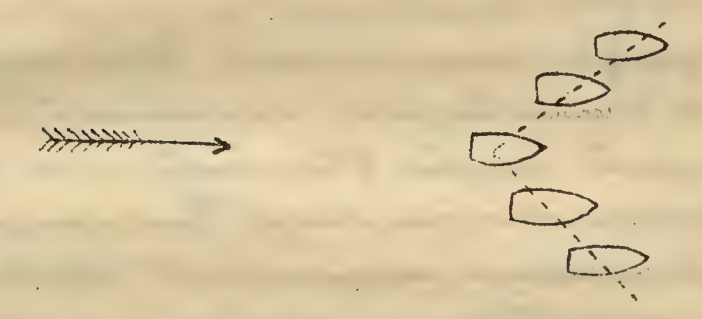
Болѣе удачнымъ для послѣдняго случая является походный строй, состоящій изъ двухъ линій бейдевинда, сходящихся подъ тупымъ угломъ, въ вершинѣ котораго и помѣщается начальникъ флота.

Единственный недостатокъ такого строя заключается въ трудности каждому кораблю удержать свое мѣсто.

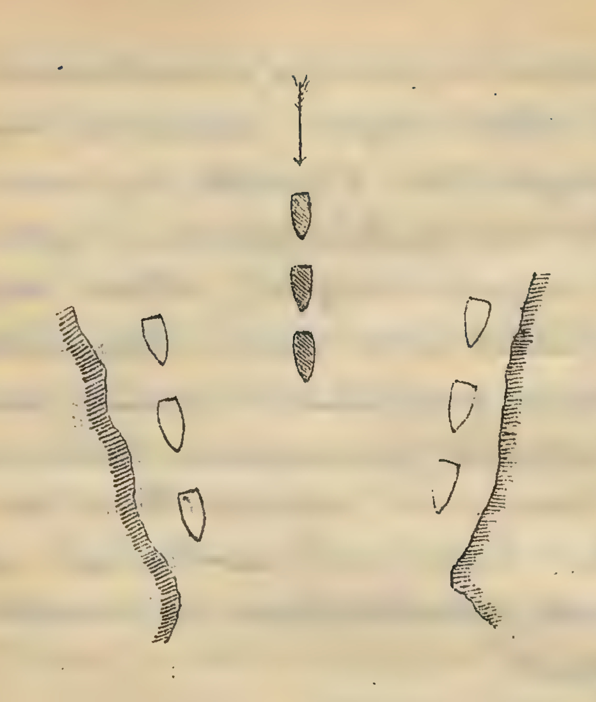

Наконецъ самымъ лучшимъ походнымъ строемъ является ордеръ трехъ колоннъ, на трехъ линіяхъ бейдевинда. Переходъ изъ него въ линію баталіи не представляетъ затрудненій, флотъ не растянутъ, а для того, чтобы каждый корабль могъ легко удерживать свое мѣсто въ строю, разстояніе между колоннами дается съ такимъ расчетомъ, чтобы линіи, соединяющія концевой корабль одной колонны съ головнымъ кораблемъ слѣдующей подвѣтренной колонны, составляли съ линіей вѣтра прямой уголъ.

Строй для отступленія. При отступленіи флота рекомендуется выстроить его на двухъ линіяхъ бейдевинда, сходящихся подъ тупымъ угломъ, причемъ вершина угла, въ которой находится адмиралъ, должна быть обращена къ непріятелю, а внутри этого угла помѣщаются поврежденныя суда и транспорты.

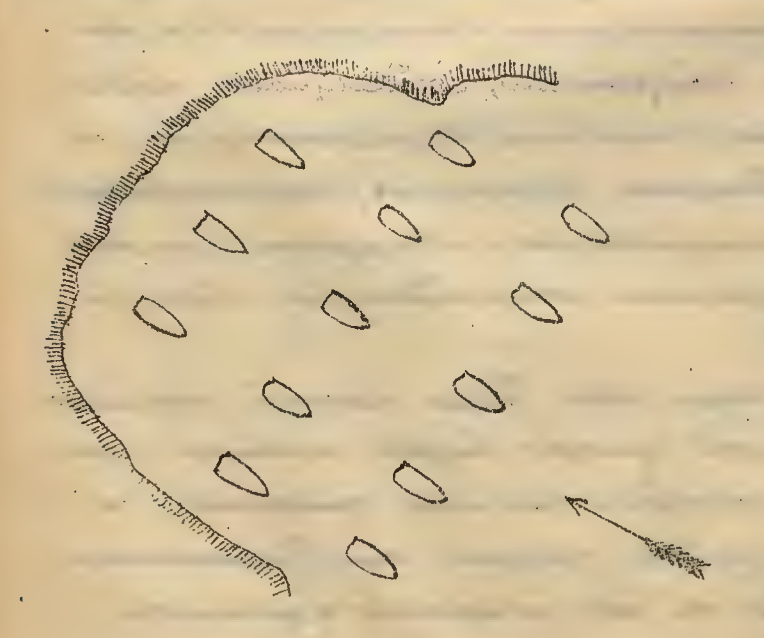
Оборона пролива. Для обороны пролива слѣдуетъ имѣть флотъ вдвое сильнѣе прорывающагося непріятельскаго флота, и, раздѣленный на двѣ части, онъ долженъ расположиться по обѣ стороны пролива.

Если этого не будетъ сдѣлано, то во время нахожденія его у подвѣтреннаго берега, непріятель можетъ пройти, придержавшись къ вѣтру; когда-же онъ будетъ у навѣтреннаго берега, непріятель, держа полнѣе, и имѣя вслѣдствіе этого лучшій ходъ, можетъ проскочить у него подъ носомъ.

Прорывъ черезъ проливъ. Для прорыва черезъ проливъ рекомендуется построить флотъ въ уступной строй, вершиной угла впередъ.

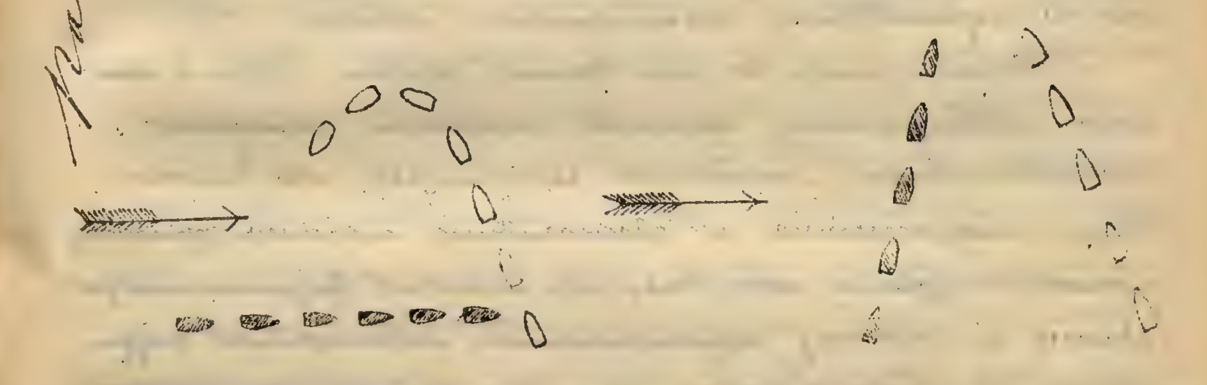
Постановка на якорь. Для якорной стоянки предлагается разставлять корабли по линіямъ перпендикулярнымъ къ тому направленію откуда можетъ показаться непріятель, оставляя промежутки между этими линіями въ три кабельтова. Такое построеніе дастъ возможность, снимаясь съ якоря, прямо выстраиваться въ линію баталіи на любой галсъ, причемъ для маневрированія отдѣльныхъ кораблей

мѣста вполнѣ достаточно.

Установивъ основаніе для построенія флотовъ въ различныхъ случаяхъ; Гостъ даетъ подробныя правила какъ поступать для перемѣны мѣстъ эскадръ въ различныхъ строяхъ, для исправленія строя при перемѣнѣ вѣтра и для перехода изъ одного строя въ другой.

Принудить непріятеля къ бою. Гостъ считаетъ за аксіому, что, когда два равные флота находятся долгое время другъ у друга въ виду, то могутъ принудить одинъ другого къ бою.

Генералъ-Майоръ

Навѣтренный флотъ легко можетъ вступить въ бой, спускаясь на непріятеля, остерегаясь при этомъ держать очень полно, такъ какъ, воспользовавшись этимъ, подвѣтренный флотъ можетъ поворотить оверштагъ и выйти на вѣтеръ.

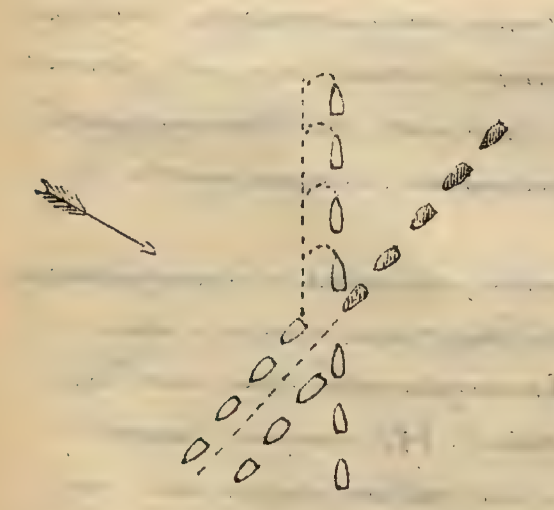
Если подвѣтренный флотъ обращается въ бѣгство, то казалось бы что нѣтъ причины, по которой навѣтренный флотъ долженъ-бы былъ его догнать. Но такъ какъ въ каждой эскадрѣ имѣются всегда хорошіе и плохіе ходоки, то быстроходные корабли ни-

вѣтреннаго флота быстро нагонетъ непріятельскій арьергардъ и вступетъ съ нимъ въ сраженіе; тогда подвѣтренному флоту предстоитъ, или потерять свои плохо-ходящіе корабли, или принять бой.

Если бое добивается подвѣтренный флотъ, то ему слѣдуетъ зорко слѣдить за движеніеми непріятеля, лежась съ нимъ постоянно на томъ-же галсъ, и не упуская его такимъ образомъ изъ вида. Въ такомъ положеніи, ему слѣдуетъ ожидать перемѣны вѣтра, и когда онъ окажется на вѣтрѣ, то легко принудить непріятеля къ бою.

Такъ какъ въ то время, когда Гостъ писалъ свою книгу, флоты плавали только впродолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ, то, благодаря короткимъ и свѣтлымъ ночамъ, флотъ, уклоняющійся отъ бое, не имѣлъ возможности сбить съ толку противника ложными курсами и уйти отъ него, пользуясь темнотою.

Прорѣзываніе непріятельской линіи. Гостъ не совѣтуетъ прорѣзать непріятельскую линію, считая этотъ маневръ чрезвычайно опаснымъ, не дающимъ особыхъ преимуществъ и даже невозможнымъ, если непріятель не захочетъ допустить его. Для этого, въ тотъ моментъ, когда головной корабль прорѣзывающаго флота подойдетъ къ линіи про-

тивника всѣ корабли послѣдняго должны сразу повернуть и лечь однимъ галсомъ съ прорѣзающимъ флотомъ, причемъ легко будетъ поставить часть кораблей послѣдняго между двухъ огней.

Раздѣленіе флота. Флотъ принято было раздѣлять на три эскадры, изъ которыхъ каждая состояла изъ трехъ дивизій и состояла подъ командой трехъ флагмановъ: Адмирала, Вице-Адмирала и Контръ-Адмирала. Эскадры различались цвѣтомъ кормоваго флага, причемъ въ каждой изъ нихъ Адмиралъ подымалъ флагъ соотвѣтствующаго цвѣта на гротъ-мачтѣ, Вице-Адмиралъ на фокъ-мачтѣ и Контръ-Адмиралъ на бизань-мачтѣ. Каждый корабль подымалъ вымпель цвѣта соотвѣтствующаго той эскадрѣ, въ которой онъ состоялъ, на той мачтѣ, на которой имѣлъ флагъ его начальникъ дивизіи; такимъ образомъ корабль съ синимъ вымпеломъ на бизань-мачтѣ, принадлежалъ третьей дивизіи эскадры синяго флага. Для различенія кораблей въ той-же дивизіи, каждый изъ нихъ подымалъ одинъ изъ пяти флюгеровъ на различныхъ мачтахъ. Такимъ образомъ можно было различить въ дивизіи 15 кораблей, а во всемъ флотѣ 135.

Сигналы. Вышеозначенные флаги, вымпела и флюгарки, подымаемые на соотвѣтствующихъ мачтахъ флагманскаго корабля, служили позывными.

Насколько мало еще была разработана сигнальная часть въ ~~тѣ~~ времена, видно изъ того, что у Госта помѣщено только 67 сиг-

каловъ.

Сраженіе при мысѣ Ла-Хогъ, 19-23 мая 1692 г. Послѣдняя четверть 17 столѣтія ознаменовалась непрерывными войнами французовъ съ голландцами, испанцами и англичанами, причемъ французскій флотъ, благодаря прекрасной организаціи, выработанной и приведенной въ исполненіе знаменитымъ Кольберомъ, подъ предводительствомъ такихъ талантливыхъ адмираловъ, какъ Дюкенъ и Турвиль, одержалъ цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ надъ своими противниками.

Въ 1692 году Людовикъ 14, желая помочь изгнанному изъ Англіи королю Іакову 2 возвратить себѣ престолъ, снарядилъ многочисленную армію, которая, въ ожиданіи переправы на англійскій берегъ, расположилась лагеремъ между Шербургомъ и мысомъ Ла-Хогъ, имѣя при себѣ болѣе 300 транспортовъ. Для прикрытія переправы арміи въ Англію, вооружались двѣ эскадры: одна въ Брестѣ, въ числѣ 50 кораблей, подъ командою Графа Турвиля; другая, состоящая изъ 23 кораблей - въ Тулонѣ, подъ начальствомъ Графа Д'Эстре. Предварительно эскадры должны были соединиться въ англійскомъ каналѣ и разбить непріятельскій флотъ.

Въ это время Англія находилась въ союзѣ съ Голландіей, а потому, для достиженія своей цѣли, французскій флотъ могъ быть достаточнымъ только въ томъ случаѣ, если-бы ему удалось выйти въ море раньше, чѣмъ англичане соединятся съ голландцами, а между тѣмъ въ половинѣ Мая тулонская

эскадра еще не была даже готова къ выходу. Въ это время приверженцы экс-короля, находившиеся при французскомъ дворѣ, увѣрили Людовика 14, что голландскій флотъ еще далеко не готовъ къ выходу, а въ числѣ английскихъ командировъ находится много сторонниковъ Іакова 2, которые ждутъ только появленія французовъ, чтобы перейти на ихъ сторону. Вслѣдствіе этого король, считая дальнѣйшее промедленіе невыгоднымъ, послалъ Турвилю приказаніе, немедленно выйти изъ Бреста, отыскать англичанъ и вступить съ ними въ сраженіе, несмотря на то въ какомъ бы числѣ они ни оказались.

Турвиль пробовалъ возражать, но безуспѣшно и 12 мая, когда вѣтеръ сдѣлался ему попутнымъ, онъ вышелъ въ море съ 50 кораблями. Какъ разъ въ это время Людовикъ получилъ извѣстіе о соединеніи флотовъ голландцевъ и англичанъ, а также опроверженіе слуховъ о намѣреніи английскихъ командировъ измѣнить новому королю; немедленно было отправлено два судна, чтобы передать Турвилю новые приказанія, избѣгать сраженія во что-бы то ни стало, но, къ несчастію, одно изъ нихъ было захвачено англичанами, а другое пришло слишкомъ поздно.

Послѣдній между тѣмъ, подгоняемый попутнымъ SW, быстро подвигался къ западу и 19 мая рано утромъ, находясь у мыса Барфлеръ, Турвиль увидѣлъ подъ вѣтромъ союзный флотъ, лежавшій на правомъ галсѣ въ линіи баталіи, въ числѣ 99 кораблей. Сейчасъ-же собранъ былъ военный совѣтъ, ко-

торый постановилъ единогласно, что, въ виду громаднаго неравенства въ силахъ, надо избъгать сраженія во чтобы-то ни стало. Тогда Турвиль объявилъ полученное имъ категорическое приказаніе короля; возражать было нечего и всѣ разъѣхались по своимъ судамъ, чтобы приготовиться къ смертельному бою, въ исходѣ котораго никто не сомнѣвался.

Велико было удивленіе союзныхъ адмираловъ, когда они увидѣли французскій флотъ, спускавшійся на нихъ съ попутнымъ вѣтромъ въ линіи баталіи! Много нашлось капитановъ, особенно среди голландцевъ, которые съ тревогой задавали себѣ вопросъ, не обладаетъ-ли въ самомъ дѣлѣ Турвиль увѣренностью, — что часть командировъ англійскаго флота передастся французамъ? (*)

Находясь въ центрѣ своей линіи, Турвиль направился прямо на корабль Руссель, командовавшаго англійскимъ флотомъ; авангардъ французовъ велъ Амфревиль, имѣвшій противникомъ голландскаго адмирала Аллемонда, а въ арьергардѣ Габаре находился противъ англійскаго адмирала Эшби.

Въ 11 час. утра передовые корабли открыли огонь. Вслѣдствіе сравнительной мало-

---

(*) Коломбъ объясняетъ ошибку тѣмъ, что если въ этотъ моментъ было отливное теченіе, Турвилю больше ничего не оставалось дѣлать. Если-же былъ-бы приливъ, то онъ могъ-бы стать на якорь и ждать пока приливные волны не отнесли-бы отъ него непріятеля въ море.

численности французскихъ эскадръ, между ними образовались широкіе промежутки и вслѣдствіе этого почти весь англійскій арьергардъ и часть союзнаго авангарда не имѣли противниковъ, такъ что бой кипѣлъ главнымъ образомъ въ центрѣ. Адмиралъ Руссель еще до начала боя приказалъ авангарду придерживаться какъ можно круче къ вѣтру и попробовать обойти французовъ и поставить ихъ въ два огня, но Алемонду не удалось этого сдѣлать. Между тѣмъ вѣтеръ отошелъ къ NW, что дало возможность послѣдней дивизіи англійскаго центра, подъ начальствомъ Шовеля, прорѣзать французскую линію, поставленную такимъ образомъ между двухъ огней, причемъ всѣ усилія союзниковъ были сосредоточены на атакѣ французскаго центра, который храбро защищался, потопивъ два англійскихъ корабля. Особенно жестокому нападенію подвергся флагманскій корабль Турвиля „Soleil Royal“; пять брандеровъ, одинъ за другимъ, были пущены на него съ отряда Шовеля, но, благодаря своему искусству въ управленіи кораблемъ, Турвилю удалось ихъ избѣжать. Къ вечеру совсѣмъ заштилѣло и сражавшіеся флоты понесло теченіемъ, вслѣдствіе чего французы и Шовель отдали якорь; Руссель не сразу замѣтилъ этотъ маневръ и приказалъ стать на якорь тогда, когда его суда были далеко отъ французскаго флота, вслѣдствіе чего Шовель оказался въ критическомъ положеніи далеко отъ своихъ; тогда онъ приказалъ обрубить канаты и суда его протащило теченіемъ между французскими

кораблями, причемъ англичане сильно пострадали отъ продольнаго огня непріятеля.

Такимъ образомъ, несмотря на громадное неравенство силъ, этотъ день кончился для Турвиля благополучно: онъ не потерялъ ни одного корабля, въ то время какъ у англичанъ недоставало двухъ.(*) Однако многіе французскіе корабли сильно пострадали и на слѣдующее утро надо было ожидать нападеніе со стороны союзниковъ, которые очевидно постараются загладить свою неудачу. Вслѣдствіе этого рѣшено было отступать и ночью въ туманѣ корабли начали сниматься съ якоря: четыре изъ нихъ попали къ берегамъ Англіи и оттуда благополучно добрались въ Брестъ, шесть другихъ направились въ Кале, обогнули Англію съ сѣвера и тоже достигли Бреста, и къ утру 20 мая Турвиль рѣшился направиться въ проливъ между материкомъ и скалами, лежащими противъ мыса Ла-Хогъ разсчитывая воспользоваться въ немъ страшно-быстрыми теченіями во время прилива и проскочить здѣсь къ берегамъ Бретани.

Англичане начали его преслѣдовать, но сталъ сильный туманъ и благодаря этому французамъ удалось уйти, и, наконецъ, они добрались до мыса Ла-Хога. Но тутъ Турвиль сдѣлалъ непростительную ошибку: флагманскій его корабль „Soleil Royal" и два, три другихъ,

---

(*) По английскимъ источникамъ, французы потеряли 4 корабля, сожженныхъ брандерами, а англичане ни одного.

сильно поврежденные, задержали ходъ всей эскадры; надо было ими пожертвовать, предоставивъ имъ спасаться въ Шербургъ, но Турвиль не имѣлъ духа это сдѣлать, вслѣдствіе чего, какъ разъ въ то время, какъ флагъ его находился въ проливѣ, теченіе перемѣнилось и тринадцать его заднихъ кораблей, вмѣстѣ съ его собственнымъ кораблемъ были отброшены назадъ, въ то время какъ авангардъ благополучно добрался до С. Мало.

Англичане не рѣшились послѣдовать въ проливъ за французами; Руссель отдѣлилъ за авангардомъ отрядъ подъ начальствомъ Элиби, который, обойдя скалы кругомъ, такъ и не могъ догнать французовъ, а самъ съ главными силами послѣдовалъ за Турвилемъ, который поставилъ свои суда на мель въ бухтѣ Ла-Хогъ. Здѣсь на берегу имѣлись кое-какія укрѣпленія и масса сухопутныхъ войскъ, но смятеніе было такъ велико, что тридцать шесть долгихъ часовъ было потеряно на безполезные пререканія и обсужденіе различныхъ предложеній, на дѣлѣ-же для защиты судовъ не было ничего предпринято. Въ это время англичане, не имѣвшіе возможности подойти къ французскимъ кораблямъ, стоявшимъ на мели, снарядили экспедицію изъ всѣхъ шлюпокъ и мелкихъ судовъ эскадры, которая ночью произвела внезапное нападеніе и подъ выстрѣлами береговыхъ укрѣпленій сожгла всѣ корабли и множество транспортовъ. Нѣсколько французскихъ судовъ добравшихся до Шербурга были тамъ тоже поставлены на мель и сожжены самими французами.

Послѣдствія сраженія при мысѣ Ла-Хогъ.
Разгромъ при мысѣ Ла-Хогъ былъ неожиданнымъ тяжкимъ ударомъ французскому флоту, но не въ гибели кораблей и людей заключалась главная тяжесть этого удара, а въ произведенномъ имъ нравственномъ впечатлѣніи на французское правительство, которое съ этого времени круто измѣнило способъ веденія морской войны.

Уже за нѣсколько лѣтъ до этого пораженія, Франція, истощенная непрерывными войнами, которыя велъ Людовикъ 14, съ трудомъ находила средства для снаряженія большихъ флотовъ, въ виду чего явилось много сторонниковъ, и между ними морской министръ, идеи отказаться отъ морской войны и употребить всѣ средства на уничтоженіе торговли непріятеля, что обходится гораздо дешевле, такъ какъ къ этому привлекаются частные арматоры, получающіе отъ правительства только патентъ на право носить военный флагъ и захватывать непріятельскіе торговые суда.

Послѣ пораженія при Ла-Хогѣ, мнѣніе это окончательно восторжествовало: военные флоты, хотя выходили еще иногда въ море, но, плохо снабженные людьми и припасами, не предпринимали никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій и по большей части старались избѣгать встрѣчи съ непріятелемъ; офицеры и матросы, привлекаемые возможностью быстрой наживы, толпами уходили на приватиры; наконецъ правительство стало отдавать для превращенія въ приватиры, офицерамъ и частнымъ лицамъ, военныя суда и всѣ средства морскихъ арсеналовъ, причемъ, въ случаѣ кру-

меніе или плѣна, арматоры не отвѣчали за погибшее казенное имущество. Въ результатѣ, черезъ десять лѣтъ, прекрасный французскій флотъ былъ сведенъ на нѣтъ, приватиры были переловлены англичанами или брошены на произволъ судьбы своими хозяевами; личный составъ военнаго флота разсѣялся, потерялъ военный духъ, гоняясь только за наживой и перестал составлять одно стройное цѣлое.

Правда, англичане понесли громадные убытки, потерявъ тысячи своихъ торговыхъ судовъ, отчего обогатились только частные лица, а не французское правительство, но наиболѣе значеніе имѣлъ тотъ фактъ, что разореніе англійской торговли, положительно не имѣло никакого вліянія на условія мира и въ этомъ отношеніи не принесло французамъ никакой пользы, берега-же Франціи, лишившіеся своего флота, не разъ подвергались разоренію.

Въ 1694 году былъ аттакованъ Брестъ и бомбардированы Діеппъ и Гавръ, причемъ послѣдній былъ сожженъ до тла. Въ Средиземномъ морѣ союзники спокойно заняли прочное положеніе, въ первый разъ здѣсь зимовали и совершенно остановили французскую торговлю. Въ 1695 году были бомбардированы С. Мало, Дюнкирхенъ и совершенно разрушены Гренвиль, Бель-Иль, Гуанъ и Чедикъ.

Состояніе тактики въ серединѣ 18 столѣтія.

Только въ серединѣ 18 столѣтія началъ

возрождаться французскій флотъ и сейчасъ-же Англія, справедливо считавшая себя въ это время владычицей морей, ухватилась за первый попавшійся предлогъ, чтобы объявить Франціи войну, имѣя въ виду не дать послѣдней времени вполнѣ возстановить свой флотъ.

Въ послѣдовавшей затѣмъ борьбѣ, французы, боясь потерять свои корабли, еще дурно снабженные и плохо управляемые, заняли оборонительное положеніе и старались только отразить непріятеля, съ наименьшимъ вредомъ для себя; англичане-же увѣренные въ своихъ силахъ, упоенные славой цѣлаго ряда побѣдъ надъ своими противниками, были во всѣхъ сраженіяхъ нападающей стороной, стараясь уничтожить или взять въ плѣнъ какъ можно больше непріятельскихъ кораблей.

Въ это время прошло уже около 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ были выработаны и введены во всеобщее употребленіе правила морской тактики изложенные Павломъ Гостомъ. Пока ихъ примѣняли на дѣлѣ люди, на глазахъ которыхъ эти правила вырабатывались, онѣ не стѣсняли инищіативы начальниковъ отдѣльныхъ частей, такъ напр. поступилъ Шовель въ сраженіи при мысѣ Барфлеръ; онъ вышелъ изъ линіи, чтобы поставить Турвиля между двухъ огней, воспользовавшись для этого маневра благопріятными обстоятельствами. Точно также и Руссель приказалъ Алльманду, если окажется возможность, обойти французовъ, т.е. опять выйти изъ линіи.

Правда всѣ эти правила вытекали изъ

самой сущности боевыхъ элементовъ, т.е. изъ свойствъ парусного корабля и главнаго его оружія — артиллеріи, но это совсѣмъ не значитъ, чтобы онѣ были непреложными, неизмѣнными, чтобы онѣ представляли изъ себя какіе-то рецепты, которымъ надо слѣпо слѣдовать во всѣхъ случаяхъ. Онѣ сами по себѣ зависѣли отъ обстановки и должны были только служить руководящей нитью при примѣненіи боевыхъ средствъ въ различныхъ случаяхъ. Такъ на это и смотрѣли моряки конца 17 столѣтія, создавшіе эти правила. Каждый изъ нихъ понималъ, что быть въ линіи важно, чтобы дѣйствовать удобно артиллеріей; что править въ бейдевиндъ важно, чтобы непріятель не вышелъ на вѣтеръ; что сохранить разстояніе между кораблями важно, чтобы непріятель не могъ сосредоточить свои силы. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, — каждый изъ нихъ также отлично понималъ, что всѣмъ этимъ можно, при случаѣ, пожертвовать, если надо достигнуть какого либо важнаго преимущества. Однимъ словомъ, правила были подчинены человѣку, а не онъ имъ, т.е. не считали правилъ неприкосновенными, которые слѣдуетъ выполнять во чтобы то ни стало, только ради самихъ правилъ, а не ради цѣлей для достиженія которыхъ они установлены.

Съ теченіемъ времени дѣло измѣнилось. Правила эти, употребляясь очень часто, заняли въ умѣ мѣсто руководящихъ началъ, для проведенія которыхъ они были прежде лишь средствами. Понемногу начали ихъ

примѣнять буквально, считая всякое отступленіе отъ нихъ преступленіемъ, начали имъ слѣпо поклоняться, однимъ словомъ, правила эти обратились въ рутину и вполнѣ подчинили себѣ человѣка, противясь такимъ образомъ всякой личной иниціативѣ и всякому совершенствованію. Дѣло дошло до того, что въ глазахъ многочисленныхъ теоретиковъ даже побѣда не считалась за таковую, если она была одержана не по извѣстнымъ правиламъ.

Для достиженія побѣды стали руководиться принципомъ совершенно ложнымъ. Считали что для этого достаточно выполнить цѣлый рядъ правилъ, вмѣсто того, чтобы стремиться къ сосредоточенію силъ, взаимной поддержкѣ, внезапности и т.д....

Тулонское сраженіе 11 февраля 1744 г.

Самымъ яркимъ выраженіемъ этого направленія явилось отношеніе англійскаго общества и морского суда къ поведенію англійскаго адмирала въ Тулонскомъ сраженіи. Когда, послѣ смерти императора Карла 6, дочь его Марія Терезія вступила во владѣніе всѣми землями австрійской монархіи, многіе изъ европейскихъ государей, заявили притязаніе на австрійскій престолъ, вслѣдствіе чего вся Европа раздѣлилась на два лагеря, вступившіе между собою въ борьбу, получившую названіе войны за австрійское наслѣдство.

Такъ какъ Испанія и Франція были

противъ Австріи, то Англія, которая собственно никакихъ интересовъ въ этомъ наслѣдствѣ не имѣла, примкнула къ Австріи съ тою цѣлью, чтобы имѣть случай разгромить возрождавшійся французскій флотъ и попробовать отобрать отъ Испаніи и Франціи ихъ богатые колоніи.

Война еще между Франціей и Англіей не была объявлена, но англійская эскадра, въ числѣ 29 кораблей, подъ начальствомъ адмирала Матьюса, блокировала франко-испанскій флотъ въ Тулонѣ. Союзные корабли были плохо снабжены, имѣли неопытную команду, причемъ на испанскихъ корабляхъ еще недоставало много офицеровъ, матросовъ и солдатъ. Начальникъ союзнаго флота, французскій адмиралъ Де-Куртъ, несмотря на свои 80 лѣтъ, проявилъ большую энергію въ приведеніи своего флота въ порядокъ: онъ дополнилъ недостатокъ испанскихъ экипажей французами, дѣятельно занимался на рейдѣ подготовкой для боя личнаго состава, но ничего не могъ сдѣлать противъ антагонизма, который существовалъ между моряками двухъ націй, тѣмъ болѣе что Донъ-Наварро, начальникъ испанскаго отряда, не оказывалъ ему ни малѣйшаго содѣйствія.

Состояніе англійской эскадры тоже было не особенно блестяще: находясь долго у береговъ, экипажи сильно пострадали отъ дезертирства, а между адмираломъ Матьюсомъ и вице-адмираломъ Лестокомъ, происходили постоянные раздоры, доходившіе до открытаго неповиновенія со стороны послѣдняго.

Наконецъ въ Февралѣ 1744 года Де-Куртъ вышелъ въ море, имѣя въ своей эскадрѣ 16 французскихъ и 12 испанскихъ кораблей; Матьюсъ сейчасъ-же погнался за нимъ и утромъ 11 февраля, между Тулономъ и Гіэрскими островами, враждебные флоты, идя лѣвымъ галсомъ, оказались въ виду другъ у друга, причемъ англичане были на вѣтрѣ.

Вѣтеръ былъ легкій O, дававшій кораблямъ ходъ отъ 3 до 4 узловъ и постепенно стихавшій. Авангардъ и центръ союзниковъ, составлявшіе изъ всѣхъ французскихъ и трехъ испанскихъ кораблей, держались — вмѣстѣ; затѣмъ на порядочномъ разстояніи шелъ Донъ-Наварро съ тремя кораблями, а еще дальше, сильно отставши, шли остальные испанскіе корабли.

Аррьергардъ англичанъ, подъ начальствомъ вице-адмирала Лестока, тоже былъ сильно отставши и на вѣтрѣ. При такомъ положеніи враждебныхъ флотовъ, въ 10 часовъ утра адмиралъ Матьюсъ поднялъ сигналы „Выстроить линію баталіи" и „Вступить въ бой."

Въ 1 часъ пополудни, т.е. черезъ три часа послѣ сигнала, Лестокъ оставался все въ такомъ же большомъ разстояніи отъ центра и повидимому ничего не предпринималъ, чтобы съ нимъ соединиться. Между тѣмъ испанскій адмиралъ съ тремя судами, отдѣленный отъ своихъ, представлялъ изъ себя прекрасный объектъ для нападенія и надо было не терять времени, чтобы поспѣть это сдѣлать, пока союзники не

Литографія К. Биркенфельда (В.О. 8 л. № 1).

соединились. Вслѣдствіе этого Матьюсъ, не подымая сигнала „Спуститься на непріятеля," вышелъ изъ линіи и спустился прямо на корабль Дона-Наварро, считая, что этому движенію долженъ послѣдовать весь флотъ и тогда дѣйствительно не прошло-бы и четверти часа, какъ испанцы должны были-бы сдаться, атакованные превосходными силами. Между тѣмъ за Матьюсомъ послѣдовали только два корабля, передній и задній его мателоты; затѣмъ пять переднихъ кораблей его центра открыли огонь съ дальней дистанціи по испанскому кораблю „Подеръ", находившемуся въ это время въ одиночествѣ между центромъ и арьергардомъ; англійскій авангардъ, подъ начальствомъ Коулея даже и не могъ спуститься, такъ какъ въ этомъ случаѣ французы могли-бы легко выиграть у него вѣтеръ и поставить его въ два огня, а потому Коулей поступилъ совершенно правильно, приведя въ крутой бейдевиндъ; но вотъ корабли слѣдовавшіе за Матьюсомъ и Лестокъ съ арьергардомъ вполнѣ могли и должны были послѣдовать за своимъ адмираломъ и, конечно, испанцы не могли-бы устоять противъ такого превосходства въ силахъ.

Оставшись почти одинъ Матьюсъ все-же вступилъ съ отрядомъ Донъ-Наварро въ бой на самомъ близкомъ разстояніи и скоро передній мателотъ испанскаго адмирала былъ выбитъ изъ строя, причемъ корабль, слѣдовавшій за Наварро, даже стрѣлялъ въ своего товарища, желая заставить его воз-

Генералъ-Маіоръ Ульяниновъ

вратиться на мѣсто.

Черезъ часъ корабль испанскаго адмирала потерялъ всѣ стеньги, грота-рей, снасти были перебиты, нѣсколько орудій было подбито и 500 человѣкъ было выведено изъ строя убитыми и ранеными: въ такомъ положеніи Наварро принужденъ былъ прекратить огонь, чѣмъ воспользовался Матьюсъ и пустилъ на него брандеръ, и это произвело такой переполохъ на испанскомъ кораблѣ, что команда его стала съ подвѣтра бросаться за бортъ. Въ это время, однако, подошли задніе испанскіе корабли и открыли по брандеру огонь, вслѣдствіе чего брандеръ взорвался, не достигнувъ цѣли.

Между тѣмъ корабли стрѣлявшіе въ „Подеръ", видя безполезность своего огня, вступили въ линію, продолжая обмѣниваться рѣдкими выстрѣлами съ французами; только одинъ изъ кораблей авангарда „Бервикъ", считая „Подеръ" вѣрной добычей, вышелъ изъ линіи, подошелъ къ нему на разстояніе пистолетнаго выстрѣла и открылъ огонь, причемъ первымъ-же залпомъ произвелъ на испанскомъ кораблѣ такое разрушеніе, что тотъ черезъ нѣкоторое время спустилъ флагъ.

Въ это время Де-Куртъ, видя плачевное состояніе, въ которомъ находился Донъ-Наварро рѣшилъ придти къ нему на помощь, для чего корабли французскаго авангарда начали послѣдовательно поворачивать оверштагъ; тогда Роулей, опасаясь быть отрѣзаннымъ, сдѣлалъ тоже самое, поворотивъ оверштагъ вдругъ, вслѣдствіе чего суда его потеряли строй, и

направился на соединение съ центромъ. Матьюсъ видѣ что никто его не поддерживаетъ, тогда какъ къ Наварро подошли его задніе корабли, а съ другой стороны подходятъ французы, долженъ былъ привести и вступить въ линію. Тоже самое принужденъ былъ сдѣлать „Бервикъ", оставивъ на взятомъ имъ испанскомъ корабле своего лейтенанта съ незначительнымъ количествомъ матросовъ.

Лестокъ все еще оставался далеко назади а потому, продолжая идти впередъ, Матьюсу предстояло выдержать нападеніе всего флота союзниковъ, не имѣя при себѣ своего арьергарда.

Вслѣдствіе этого въ 5 час. пополудни Матьюсъ приказалъ повернуть на другой галсъ и вновь выстроиться въ линію баталіи таким образомъ онъ соединился съ Лестокомъ, который оказался теперь въ авангардѣ.

Де-Куртъ легко могъ-бы выйти на вѣтеръ у англичанъ и поставить ихъ въ два огня, такъ какъ тѣ, ворочая вслѣдствіе слабости вѣтра, кто оверштагъ, а кто черезъ фордевиндъ, упали подъ вѣтеръ, но онъ не сдѣлалъ этого, желая прикрыть поврежденные испанскіе корабли; вслѣдствіе этого онъ направился между англичанами и испанцами причемъ „Подеръ" перешелъ обратно въ руки союзниковъ.

Наступившая затѣмъ темнота прекратила [illegible]й; послѣ этого Матьюсъ еще нѣсколько дней издали слѣдовалъ за союзниками, но сраженіе не возобновлялось и Де-Куртъ

благополучно довелъ испанцевъ до Картагены, тогда какъ англичане отправились исправлять свои повреждения въ Портъ-Магонъ, на островъ Минорка.

Примѣчаніе. Тулонское сраженіе было первымъ, участники котораго, кромѣ донесеній, представили и планы расположенія судовъ въ различные моменты, и послѣ него, это вошло уже въ обычай во всѣхъ флотахъ.

Вліяніе Тулонскаго сраженія на морскую тактику.

Такимъ образомъ это сраженіе кончилось почти ничѣмъ и ни одинъ изъ противниковъ не могъ добиться какого либо рѣшительнаго результата. Де-Куртъ, очевидно, прямо избѣгалъ рѣшительнаго боя, такъ какъ онъ не соблазнился прекраснымъ представлявшимся ему случаемъ обойти англичанъ и, такимъ образомъ, сосредоточить всю свою силу противъ эскадры Роулея. Онъ поставилъ себѣ, въ этомъ случаѣ, цѣль второстепенную, — прикрыть испанцевъ, такъ какъ, очевидно, англичане сейчасъ-же ихъ бы бросили, если-бы увидѣли, что опасность угрожаетъ имъ самимъ, т. е. второстепенная цѣль была-бы достигнута сама собою при преслѣдованіи главной цѣли.

Однако такое поведеніе Де-Курта могло еще быть объяснено общимъ стремленіемъ французовъ въ это время къ оборонительному образу дѣйствій, о чемъ было уже говорено выше.

Но вотъ Матьюсъ и стремился къ рѣшительному результату и все таки его не добился, и причиной этого было полное отсутствіе у англичанъ взаимной поддержки, и непониманіе намѣреніе Матьюса - сосредоточить усилія всего центра и аррьергарда на отставшіе испанскіе корабли.

Оба адмирала были отданы подъ судъ и оба лишены были командованія, и признаомъ обоимъ было главнымъ образомъ поставлено въ вину одно и то-же обстоятельство - несоблюденіе строя. И дѣйствительно Де-Куртъ былъ въ этомъ виноватъ, такъ какъ увидѣвши непріятеля, онъ могъ уменьшить парусовъ и такимъ образомъ сомкнуть свою линію; позволивъ-же аррьергарду отстать, онъ его подставилъ подъ ударъ всей непріятельской эскадры.

Матьюсъ же уменьшить свой ходъ не могъ, такъ какъ онъ преслѣдовалъ непріятеля, а потому и не могъ поджидать Лестока, слѣдовательно въ томъ, что онъ пошелъ въ бой не въ сомкнутомъ строѣ, онъ былъ не виноватъ. Затѣмъ, онъ правда нарушилъ строй, но лишь для того, чтобы воспользоваться оплошностью противника и напасть съ превосходными силами на его отставшіе корабли. Судъ-же все это поставилъ ему въ вину, причемъ осудилъ и самую идею его атаки - напасть на часть непріятеля, и тѣмъ открыто призналъ лишь одинъ способъ нападенія правильнымъ - идти всей линіи на всю линію противника. При этомъ онъ оправдалъ, какъ Лестока, такъ

и всѣхъ командировъ, оставшихся въ линіи и не послѣдовавшихъ за Матьюсомъ. Дѣйствительно возникаетъ вопросъ: чего-же желалъ судъ отъ Матьюса? Очевидно того, чтобы, не будучи въ состояніи напасть на французовъ въ полномъ порядкѣ и со всѣми кораблями, онъ не нападалъ-бы на нихъ совсѣмъ.

Но тогда онъ упустилъ бы совсѣмъ непріятеля, иначе быть не могло, при противодѣйствіи Лестока.

Правила-бы были соблюдены вполнѣ, но не было-бы успѣха, и такое именно рѣшеніе суда и должно было гибельнымъ образомъ подѣйствовать на умы англійскихъ моряковъ.

Въ дѣйствительности, повидимому, дѣло обстояло такъ: Матьюсъ былъ все таки человѣкомъ своего времени, и несомнѣнно тоже подчинялся вліяніемъ этого времени. Дѣйствительно, онъ три часа ждалъ, раньше чѣмъ воспользоваться положеніемъ противника.

Если-бы это былъ Нельсонъ, онъ не ждалъ бы ни одной минуты.

Но Матьюсъ, если и не совсѣмъ ясно, то все таки инстинктивно, сознавалъ, что случай очень хорошъ, и рѣшился сдѣлать попытку вырваться изъ рутины.

Но такъ необычно была эта попытка, такъ шла она въ разрѣзъ съ мнѣніями того времени, что командиры его не поняли, его осудили и за нимъ не послѣдовали, чего опять таки во времена Нельсона быть не могло.

Формально Матьюсъ быть можетъ и

не былъ правъ, но, по совѣсти, осудить его было нельзя. Судъ могъ его даже осудить, но высказать вмѣстѣ съ тѣмъ порицаніе Лестоку и оставшимся на мѣстѣ командирамъ. Тогда осужденъ былъ бы Матьюсъ, но не была бы осуждена первая попытка освободиться отъ рутины и могла развиться вѣрная идея. Послѣдовавшая-же резолюція суда задушила нарождавшуюся вѣрную идею и тѣмъ погубила не только Матьюса, но принесла громадный вредъ всему англійскому флоту. Извѣстный англійскій адмиралъ Родней, черезъ 40 лѣтъ послѣ этого, выразился объ этомъ судѣ такъ:

„Поведеніе Лестока показываетъ, что онъ нисколько не заботился о пользѣ своего отечества. Онъ горячо оправдывалъ командировъ, не послѣдовавшихъ за Матьюсомъ, но я убѣжденъ, что если-бы такъ поступилъ командиръ, находившійся бы подъ его командой, онъ немедленно отдалъ-бы его подъ судъ. И вотъ такому человѣку, благодаря интригамъ и пріятельству, удалось обезчестить передъ лицемъ страны храбраго и честнаго адмирала; я положительно отказываюсь назвать этотъ судъ нелицепріятнымъ. Но безпристрастное потомство оцѣнило этихъ людей по заслугамъ, воздавъ должное Матьюсу и проклявъ память Лестока."

И такъ резолюція суда прямо убила въ корнѣ всякую личную иниціативу, преклонила человѣка передъ правиломъ и, очевидно, надолго задержала въ англійскомъ

флотъ распространение истинныхъ принциповъ морской тактики. И мало того, въ это время, появились въ инструкціяхъ для боя такіе напр. параграфы: „Командиръ не имѣетъ права выйти изъ линіи, даже для того, чтобы оказать помощь терпящему бѣдствіе сосѣднему кораблю. Онъ можетъ это сдѣлать только по сигналу адмирала." Этой выдержки изъ инструкціи достаточно, чтобы видѣть, что всякая взаимная поддержка прямо убита была въ конецъ, а также и всякая личная иниціатива. Все подчинено строю, самое главное держаться въ линіи. И затѣмъ, какая, дѣйствительно, трудная роль возлагается на адмирала? Управляя флотомъ въ 20-30 кораблей, онъ обязанъ каждую минуту видѣть въ какомъ положеніи находится каждый его корабль, а между тѣмъ въ дыму онъ очевидно не сможетъ этого сдѣлать. Наконецъ могутъ быть перебиты всѣ сигнальные фалы и онъ не въ состояніи будетъ сдѣлать сигналъ, а корабль, неимѣющій противъ себя, можетъ быть, ни одного противника, видитъ рядомъ, терпящаго бѣдствіе товарища и не смѣетъ выйти изъ линіи, чтобы ему помочь.

Вотъ какова была морская тактика въ продолженіи второй половины 18 столѣтія.

Какъ уже было указано выше, въ продолженіи этого времени, англичане, желая истребить французскій флотъ, надѣясь на превосходство своихъ кораблей и командъ разрабатывали, хотя и въ невѣрномъ направленіи, тактику наступательную, дер-

жались на вѣтръ, стрѣляли по корпусу; Французы, желая сберечь свой только что народившійся флотъ, разрабатывали тактику оборонительную, занимали положеніе подъ вѣтромъ и стрѣляли по рангоуту, т. е. англичане стремились къ рѣшительному бою, — французы — только къ простымъ стычкамъ.

Разсмотримъ теперь, какъ всего выгоднѣе поступить флоту, желающему по какимъ либо причинамъ избѣжать сраженія, въ то время какъ противникъ его желаетъ вступить въ бой и стремится захватить какъ можно больше кораблей, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень заботится о томъ, чтобы не разстроить свою линію баталіи.

Разъ противники находятся другъ у друга въ виду, ни одинъ изъ нихъ не можетъ избѣжать боя, а потому обороняющемуся надо думать только о томъ, чтобы выйти изъ сраженія съ наименьшими поврежденіями.

Обороняющійся флотъ, расположенный въ линію баталіи, можно уподобить арміи, занявшей позицію въ открытомъ полѣ, защищенной съ фронта рядомъ батарей, но оставившей совершенно открытыми свои фланги; отсюда совершенно ясно, что для него гораздо выгоднѣе, чтобы непріятель атаковалъ его съ фронта. Но можетъ ли въ свою очередь нападающій атаковать одинъ изъ фланговъ, сохраняя свою линію баталіи и желая разбить и уничтожить, по возможности, весь непріятельскій флотъ? Если онъ нападаетъ на задніе корабли подвѣтрен-

наго флота, то авангардъ его, вступивъ въ сраженіе, непремѣнно задержится на мѣстѣ, остальные корабли на него будутъ навалять и строй неминуемо разстроится; въ этомъ случаѣ арьергардъ подвѣтреннаго флота окажется окруженнымъ и можетъ быть разбитъ, но такой поворотъ дѣла не будетъ соотвѣтствовать желанію нападающаго уничтожить какъ можно больше кораблей, причемъ придется еще пожертвовать правильностью строя; если-же задніе корабли, чтобы сохранить строй, убавятъ парусовъ, то сраженіе не будетъ рѣшительнымъ, такъ какъ число сражающихся кораблей будетъ одинаковое съ обѣихъ сторонъ.

Напасть на передніе корабли подвѣтреннаго флота можно, идя съ непріятелемъ контргалсами или однимъ галсомъ.

Въ первомъ случаѣ, строй несомнѣнно будетъ сохраненъ, но сраженіе не можетъ быть рѣшительнымъ, такъ какъ корабли, проходя другъ мимо друга съ двойною скоростью, не будутъ имѣть времени хорошо увидѣться и флоты очень скоро разойдутся, такъ какъ каждый корабль будетъ въ огнѣ только то время, которое потребно флоту на прохожденіе половины своей длины. Для флота въ 30 кораблей, при ходѣ въ 4 узла, это время будетъ ½ часа; кромѣ того ¾ этого времени каждый корабль будетъ находиться противъ промежутковъ непріятельскихъ кораблей, т.е. онъ будетъ подвергаться выстрѣламъ всего только въ про-

долженіи 7½ минутъ. Очевидно, въ этомъ случаѣ флоты разойдутся почти безъ поврежденій. Ко всему этому надо еще прибавить, что флотъ, избѣгающій сраженіе, можетъ всегда повернуть на другой галсъ и недопустить атаку контрагалсомъ.

Остается слѣдовательно напасть на авангардъ, идя съ обороняющимися однимъ галсомъ; но тогда такая атака, очевидно, обратится въ атаку съ фронта, т. е. въ самую выгодную для обороняющагося. Нападающій тоже будетъ стремиться къ такой атакѣ, такъ какъ при ней строй не разстраивается и вся линія вмѣстѣ идетъ въ бой, т. е. имѣется надежда, при увѣренности въ своемъ превосходствѣ, истребить или забрать, по возможности, весь непріятельскій флотъ.

Такимъ образомъ думали англичане въ продолженіи сорока лѣтъ послѣ Тулонскаго сраженія и всегда выбирали послѣдній способъ атаки.

Разберемъ, теперь, что произойдетъ съ навѣтреннымъ флотомъ, спускающимся въ полномъ составѣ на непріятеля:

Если онъ будетъ спускаться въ линіи кильватера на фордевиндъ, то подвѣтренный флотъ пройдетъ у него подъ носомъ и еще легко можетъ выйти на вѣтеръ. Чѣмъ онъ, конечно, и воспользуется, такъ какъ онъ сраженіе избѣгаетъ, чего ему легко достигнуть, выйдя на вѣтеръ.

Если онъ будетъ спускаться на фордевиндъ въ строѣ фронта, то, не имѣя самъ

возможности стрѣлять, онъ будетъ подвергаться продольнымъ выстрѣламъ непріятеля и, когда онъ подойдетъ на такую дистанцію, чтобы привести и открыть огонь, непріятель можетъ, пользуясь дымомъ и поврежденіями нападающаго, спуститься и выстроить новую линію на разстояніи нѣсколькихъ миль подъ вѣтромъ. Для этого корабли обороняющагося флота, для замаскированія своего движенія, могутъ спускаться черезъ одинъ, пока остальные будутъ занимать вниманіе непріятеля. Тогда нападающему придется повторить свой маневръ, съ новой для себя невыгодой, такъ какъ корабли его пострадали, въ то время, какъ обороняющійся почти не имѣетъ поврежденій. Къ этому надо еще прибавить, что даже если-бы нападающему и удалось приблизиться къ непріятелю безъ поврежденій, то, выстроивши линію баталіи, его авангардъ оказался бы противъ арьергарда обороняющагося, такъ какъ послѣдній все шелъ впередъ, пока первый спускался.

Такимъ образомъ, для того чтобы ввести весь свой флотъ въ бой, нападающему надо, или, оставаясь въ линіи кильватера, держать полнѣе, направляясь на пересѣчку курса непріятеля, или всѣмъ его кораблямъ, оставаясь на линіи бейдевинда, слѣдуетъ выбрать курсъ такъ, чтобы держать соотвѣтствующіе корабли непріятеля на траверзѣ. Послѣдній способъ въ теоріи даетъ возможность всѣмъ кораблямъ нападающаго вступить въ бой одновременно.

Однакоже на дѣлѣ выходило слѣдующее: передовой корабль, не встрѣчая на пути своемъ препятствій, шелъ прямо къ своей цѣли; слѣдующіе корабли, принужденные сохранять равненіе, стѣсненные между другими кораблями, то приводя, то спускаясь, отставали отъ передоваго и отставаніе это было тѣмъ больше, чѣмъ корабль былъ ближе къ хвосту; вслѣдствіе этого отставанія, каждый корабль понемногу стремился входить въ кильватеръ своего передняго мателота, и въ концѣ концовъ нападающій флотъ оказывался въ линіи наклонной къ линіи непріятеля. Замѣтивъ при этомъ, что лучшіе ходоки, помѣщавшіеся обыкновенно въ авангардѣ, уходили впередъ, надо придти къ заключенію, что нападающій флотъ, подходя къ непріятелю, оказывался раздѣленнымъ. Отдѣлившійся авангардъ, подвергаясь долгое время продольному огню авангарда непріятеля, долженъ непремѣнно потерпѣть сильныя поврежденія, отчего ходъ его уменьшится, и когда онъ прибѣдетъ, чтобы въ свою очередь открыть огонь, противъ него уже окажутся свѣжіе непріятельскіе корабли, которымъ уже легко будетъ съ нимъ бороться. Если еще въ это время А-передній изъ отставшихъ кораблей будетъ поврежденъ продольными выстрѣлами, что весьма возможно, и измѣнитъ вслѣдствіе этого свой курсъ, то задніе корабли, набѣжавъ на него, произведутъ безпорядокъ, который можетъ задержать всю линію, отчего центръ и арьергардъ еще дальше отстанутъ,

и авангардъ, уже раньше разбитый, окажется безъ поддержки. Видя это, непріятельскій центръ и арьергардъ могутъ прибавить парусовъ и продефилировать передъ разбитымъ нападающимъ авангардомъ, осыпая его залпами; послѣ этого, пока еще не подоспѣли центръ и арьергардъ навѣтреннаго флота, обороняющійся можетъ спуститься и выстроить новую линію баталіи, въ разстояніи нѣсколькихъ миль подъ вѣтромъ; при этомъ корабли обороняющагося опять могутъ спускаться черезъ одинъ, пока остальные занимаютъ вниманіе непріятеля. Тогда навѣтренному флоту останется повторить нападеніе снова, чего онъ никогда не въ состояніи будетъ сдѣлать, такъ какъ авангардъ его разбитъ, въ то время какъ непріятель почти не имѣетъ поврежденій.

Цѣлый рядъ сраженій въ продолженіи сорока лѣтъ послѣ Тулонскаго боя, показываетъ, что французы, не желавшіе рисковать своимъ флотомъ, въ совершенствѣ усвоили вышеприведенныя соображенія, въ то время какъ англичане, надѣясь на превосходство своихъ моряковъ и кораблей, каждый разъ производили нападеніе съ навѣтра, съ явнымъ стремленіемъ уничтожить весь непріятельскій флотъ. Результатъ ни разу не оправдалъ ихъ ожиданій, но они, приписывая свою неудачу различнымъ побочнымъ обстоятельствамъ, а не тактической ошибкѣ, такъ и не могли догадаться, что маневръ ихъ и не могъ привести ни къ чему иному

какъ къ пораженію.

Дѣйствія англичанъ и французовъ во всѣхъ сраженіяхъ этого періода были настолько однообразны, что достаточно привести для образца одно изъ нихъ.

Минорское сраженіе 20 мая 1756 г.

Англія продолжала ревниво слѣдить за возстановленіемъ французскаго флота и развитіемъ французскихъ колоній, и только выжидала благопріятнаго момента, чтобы напасть на Францію.

Вслѣдствіе этого, когда французы, въ 1755 году, отправили транспорты съ подкрѣпленіями и припасами для своихъ войскъ, расположенныхъ въ Канадѣ, англійское правительство, безъ объявленія войны, послало въ погоню за ними эскадру и отдало приказъ своимъ крейсерамъ захватывать торговые французскія суда.

Французы съ своей стороны рѣшили не оставаться въ долгу и тайно снарядили экспедицію для занятія острова Минорки, принадлежавшаго англичанамъ. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1756 года эскадра изъ 12 линейныхъ кораблей, подъ начальствомъ адмирала Галисонбера вышла изъ Тулона, конвоируя 150 транспортовъ, на которыхъ находилось 15000 войска. Если-бы такая экспедиція была снаряжена послѣ объявленія войны, то она явилась-бы стратегической ошибкой со стороны французовъ, но тутъ они совершенно вѣрно расчитывали на внезапность нападенія

и на отсутствіе англійскаго флота въ Средиземномъ морѣ. Высадка была произведена безъ всякаго препятствія со стороны англичанъ, которые очистили городъ Портъ-Магонъ и заперлись въ фортъ Св. Филиппа, защищавшемъ подступы къ городу съ моря, и здѣсь они были обложены со всѣхъ сторонъ французскими войсками и флотомъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ, англійское правительство наскоро снарядило и отправило въ Средиземное море, эскадру изъ 10 линейныхъ кораблей подъ начальствомъ Джона Бинга; на пути къ нему присоединилось еще 3 корабля и 18 мая англичане увидѣли французскій флотъ, крейсирующій противъ входа въ Портъ-Магонъ.

Французы были на вѣтрѣ и не выказывали ни малѣйшаго желанія вступить въ бой, что было совершенно разумно съ ихъ стороны: будучи разбиты, они должны бы были отказаться отъ главной цѣли своего предпріятія (занятіе о-ва Минорка) и армія ихъ осуждена была-бы на погибель; между тѣмъ, пока французскій флотъ оставался цѣлъ, англичане ничего не могли предпринять для освобожденія осажденнаго форта.

Два дня флоты маневрировали другъ у друга въ виду, причемъ Бингъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы выиграть у французовъ вѣтеръ, что наконецъ и удалось ему сдѣлать около часу пополудни 20 мая, когда вѣтеръ внезапно отъ O перешелъ къ SW; аррьергардъ англійскаго флота былъ въ это время нѣсколько

Литографія К. Гаушенфельда (В.О. 8 л. № 1.).

отставши.

Когда концевой корабль англiйскаго флота, прошелъ французскую линiю, Бингъ приказалъ поворотить оверштагъ всѣмъ вдругъ, авангарду держать полнѣе и поднялъ сигналъ „вступить въ бой."

Контръ Адмиралъ Вестъ, командовавшiй авангардомъ, немедленно спустился на непрiятеля, оставивъ центръ и арьергардъ далеко назади, причемъ, пока онъ приближался къ французамъ, корабли его очень сильно пострадали отъ продольнаго огня противника, тогда какъ послѣднiй почти не имѣлъ поврежденiй. Бингъ съ остальными кораблями, послѣдовалъ за своимъ авангардомъ, но, не желая разстроить линiю, онъ равнялся по самымъ плохимъ ходокамъ, вслѣдствiе чего сильно отсталъ.

Наконецъ Вестъ подошелъ на достаточно близкое разстоянiе къ непрiятелю, привелъ и открылъ огонь, причемъ, къ большему его удивленiю, четвертый и пятый французскiе корабли, повидимому неимѣвшiе никакихъ поврежденiй, начали спускаться и вышли изъ линiи. Громкими криками „ура" англiйскiе команды провожали каждый изъ этихъ кораблей, считая что непрiятель обращается въ бѣгство.

Въ это время на англiйскомъ кораблѣ „Интрепидъ" была сбита форъ-стеньга, повисла впередъ и этимъ обстенила фокъ, у котораго кромѣ того оказался перебитъ галсъ. Отъ этого „Интрепидъ" бросился къ вѣтру и навалился на своего задняго мате-

Генерал-Майоръ Павленковъ

лота; слѣдующіе корабли въ нерѣшительности начали уменьшать свой ходъ обстенивая марсели; Бингъ сначала было спустился, направляясь на непріятеля, но, спохватившись, что онъ разстраиваетъ свою линію, онъ тоже обстенилъ паруса и началъ приводить свою линію въ порядокъ, намѣреваясь спуститься вмѣстѣ со всѣми остальными кораблями.(*) Кромѣ того онъ видѣлъ, что передовые корабли французовъ по очереди спускаются, а потому не торопился, считая что Вестъ справится съ непріятелемъ и безъ него.

Однако, когда Бингъ исправилъ линію и двинулся впередъ, онъ оказался отъ своего

(*) Въ военно-судномъ дѣлѣ, произведенномъ надъ несчастнымъ адмираломъ Бингомъ, сказано, по засвидѣтельствованіи Гардинера, капитана его корабля, что ведя въ сраженіе британскій флагъ, умъ его постоянно занятъ былъ судьбой Адмирала Маттьюса, котораго обвинили за разстройство линіи баталіи, дабы подать благородный примѣръ флоту своему чрезъ вступленіе въ близкій бой съ испанскимъ адмираломъ.

Адмиралъ Бингъ сказалъ: „Вы видите, Капитанъ Гардинеръ, что сигналъ для составленія линіи поднятъ, и что я нахожусь впереди кораблей „Луиза" и „Дюреммъ." Вы бы не захотѣли, чтобы я, будучи начальникомъ флота, самъ спустился, какъ будто желая напасть на одинъ только корабль?"

авангарда на большомъ разстояніи. Передовые французскіе корабли между тѣмъ продолжали спускаться одинъ за другимъ, все провожаемые криками „ура" англійскихъ матросовъ. Въ это время Галисонберъ, видя что непріятельскій авангардъ не поддерживается, прибавилъ парусовъ, прошелъ со всѣмъ флотомъ мимо Веста, осыпая корабли послѣдняго залпами, и спустился вслѣдъ за своимъ авангардомъ.

Когда Бингъ, наконецъ, подошелъ къ своему авангарду, послѣдній находился въ самомъ печальномъ положеніи, а непріятеля уже не было: французскій флотъ спустился на нѣсколько миль подъ вѣтеръ и лежалъ въ полномъ порядкѣ въ линіи баталіи на правомъ галсѣ, вызывая Бинга повторить нападеніе.

Имѣя корабли авангарда очень сильно поврежденными, Бингъ не рѣшился повторить атаку и направился въ Гибралтаръ для исправленія поврежденій, оставивъ Минорку во власти французовъ, которые вскорѣ овладѣли фортомъ Св. Филиппа.

Изъ хода, сраженія видно что Галисонберъ очень легко могъ-бы отрѣзать англійскій авангардъ, причемъ весьма вѣроятно корабли Веста должны-бы были сдаться; но тогда онъ рисковалъ вступить въ рѣшительное сраженіе со всѣмъ англійскимъ флотомъ и могъ-бы подвергнуть риску, въ случаѣ неудачнаго исхода, армію осаждавшую фортъ Св. Филиппа, а потому онъ не погнался за славою и благоразумно удовольствовался разбитіемъ англійскаго авангарда, оставивъ ему

полную свободу соединиться съ Бингомъ и уйти въ Гибралтаръ.

Самолюбіе англичанъ было страшно оскорблено исходомъ этого сраженія и потерей острова Минорки, а потому Бингъ былъ вытребованъ въ Англію, преданъ суду, обвиненъ за то, что онъ еще разъ не напалъ на французовъ и, по приговору суда, былъ разстрѣлянъ.

Странно, что судъ, состоявшій изъ морскихъ офицеровъ, не открылъ причинъ неудачи Бинга: никто не заявилъ, что ошибка заключалась въ способѣ нападенія. Также никто изъ морскихъ офицеровъ не могъ добраться до этого впродолженіи послѣдующихъ 26 лѣтъ, такъ какъ во всѣхъ сраженіяхъ этого періода, какъ только англичанамъ случалось быть на вѣтрѣ, они неизмѣнно выбирали тотъ-же способъ атаки съ фронта, и всегда результатъ оказывался одинъ и тотже.

Реакція противъ ложныхъ принциповъ тактики въ Англіи.

Однако нашелся въ Англіи человѣкъ, нѣкто Джонъ Клеркъ никогда не бывавшій въ морѣ и интересовавшійся военно морскимъ дѣламъ только въ качествѣ любителя, который, изъ разсмотрѣнія процесса несчастнаго Бинга, составилъ себѣ совершенно ясное понятіе о причинѣ постоянныхъ пораженій англичанъ и выработалъ способы нападенія, которые должны были, по его мнѣнію, лишить про-

тивника возможности избѣжать рѣшительнаго сраженія.

Долгое время идеи его не выходили изъ круга его ближайшихъ знакомыхъ, пока въ 1780 году одинъ изъ его друзей не сообщилъ ихъ адмиралу Роднею, который долженъ былъ отправиться съ флотомъ въ Америку, гдѣ ему предстояла встрѣча съ французскимъ флотомъ, присланнымъ для оказанія поддержки возставшимъ, противъ своей метрополіи, американскимъ англійскимъ колоніямъ. Три раза Родней встрѣчался съ французами, но не рѣшался повидимому послѣдовать совѣтамъ штатскаго человѣка, и всѣ три раза ему не удавалось принудить французовъ къ рѣшительному сраженію. Наконецъ при своей четвертой встрѣчѣ съ непріятелемъ, узнавши на опытѣ безполезность употреблявшихся имъ способовъ атаки, Родней, правда случайно, рѣшилъ испробовать способъ Клерка, и результатъ получился блестящій: французы были разбиты на голову и если они не потеряли еще гораздо большаго количества кораблей, чѣмъ было взято англичанами въ этомъ сраженіи, то это исключительно надо приписать тому, что способъ Клерка былъ примѣненъ не вполнѣ, а только отчасти.

Сочиненіе Джона Клерка „Опытъ морской тактики."

Наконецъ въ 1782 году соображенія Клерка появились въ печати подъ скромнымъ наз-

ваніемъ „Опытъ Морской Тактики", причемъ изданіе этой книги составило цѣлую эпоху въ исторіи военно-морскаго искусства: всѣ послѣдующія сраженія англійскаго флота вполнѣ это доказали.

Главная идея Клерка состоитъ въ томъ, что нападающему слѣдуетъ вести сраженіе такимъ образомъ, чтобы всѣ свои силы сосредоточить въ атакѣ на часть непріятельскихъ силъ и довольствоваться разбитіемъ этой части, не гоняясь за тѣмъ, чтобы разбить и забрать весь непріятельскій флотъ.

Несмотря на то, что въ настоящее время обстановка морского боя совершенно не похожа на ту, которая была во времена Клерка, принципъ его остается неизмѣннымъ и долженъ быть положенъ въ основаніе всякой современной морской тактики. Въ сухопутной тактикѣ принципъ этотъ никогда не переставалъ занимать самое почетное мѣсто.

Случай съ Клеркомъ самымъ яркимъ образомъ иллюстрируетъ важное значеніе принципа. Дѣйствительно, человѣкъ, знакомый съ дѣломъ только теоретически, находитъ вѣрный принципъ, поэтому становится на вѣрную дорогу и, прилагая только этотъ принципъ, приходитъ къ поразительно ясным и простымъ выводамъ, какъ отрицательнымъ (доказательство негодности прежнихъ способовъ), такъ и положительнымъ (предложеніе новыхъ способовъ). Между тѣмъ въ это время спеціалисты дѣла, между которыми, конечно, было не мало талантливыхъ

людей; не видятъ этихъ простыхъ причинъ постоянной неудачи и не могутъ додуматься до удачныхъ способовъ атаки, потому что они стоятъ на невѣрной дорогѣ, будучи насквозь пропитаны невѣрнымъ принципомъ, учившимъ ихъ нападать сразу на весь непріятельскій флотъ, не говоря уже о полномъ пренебреженіи принципомъ — взаимной поддержки, который хотя и не былъ прямо высказанъ Клеркомъ, но ясно сквозитъ во всѣхъ его разсужденіяхъ.

Въ первой части своей книги Клеркъ рядомъ разсужденій, приведенныхъ много выше, показываетъ, что атака съ навѣтра всѣмъ флотомъ, когда противники лежатъ на одномъ галсѣ, должна привести къ поражению; введеніе-же всего флота въ бой со всѣмъ флотомъ непріятеля контръ-галсами, при нежеланіи разстроить свой строй, сдѣлаетъ сраженіе нерѣшительнымъ, такъ какъ флоты, быстро пройдя другъ мимо друга, разойдутся почти безъ поврежденій. Эти выводы Клеркъ иллюстрируетъ разборомъ цѣлаго ряда сраженій.

Способъ предложенный Клеркомъ для нападенія съ навѣтра.

Положимъ флотъ А (бѣлый), находясь на вѣтрѣ, желаетъ напасть на подвѣтренный флотъ В (черный), причемъ оба идутъ лѣвымъ галсомъ.

Хотя средній ходъ обоихъ флотовъ можно считать приблизительно одинаковымъ,

но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ флотѣ найдутся лучшіе и болѣе плохіе ходоки, а потому можно считать, что быстрѣйшіе корабли бѣлаго флота легко догонятъ непріятельскій аррьергардъ и могутъ атаковать его съ навѣтра. Такъ какъ у заднихъ непріятельскихъ кораблей такимъ образомъ отнятъ будетъ вѣтеръ, а также вслѣдствіе начавшагося боя, они начнутъ терпѣть различные поврежденія въ рангоутѣ и парусахъ, то совершенно понятно, что они отстанутъ отъ своего флота.

Бѣлый флотъ, подойдя въ это время къ мѣсту боя, долженъ расположиться эшелонами, причемъ адмиралъ, не уходя впередъ, долженъ зорко слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ сраженія, посылая по мѣрѣ надобности корабли на подмогу своему авангарду, что онъ легко можетъ сдѣлать, такъ какъ находится на вѣтрѣ отъ мѣста боя.

Что теперь можетъ предпринять черный флотъ? Если онъ упорно желаетъ избѣжать сраженія, то онъ долженъ рѣшиться оставить свой аррьергардъ во власти непріятеля, т. е. доставить послѣднему легкую побѣду. Если-же онъ придетъ на помощь своимъ атакованнымъ кораблямъ, что, конечно, онъ и сдѣлаетъ, то ему непремѣнно придется вступить съ бѣлымъ флотомъ въ рѣшительное сраженіе, чего послѣдній и добивается. Такимъ образомъ главная, по мнѣнію англичанъ того времени, цѣль будетъ достигнута: противникъ не въ состояніи будетъ уклониться отъ боя.

При этомъ, условіе, при которыхъ ему придется идти на помощь, будутъ для него чрезвычайно невыгодны.

Если корабли его повернетъ овер-штагъ всѣ вдругъ и направятся на непріятеля правымъ галсомъ, послѣдній въ это время на лѣвомъ галсѣ можетъ выстроить линію баталіи и обстрѣливать приближающіеся корабли чернаго флота продольными выстрѣлами.

Если черный флотъ послѣ поворота направится къ своему арьергарду, то бѣлый флотъ спустится и, прикрывши такимъ образомъ атакованные корабли, встрѣтитъ черный флотъ опять продольными выстрѣлами.

Если черный флотъ будетъ поворачивать овер-штагъ послѣдовательно, то онъ непремѣнно далеко уйдетъ отъ мѣста боя, и тѣмъ дастъ время непріятелю окончательно разгромить арьергардъ и затѣмъ вновь выстроить свою линію, чтобы наилучшимъ образомъ принять подходящій черный флотъ.

Если черный флотъ поворотитъ вдругъ или послѣдовательно черезъ фордевиндъ, то, очевидно, къ прежнимъ невыгодамъ прибавится еще то обстоятельство, что онъ сильно упадетъ подъ вѣтеръ и тѣмъ потеряетъ всякую возможность помочь своимъ кораблямъ.

Если черный флотъ, видя приближающіеся къ его арьергарду непріятельскіе корабли, чтобы избѣжать сраженіе повернетъ весь вдругъ, то бѣлый флотъ можетъ прегра-

дить ему дорогу и сраженіе должно стать рѣшительнымъ. Если черному флоту даже и удастся проскочить подъ носомъ своего противника, то послѣдній можетъ атаковать опять его аррьергардъ и все вышеописанное будетъ имѣть мѣсто, только на другомъ галсѣ.

Наконецъ, если черный флотъ спустится въ бакштагъ, или на фордевиндъ, то это для него будетъ самымъ гибельнымъ, такъ какъ передніе его корабли совершенно лишены будутъ возможности подать помощь заднимъ, атакованнымъ кораблямъ, будучи вынужденными для этого лавировать.

Приложенные чертежи ясно показываютъ, что всевозможные перемѣны вѣтра, которые произошли-бы послѣ начала сраженія, не принесутъ никакой пользы черному флоту, причемъ всѣ случаи когда вѣтеръ отойдетъ, будутъ для него невыгодны, такъ какъ поставятъ его въ подвѣтренное положеніе относительно мѣста боя, а потому и въ невозможность подать помощь атакованному аррьергарду.

Изъ вышеизложеннаго очевидно, что способъ предлагаемый Клеркомъ позволяетъ во всякомъ случаѣ принудить непріятеля къ бою, причемъ онъ почти всегда будетъ поставленъ въ невыгодное для себя положеніе и въ большинствѣ случаевъ потеряетъ нѣсколько своихъ заднихъ кораблей.

Способъ предлагаемый Клеркомъ для нападенія съ подвѣтра.

Сначала Клеркъ развиваетъ мысль, высказанную еще Павломъ Гостомъ, состоящую въ томъ, что подвѣтренный флотъ, находясь въ виду непріятеля, можетъ принудить послѣдній къ бою.

Для этого онъ разсматриваетъ, какія послѣдствія будутъ имѣть для навѣтреннаго (чернаго) и подвѣтреннаго (бѣлаго) флотовъ различныя обстоятельства, заставляющія одинъ или нѣсколько кораблей упасть подъ вѣтеръ.

Обстоятельствами этими могутъ быть: неодинаковая способность кораблей идти въ крутой бейдевиндъ, различный ихъ дрейфъ, различная степень внимательности рулевыхъ и, наконецъ, всегда возможныя поломки рангоута и поврежденія въ такелажѣ и парусахъ.

Всякій корабль a чернаго флота, упавшій подъ вѣтеръ, подвергается опасности быть захваченнымъ, такъ какъ онъ отдѣляется отъ своихъ въ сторону непріятеля, а потому для защиты этого корабля всему черному флоту необходимо спуститься на столько, на сколько корабль a упалъ подъ вѣтеръ.

Въ то-же время; упавшій подъ вѣтеръ, корабль b бѣлаго флота не подвергается никакой опасности, а потому бѣлый флотъ можетъ продолжать держать круто

къ вѣтру, въ погонѣ за непріятелемъ.

Вышеизложенное вполнѣ объясняетъ, почему флоты, находясь въ виду другъ у друга впродолженіи нѣсколькихъ дней, должны непремѣнно сойтись на пушечный выстрѣлъ, хотя-бы навѣтренный флотъ и избѣгалъ этого сближенія.

Нечего конечно и говорить про перемѣну вѣтра: простое геометрическое построеніе совершенно ясно показываетъ, что достаточно вѣтру перемѣниться на 8 R, чтобы бѣлый флотъ могъ выйти на вѣтеръ, при томъ условіи, что онъ будетъ приводить одновременно съ чернымъ флотомъ и все время держаться съ послѣднимъ на параллельныхъ курсахъ. Въ этомъ случаѣ нападающій можетъ употребить способъ, предложенный для атаки съ навѣтра. Но черный флотъ хотя и оказался тутъ подъ вѣтромъ, находится впереди, а потому онъ можетъ попробовать выйти опять на вѣтеръ, повернувъ для этого оверштагъ, и тогда оба флота могутъ встрѣтиться на противныхъ галсахъ, причемъ бѣлый флотъ опять окажется подъ вѣтромъ.

Если атакующій бѣлый флотъ, приблизившись къ непріятелю, идущему съ нимъ противнымъ галсомъ, спустится, начиная съ передоваго корабля, и пойдетъ вдоль линіи чернаго флота, сраженіе не будетъ рѣшительнымъ и флоты разойдутся почти безъ поврежденій.

Вслѣдствіе этого Клеркъ совѣтуетъ передовому кораблю бѣлаго флота, при-

близиться вплотную къ непріятелю, привести къ вѣтру и прорѣзать непріятельскую линію.

Такой маневръ долженъ явиться совершенно внезапнымъ для противника и вслѣдствіе этого, въ большинствѣ случаевъ, произведетъ замѣшательство между передними кораблями отрѣзаннаго непріятельскаго арьергарда, причемъ заднія будутъ находить на переднихъ и затѣмъ отрѣзанные корабли, вѣроятно, попробуютъ спуститься, чтобы соединиться съ своимъ авангардомъ за концевымъ кораблемъ бѣлаго флота.

Передняя часть черного флота, если послѣдній во что-бы то ни стало желаетъ избѣжать сраженіе, будетъ продолжать свой путь и оставитъ отрѣзанные корабли во власти непріятеля; если-же она пожелаетъ придти на помощь къ своимъ кораблямъ, повернувъ для этого оверштагъ или черезъ фордевиндъ, то сраженіе, во первыхъ должно стать рѣшительнымъ, чего и добивается бѣлый флотъ, а во-вторыхъ, какъ это видно изъ чертежа, отрѣзанные корабли будутъ окружены со всѣхъ сторонъ, и, чтобы подать имъ помощь, придется прорваться черезъ линію бѣлаго флота, что придется производить при невыгодныхъ для себя условіяхъ, подвергаясь, при приближеніи къ непріятелю, продольному его огню.

Другой способъ, предлагаемый Клеркомъ, состоитъ въ томъ, чтобы непріятельскую линію прорѣзалъ центръ бѣлаго флота, послѣ чего точно также отрѣзанные корабли

окажутся окруженными со всѣхъ сторонъ и передняя часть чернаго флота опять не въ состояніи будетъ оказать помощь своимъ товарищамъ.

При разсмотрѣніи всѣхъ этихъ способовъ, предложенныхъ Клеркомъ, можетъ явиться вопросъ, неужели же способы эти представляютъ нѣчто такое, чему нельзя ничего противупоставить, что выгода дѣйствовать по этимъ способамъ будетъ несомнѣнна во всѣхъ случаяхъ? Конечно нѣтъ и выдумать такой способъ, чтобы навѣрно побѣждать противника очевидно невозможно.

Всѣ эти способы вообще предполагаютъ противника менѣе искуснаго, менѣе рѣшительнаго, и, въ частности, старающагося избѣгать боя.

Но тогда быть можетъ скажутъ, зачѣмъ-же и вырабатываютъ такіе способы, — быть можетъ они совершенно безполезны. На это можно возразить слѣдующее: Если оба противника совершенно равны по численности, числу и качеству орудій, по достоинствамъ личнаго состава, по смѣлости, энергіи, умѣнью маневрировать, можно сказать, что каждый ударъ одного, прекрасно будетъ отпарированъ, и въ отвѣтъ ему будетъ нанесенъ ударъ такой-же сильный, который опять будетъ отпарированъ такъ-же ловко и т.д.

Сраженіе несомнѣнно будетъ чрезвычайно рѣшительнымъ, оба противника понесутъ громадныя потери, и быть можетъ участь боя рѣшитъ какая нибудь случайность, если ужъ никто изъ противниковъ не сдѣлаетъ

никакой ошибки. Но очевидно, что такой случай возможенъ лишь въ теоріи, впередъ можно сказать что въ жизни онъ не встрѣтится никогда.

Всегда противники будутъ различаться по численности, по силѣ, по качествамъ своего личнаго состава, а самое главное нельзя себѣ представить, чтобы оба командующихъ адмирала, т. е. два различныхъ человѣка обладали одинаково сильной волей, энергіей, и одинаковой талантливостью.

Но разъ одинъ флотъ въ чемъ нибудь слабѣе, надо умѣть воспользоваться его слабыми сторонами, а для этого очень часто надо умѣть принудить его принять бой и довести его до конца, т. е. надо умѣть не позволить непріятелю уклониться именно отъ рѣшительнаго боя.

Затѣмъ уже надо стремиться вести бой такъ, чтобы въ каждый моментъ быть въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, быть въ самыхъ важныхъ пунктахъ боя сильнѣе непріятеля, и чѣмъ больше будетъ на одной сторонѣ тактическаго искусства и умѣнья пользоваться обстоятельствами, тѣмъ легче это будетъ сдѣлать.

Путь для достиженія этого въ каждомъ случаѣ будетъ различный, зависящій отъ обстановки, но цѣль будетъ одна, – быть въ пунктѣ соприкосновенія съ непріятелемъ его сильнѣе. И мы видимъ, что во всѣ времена, при различныхъ судахъ и при различныхъ оружіяхъ, успѣхъ всегда зависѣлъ отъ соблюденія этого условія, хотя пути для достиженія

этого условія бывали безконечно разнообразны.

Можно-ли напр. сказать, что современный флотъ больше разнится отъ парусного флота временъ Клерка, нежели послѣдній разнился отъ гребного флота въ эпоху Саламинскаго боя? На этотъ вопросъ придется отвѣтить отрицательно и нѣтъ никакого основанія предположить, чтобы и теперь успѣхъ зависѣлъ-бы отъ какихъ либо другихъ причинъ, отличающихся отъ тѣхъ, которыми объясняются побѣды древнихъ и парусныхъ флотовъ.

И горе будетъ тому флоту, который, пренебрегая такими ясными уроками исторіи, не разовьетъ въ себѣ эту способность, это умѣнье быть въ подходящее время и въ подходящемъ пунктѣ сильнѣе непріятеля, умѣнье отпарировать всякій нанесенный ему ударъ.

Расчетъ-же на таковое-же отсутствіе тактическаго искусства у непріятеля, на какую либо счастливую случайность, на возможность разрѣшать всѣ вопросы уже на мѣстѣ, безъ предварительной подготовки, въ большинствѣ случаевъ несомнѣнно поведетъ къ катастрофѣ.

И вотъ сраженія середины 18 столѣтія служатъ яркимъ образчикомъ, какое подавляющее вліяніе на умы могли оказывать невѣрныя основныя идеи.

Вѣдь были-же несомнѣнно между англійскими моряками этой эпохи люди талантливые и вдругъ оказалось, что они не видѣли того, что для насъ напр. кажется такимъ яснымъ и простымъ.

Надо было явиться человѣку совсѣмъ

Литографія К. Биркенфельда (В.О. 8 л. № 1).

постороннему, не зараженному ложными взглядами, и достаточно было ему внимательно изучить вопросъ лишь съ точки зрѣнія здраваго смысла, составить себѣ вѣрную идею о предметѣ, чтобы сейчасъ-же дать ему практическое разрѣшеніе вопроса, чего не могли добиться спеціалисты этого дѣла, конечно гораздо больше знакомые съ его техникой.

Вотъ это созданіе морской тактики въ Англіи Джономъ Клеркомъ самымъ ерким образомъ иллюстрируетъ значеніе руководящихъ принциповъ, показываетъ всю ихъ силу и ихъ громадную роль въ веденіи войны на морѣ.

Доминикское сраженіе 9–12 апрѣля 1782 г.

Въ 1778 г. англійскія колоніи въ Америкѣ возстали противъ своей метрополіи; мятежники собрали немногочисленную армію, едва державшуюся противъ англичанъ и дѣло неминуемо должно было погибнуть съ прибытіемъ подкрѣпленій изъ Англіи; помѣшать-же послѣднему американцы не могли, не имѣя въ своемъ распоряженіи никакого флота. Въ это время, подъ напоромъ общественнаго мнѣнія французовъ, жаждавшихъ отплатить англичанамъ за постоянную враждебную Франціи политику, король Людовикъ 16 призналъ независимость возставшихъ штатовъ и послалъ имъ въ помощь къ берегамъ Америки многочисленный флотъ.

Въ продолженіи этой войны дѣйствія англичанъ были большею частью неудачны, и по Версальскому миру, заключенному въ 1783 году,

Читалъ Генералъ-Маіоръ Павлиновъ

они должны были признать независимость своихъ американскихъ колоній; только разъ имъ удалось нанести французамъ чувствительное пораженіе, неимѣвшее, однако, вліянія на условія мира.

Въ 1782 г. Франція и Испанія задумала снарядить совмѣстную экспедицію для завладѣнія островомъ Ямайка, который принадлежалъ англичанамъ.

Вслѣдствіе этого французскій флотъ, въ числѣ 33 линейныхъ кораблей, подъ начальствомъ Графа Де-Грасса, сопровождая транспорты съ войсками, вышелъ 8 апрѣля изъ Фортъ-Рояля на О. Мартиника и направился къ О. С. Доминго, гдѣ онъ долженъ былъ соединиться съ испанцами.

Англійскій флотъ, изъ 36 линейныхъ кораблей, подъ начальствомъ Роднея, находился въ это время у О. С. Люціи и, для наблюденія за французами, англійскіе фрегаты постоянно крейсировали передъ Фортъ-Ролемъ. Очевидно, что задуманная союзниками экспедиція приводилась ими въ исполненіе противно основному принципу морской стратегіи, и флотъ Де-Грасса неминуемо долженъ былъ подвергнуться въ морѣ нападенію англичанъ.

Между тѣмъ англійскій флотъ былъ недалеко, и если-бы французы, соединившись съ испанцами, напали-бы на него и имъ удалось-бы его разбить, то успѣхъ экспедиціи былъ-бы обезпеченъ.

Дѣйствительно, какъ только французы вышли въ море, Родней сейчасъ-же снялся

съ якоря, послѣдовалъ за непріятелемъ по пятамъ и 9, апрѣля утромъ передовые его корабли, находясь у сѣверной оконечности О. Доминика, открыли непріятеля.

Де-Грассъ, увидѣвъ англійскій авангардъ приказалъ транспортамъ идти подъ всѣми парусами къ О. Гваделупа, а самъ началъ лавировать въ проливѣ между послѣдними островомъ и Доминикой. Въ проливѣ въ это время дулъ свѣжій NOtO, между тѣмъ какъ англичане, находясь за островомъ, заштилѣли. Наконецъ англійскому авангарду удалось выползти изъ за лѣса, паруса его наполнились и онъ началъ нагонять непріятеля, имѣя передъ нимъ преимущество въ ходѣ, такъ какъ большая часть англійскихъ кораблей имѣла уже въ это время мѣдную обшивку. Французы открыли огонь съ большаго разстоянія и, пользуясь своимъ навѣтреннымъ положеніемъ, не подпускали англичанъ ближе, опасаясь карронадъ, которыми были вооружены всѣ англійскіе корабли.

За авангардомъ получили вѣтеръ нѣкоторые корабли центра и присоединились къ авангарду; дальнѣйшая перестрѣлка съ непріятелемъ продолжалась около 2 часовъ, причемъ англійскій авангардъ потерпѣлъ значительныя поврежденія въ рангоутѣ.

Однако, когда Де-Грассъ увидѣлъ, что къ мѣсту сраженія подходитъ также англійскій аррьергардъ, выбравшійся въ это время изъ штилевой полосы, онъ не пожелалъ

вступить въ рѣшительное сраженіе, а потому, поворотивши послѣдовательно овер-штагъ, разошелся съ англичанами.

10 апрѣля Родней занялся исправле-ніемъ своихъ поврежденій, а также авангардъ, какъ болѣе пострадавшій, перемѣнился сво-ими мѣстами съ арьергардомъ; въ это время французы выбрались значительно на вѣтеръ и были только видны съ салинговъ въ NO четверти.

11 апрѣля англичане, увидѣвъ около южной оконечности Гваделупы два пов-режденныхъ французскихъ корабля, напра-вились было къ нимъ, но въ это время усмо-трѣны были другіе два непріятельскіе ко-рабля у Доминики и весь англійскій флотъ направился туда. Тогда Де-Грассъ, не желая оставить на произволъ судьбы свои упавшіе подъ вѣтеръ корабли, спустился къ нимъ со всѣмъ своимъ флотомъ, вслѣд-ствіе чего Родней отозвалъ свои передовые корабли, увлекшіеся погоней.

Получивъ надежду, вслѣдствіе манев-ра французовъ, выиграть у нихъ вѣтеръ, Родней приказалъ идти до 2-часовъ ночи лѣвымъ галсомъ, послѣ чего поворотить оверштагъ безъ сигнала, чтобы не пока-зать своего мѣста непріятелю.

Съ разсвѣтомъ 12 апрѣля одинъ изъ французскихъ кораблей, съ большими по-врежденіями въ рангоутѣ, оказался подъ вѣтромъ у своего флота, причемъ фрегатъ старался выбуксировать его на вѣтеръ; Родней сейчасъ-же отдѣлилъ за нимъ въ

погоню два корабля, вслѣдствіе чего Де-Грассъ еще спустился, чтобы прикрыть этотъ корабль и такимъ образомъ англичане оказались наконецъ на вѣтрѣ.

Однако, какъ разъ въ этотъ моментъ, вѣтеръ измѣнился съ OSO на O, французы сейчасъ же привели и, когда флоты сошлись, они успѣли проскочить у англичанъ подъ носомъ, такъ что английскому авангарду предстояло, или прорѣзать непріятельскую линію, или спуститься. Онъ выбралъ послѣднее и направился вдоль французской линіи, обмѣниваясь со встрѣчными кораблями залпами.

Сраженіе грозило окончиться ничѣмъ и вотъ при этихъ-то обстоятельствахъ Родней, со своимъ кораблемъ, побуждаемый къ тому своимъ флагъ-капитаномъ,(*) рѣ-

(*) Можетъ быть не всѣ знаютъ, что именно Сэру Чарльсу Дугласу обязаны мы проходомъ сквозь непріятельскую линію и счастливыми послѣдствіями того дня. Лордъ Родней сначала противился этому и приказалъ положить руль право, тогда какъ Сэръ Чарльсъ Дугласъ приказалъ положить лѣво; штурманъ, видя, что отъ подобнаго противорѣчія могутъ произойти непріятности, поставилъ руль прямо; но вскорѣ послѣ того Сэръ Чарльсъ Дугласъ настаивалъ во второй разъ, и тогда главнокомандующій сказалъ ему: „хорошо, положите, если вамъ угодно" (Описаніе сраженій английскаго флота Экинса стр. 199).

шился привести и прорѣзать непріятельскую линію, причемъ всѣ остальные корабли за нимъ послѣдовали.

Эффектъ этотъ маневръ произвелъ необычайный. Передніе корабли отрѣзанной части французскаго флота сбились сначала въ кучу, а затѣмъ весь арьергардъ началъ безпорядочно спускаться на фордевиндъ подвергаясь продольному огню англичанъ; французскій авангардъ, пройдя непріятельскую линію, началъ раздѣляться на двѣ части; одна изъ нихъ, поворачивая черезъ фордевиндъ, очевидно желала соединиться съ отрѣзанными кораблями, а другая, въ которой находился самъ Де-Грассъ, продолжала править на югъ.

Теперь, слѣдуя дальше указаніямъ Клерка, Роднею слѣдовало-бы окружить непріятельскій арьергардъ, изъ котораго, вѣроятно, не ушелъ-бы ни одинъ корабль, но онъ, не обращая вниманіе на отряды <u>a</u> и <u>b</u>, направился со всѣми кораблями, способными за нимъ слѣдовать, въ погоню за отрядомъ <u>c</u>.

Въ это время отрядъ <u>c</u> тоже направился на соединеніе съ отрѣзанными кораблями, но приблизившійся полнымъ вѣтромъ непріятель, заставилъ его измѣнить это намѣреніе и скоро задніе его корабли были со всѣхъ сторонъ окружены англичанами. Послѣ упорнаго боя пять французскихъ кораблей, и между ними адмиральскій, спустили флагъ, причемъ Де-Грассъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Въ это время наступила темнота и Родней, не рѣшаясь дальше преслѣдовать непріятеля, опасаясь къ утру оказаться подъ вѣтромъ и отрѣзаннымъ отъ своихъ, приказалъ привести на SSO; этимъ воспользовались французы для соединенія и 25 ихъ кораблей благополучно добрались до О. С. Доминго.

Причиной пораженія французовъ явилась, главнымъ образомъ, внезапность для нихъ маневра англичанъ. Они не сумѣли найтись, потерялись, командиры не имѣли достаточно личной иниціативы, и не оказали сразу другъ другу поддержку. Англичане-же легко сосредоточили всѣ свои силы противъ части противника и, если-бы они вполнѣ примѣнили способъ Клерка, успѣхъ былъ-бы еще больше.

„Прорѣзываніе непріятельской линіи производитъ безпорядокъ, а безпорядокъ у непріятеля ведетъ къ побѣдѣ. Странно, что не смотря на блистательный маневръ, такъ хорошо исполненный, французскій аррьергардъ могъ уйти подъ вѣтеръ, а авангардъ ихъ, раздѣленный на двое, ушелъ по разнымъ направленіямъ. Конечно, британскому авангарду надлежало дѣятельно преслѣдовать отрѣзанный аррьергардъ, и это не могло помѣшать взятію въ плѣнъ графа Де-Грасса" (Экинсъ стр. 199).

Чтобы вѣрнѣе судить о значеніи этой побѣды, надо сказать, что французскій флотъ былъ уже далеко не тотъ, что онъ былъ въ эпоху Тулонскаго и Минорскаго сраженій. Флотъ этотъ уже сильно окрѣпъ

и развитие. Правительство Людовика 16 обращало большое внимание на флотъ, и личный составъ его отличался храбростью, прекрасной дисциплиною и искусствомъ въ маневрированіи; корабли были прекрасной постройки и очень хорошо снабженные.

Единственное, что наслѣдовалъ этотъ флотъ отъ своихъ предшественниковъ - это несчастное стремленіе къ оборонительному образу дѣйствій во чтобы то ни стало, къ постоянному уклоненію отъ рѣшительного боя, хотя, во французскомъ флотѣ уже были въ это время люди, стремившіеся вырваться изъ этого положенія, сбросить съ себя это позорное наслѣдіе, недостойное флота великой морской державы, каковой въ то время несомнѣнно была Франція.

Разработка морской тактики во Франціи, въ концѣ 18 столѣтія.

Франція не отстала отъ Англіи въ дѣлѣ исканія новыхъ путей для веденія морского боя, но тамъ это исканіе явилось совершенно въ другой средѣ. Во французскомъ флотѣ, не было какъ у англичанъ этой затмившей все идеи, объ уничтоженіи непремѣнно всего непріятельскаго флота. Ихъ ошибка была въ томъ, что они разрабатывали исключительно тактику оборонительную, но разрабатывали они ее вѣрно, и легко видѣть, что причина ихъ успѣха при оборонѣ тоже лежитъ въ томъ, что имъ удавалось сосредоточить всю силу

своего флота противъ непріятельскаго авангарда.

Итакъ, французы, хотя и были въ тактикѣ односторонни, но все-же были гораздо въ ней искуснѣе, нежели англичане.

Можетъ быть поэтому реакція противъ ложныхъ принциповъ у нихъ проявилась не внѣ морской среды, а именно между моряками и выразителемъ этого направленія явился Адмиралъ Сюффренъ.

Дѣйствительно, французскому моряку достаточно было освободиться отъ одного предразсудка - отъ стремленія къ оборонѣ - и перейти къ разработкѣ нападенія, а ужъ для правильной разработки этой стороны тактики, почва была готова - французы вообще были хорошими тактиками и идея ихъ обороны была построена на вѣрномъ принципѣ. Въ то время, какъ Родней дѣлалъ робкую попытку послѣдовать совѣтамъ Клерка, Сюффренъ почти на противуположной точкѣ земнаго шара, прилагалъ тѣже принципы рѣшительно и смѣло, при всякихъ обстоятельствахъ. Такъ какъ идеи Клерка въ то время еще не могли дойти до Сюффрена, то честь отрѣшенія отъ старыхъ способовъ атаки одинаково принадлежитъ и ему, и уже это была не его вина, что, благодаря неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, идеи его не привились во французскомъ флотѣ, тогда какъ Клерку англичане обязаны цѣлымъ рядомъ самыхъ блестящихъ побѣдъ.

Будучи въ 1782 году назначенъ начальни-

комъ отряда въ Остъ-Индіи, Сюфференъ нашелъ порученную ему часть въ отвратительномъ состояніи. Дѣйствительно, французское правительство, занятое важными событіями въ Европѣ и въ Америкѣ, совершенно забросило свою остъ-индскую эскадру.

Суда были старые, безъ мѣдной обшивки; запасовъ не было никакихъ и транспорты изъ Франціи приходили очень рѣдко; личный составъ, особенно офицеры, не имѣлъ никакого понятія о дисциплинѣ, занимаясь гораздо больше торговлей, чѣмъ военнымъ дѣломъ, вслѣдствіе чего суда почти не выходили съ О. Иль-де-Франса, хотя назначеніе эскадры состояло въ томъ, чтобы защищать французскіе колоніи въ Индостанѣ.

Пользуясь этимъ англичане завладѣли всѣми французскими землями въ Остъ-Индіи, и Сюфферену предстояла трудная задача возвратить эти колоніи, имѣя подъ своимъ начальствомъ плохіе суда и командировъ, которые всѣми силами противодѣйствовали всѣмъ его намѣреніямъ и часто доходили до открытаго неповиновенія во время боя. Пять разъ встрѣчался онъ съ англійскимъ флотомъ, и ни разу не могъ нанести ему рѣшительнаго пораженія, благодаря отсутствію поддержки со стороны своихъ командировъ; между тѣмъ планы его атакъ всегда были превосходно составлены и при всякихъ обстоятельствахъ были основаны на принципѣ нападенія со всѣми силами на часть непріятельскаго флота, т. е. на томъ же прин-

ципъ, который неустанно проповѣдывалъ Клеркъ.

Несмотря однако на всѣ трудности, которыя приходилось встрѣчать Сюффрену при выполненiи его задачи, ему удалось возвратить всѣ потерянныя французами колонiи. Для примѣра, приведу одно изъ сраженiй Сюффрена.

Мадрасское сраженiе. Февраль 1782 г.

Идя съ Иль-де-Франса въ Пондишери, съ 12 кораблями и транспортами съ войсками, Сюффренъ получилъ извѣстiе, что англiйскiй адмиралъ Юзъ съ 9 кораблями вышелъ изъ Тринкомале въ Мадрасъ для снабженiя своихъ судовъ провизiей и матерiалами. Онъ рѣшилъ сейчасъ-же измѣнить свой путь и направился тоже въ Мадрасъ, намѣреваясь настигнуть англичанъ, пока они не укрылись еще за укрѣпленiями этого порта.

Свой взглядъ на способъ атаки онъ выразилъ въ письмѣ къ капитану Тромеленъ, который былъ у него въ эскадрѣ вторымъ флагманомъ.

„Если мы будемъ такъ счастливы" пишетъ Сюффренъ, „что окажемся на вѣтрѣ у англичанъ, то такъ какъ они располагаютъ не болѣе чѣмъ 9 кораблями, я имѣю намѣренiе окружить ихъ арьергардъ и поставить его въ два огня. Если мы будемъ подъ вѣтромъ, постарайтесь, идя какъ можно круче, выйти съ своей дивизiей на вѣтеръ и тогда нападите

на непріятеля съ другой стороны. Во всякомъ случаѣ, я прошу Васъ располагать движеніями Вашей дивизіи, какъ Вы найдете болѣе удобнымъ и полезнымъ для одержанія побѣды надъ непріятелемъ."

Вотъ, выраженная въ нѣсколькихъ строкахъ, вся тактика Сюффрена: она заключается въ томъ, чтобы направить всѣ свои силы для нападенія на непріятельскій флотъ, расчитывая при исполненіи этого плана на искусство и инціативу командировъ.

Придя 15 февраля 1782 года на видъ Мадраса, Сюффренъ увидѣлъ, что англичане его предупредили и корабли ихъ занимаютъ сильную позицію подъ защитою береговыхъ укрѣпленій, вслѣдствіе чего онъ рѣшилъ отложить нападеніе и направился къ югу въ Пондишери. Вслѣдъ за нимъ снялся съ якоря и Юзъ, корабли котораго поспѣли принять всѣ запасы, и тоже направился къ югу.

Ночью Сюффренъ отдѣлился отъ своихъ транспортовъ, которые оказались подъ самымъ берегомъ, направляясь прямо въ Пондишери. Этимъ воспользовался сейчасъ-же Юзъ, устремившись со всѣмъ своимъ флагомъ въ погоню за транспортами и, благодаря тому, что корабли его были обшиты мѣдью, 6 транспортовъ было взято, причемъ изъ нихъ 5 оказались англійскими купцами, захваченными раньше Сюффреномъ.

Въ это время Сюффренъ, шедшій на помощь подъ всѣми парусами, былъ уже въ виду и Юзу пришлось прекратить преслѣдованіе, чтобы выстроить линію баталіи

для принятія боя. Съ большимъ трудомъ къ ночи ему удалось собрать свои корабли, но утромъ 17 февраля, съ разсвѣтомъ, линія оказалась настолько растянутой, что Юзу пришлось нѣсколько разъ приспускаться, чтобы сомкнуть свои корабли. Было очень тихо и пасмурно; французская эскадра подвигалась къ непріятелю лишь благодаря частымъ легкимъ порывамъ вѣтра отъ NNO, направляясь на англійскій арьергардъ двумя отрядами.

Въ 3 часа пополудни, видя что сраженіе неизбѣжно, Юзъ выстроилъ свою линію, причемъ флотъ его оказался раздѣленнымъ на три части, а Сюффренъ съ своей колонной, состоящей изъ 7 кораблей, атаковалъ съ навѣтра англійскій центръ и арьергардъ, которые вмѣстѣ составляли только 5 кораблей. Капитанъ Тромеленъ, съ остальными пятью французскими кораблями, долженъ былъ спуститься и атаковать задніе корабли непріятеля съ подвѣтра, но вмѣсто этого онъ привелъ въ бейдевиндъ на лѣвый галсъ и не принялъ никакого участія въ бою, несмотря на сдѣланный ему Сюффреномъ сигналъ „вступить въ сраженіе на разстояніи пистолетнаго выстрѣла."

Въ это время Сюффренъ, подойдя къ непріятелю на самое близкое разстояніе, вступилъ съ нимъ въ жаркій бой и, благодаря своему превосходству въ силахъ, нанесъ ему тяжкія поврежденія, причемъ англійскій авангардъ не могъ придти къ своимъ на помощь вслѣдствіе слабости вѣтра.

Надо думать, что англичане были-бы разбиты на голову, если-бы французскіе командиры всѣ послѣдовали за своимъ адмираломъ, а они вмѣсто этого открыто высказали здѣсь тотъ духъ неповиновенія и недисциплинарности, царившій на французской остъ-индской эскадрѣ.

Три часа уже сражался Сюффренъ, все еще надѣясь, что патріотизмъ французскихъ командировъ возьметъ верхъ надъ личными счетами, какъ вдругъ въ 6 час. вечера внезапно налетѣлъ шквалъ отъ SO, продолжительность котораго оказалась достаточной, чтобы дать возможность англійскому авангарду подойти на помощь къ своимъ кораблямъ, изъ которыхъ два уже пострадали настолько сильно, что не въ состояніи были продолжать бой.

Тогда Сюффренъ, не поддерживаемый своимъ арьергардомъ, видя что ему придется вступить въ бой со свѣжими непріятельскими кораблями, съ тяжелымъ сердцемъ долженъ былъ привести на лѣвый галсъ и флоты, такимъ образомъ, разошлись уже въ полной темнотѣ.

Состояніе морской тактики въ концѣ 18 столѣтія въ русскомъ флотѣ.

Вышеизложенное увлеченіе на западѣ ложными принципами и затѣмъ послѣдовавшая реакція противъ этого увлеченія отразилась также и на русскомъ флотѣ. Господство ложныхъ принциповъ особенно

ярко выразилось въ двухъ большихъ морскихъ сраженіяхъ: Хіосскомъ (1770 г.) и Гогландскомъ (1778 г.) и замѣчательно, что какъ разъ этими двумя сраженіями руководилъ Самуилъ Карловичъ Грейгъ, англичанинъ принятый въ русскій флотъ прямо съ чиномъ капитана 1 ранга. Въ англійскомъ же флотѣ онъ служилъ какъ разъ въ такое время, когда тамъ господствовали ложные принципы, которые перенеслись и къ намъ, несмотря на то, что безъ всякаго сомнѣнія человѣкъ это былъ чрезвычайно умный, талантливый и прекрасный морякъ.

Въ Хіосскомъ сраженіи силы турокъ были несравненно больше нашихъ. Противъ 9 кораблей, изъ которыхъ состояла эскадра Орлова, турки имѣли 19 кораблей и притомъ болѣе сильныхъ. Турки занимали сильную позицію на якорѣ, сѣвернѣе Чесменской бухты, опираясь на островъ, и образуя двѣ линіи кораблей, расположенныхъ въ шахматномъ порядкѣ.

Кромѣ того на берегу противъ линіи былъ расположенъ большой отрядъ сухопутныхъ войскъ, причемъ турки предполагали во время боя пополнять изъ него убыль людей, для чего между флотомъ и берегомъ были на готовѣ гребные суда (между ними 13 галеръ).

Турецкій флотъ былъ открытъ нашими развѣдчиками 23 іюня, причемъ линія турокъ еще далеко была неустроена, и при немедленномъ на нихъ нападеніи, наша малочисленность могла-бы быть уравновѣшена внезапностью атаки. Но

тогда надо было не терять времени, идти въ бой, не собирая военнаго совѣта, надѣясь на то, что командиры знакомы съ руководящими идеями адмирала, и на столько у нихъ развита личная иниціатива, что мелочныя распоряженія адмирала имъ и не нужны. Но это было противно понятіямъ того времени, командиры привыкли, чтобы ими во всемъ руководилъ адмиралъ, а потому нападеніе было отложено до слѣдующаго дня, такъ какъ надо было собрать военный совѣтъ, составить диспозицію и т. п.... Такимъ образомъ всегда внезапности атаки была упущена; чѣмъ турки и воспользовались, укрѣпивъ на сколько было возможно свою позицію.

Затѣмъ и на слѣдующій день было упущено много времени, такъ какъ Орловъ приблизился къ непріятелю лишь къ 12 часамъ дня.

Конечно, турки сдѣлали большую ошибку, принявъ бой на якорѣ, такъ какъ для болѣе сильнаго оборонительное положеніе всегда невыгодно; онъ отнимаетъ отъ себя иниціативу нападенія, и, стоя на якорѣ, позволяетъ противнику расположить всю свою силу противъ любой своей части. Но Грейгъ, бывшій флагъ-капитаномъ Орлова, и руководившій боемъ совершенно не сумѣлъ воспользоваться ошибкой противника. Хотя противникъ былъ на якорѣ и подъ вѣтромъ, такъ что не было никакой необходимости быть въ правильномъ строѣ, чтобы съ нимъ сражаться, масса времени было убито, чтобы

выстроить линію баталіи затѣмъ вмѣсто того, чтобы подойти къ противнику, не подвергаясь его выстрѣламъ и стать со всѣми силами на якорь противъ одной изъ его частей, Орловъ началъ на него спускаться перпендикулярно къ его линіи, и затѣмъ всѣ наши корабли должны были дефилировать вдоль всего турецкаго флота.

Такимъ образомъ нападеніе было произведено самымъ выгоднымъ для непріятеля способомъ; наши корабли приближаясь подвергались продольнымъ выстрѣламъ, тогда какъ сами отвѣчать не могли; дефилируя мимо всей турецкой линіи, туркамъ дана была возможность ввести въ дѣло весь свой флотъ, т.е. противопоставить большую силу противъ меньшей, наша-же сила вводилась въ бой по частямъ.

Послѣдствія такого способа нападенія не замедлили сказаться. Два корабля, бывшіе въ авангардѣ, „Евстафій" и „Три Святителя" были сильно обиты и оба были снесены на турецкую линію, причемъ первый сцѣпился съ турецкимъ кораблемъ, зажегъ его, загорѣлся самъ и оба взорвались, а второй прошелъ между линіями турокъ, отстрѣливаясь на оба борта, причемъ онъ подвергался въ это время выстрѣламъ и съ нашихъ кораблей. Бой оставался еще далеко не рѣшеннымъ, но турки, опасаясь, что пожаръ въ навѣтренной части линіи можетъ распространиться по всему флоту, обрубили канаты и бѣжали въ Чесменскую бухту, причемъ ни одинъ изъ ихъ кораблей

Капитанъ Генералъ-Маіоръ Павлиновъ

не былъ нами взятъ или даже сильно избитъ. Пожаръ, заставившiй турокъ бѣжать явился случайностью, на которую расчитывать было нельзя, да притомъ, будь на мѣстѣ турокъ, другой болѣе энергичный противникъ, онъ могъ-бы остаться на мѣстѣ и продолжать бой, и очень трудно было сказать, чѣмъ-бы онъ кончился, такъ какъ положенiе русской эскадры оказалось очень тяжелое. Такимъ образомъ въ этотъ день побѣда осталась за русскимъ флагомъ, благодаря высокому качеству нашихъ экипажей, превосходству въ стрѣльбѣ, но также благодаря плохому личному составу турецкаго флота и случайному пожару въ навѣтренной части линiи, который туркамъ показался слишкомъ опаснымъ, гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Но съ другой стороны, при составленiи плана атаки было сдѣлано все, чтобы уменьшить свои шансы на побѣду и увеличить таковые-же у непрiятеля, и только благодаря ничтожеству противника, это прошло даромъ. При другомъ планѣ, съ этимъ-же противникомъ, побѣда въ этотъ день могла быть полная, а теперь дѣло оставалось далеко не рѣшеннымъ. Въ Гогландскомъ сраженiи, по числу судовъ, силы противниковъ были почти равны, (17 кораблей у русскихъ, 16 кр. и 7 фрегатовъ у шведовъ), но шведская артиллерiя была гораздо тяжелѣе нашей, такъ что вѣсъ залпа у шведовъ былъ въ полтора раза больше.

Флоты встрѣтились западнѣе О. Гогланда,

при слабомъ, все время стихавшемъ вѣтрѣ отъ OSO. Русская эскадра, подъ начальствомъ Адмирала Грейга, была на вѣтрѣ и напала на шведовъ. Тихій вѣтеръ особенно былъ благопріятенъ къ нападенію на непріятельскій арьергардъ, такъ какъ при такихъ обстоятельствахъ авангарду и центру трудно поворачивать и имъ понадобится большой промежутокъ времени, чтобы придти на помощь къ своимъ отрѣзаннымъ кораблямъ, но такой способъ не былъ употребленъ и Грейгъ выбралъ шаблонную англійскую атаку, приказавъ своему флоту всей линіей, спускаться на всю линію непріятеля.

Въ результатѣ, какъ это всегда и бывало въ такихъ случаяхъ, оказалось, что русскій авангардъ былъ сильно избитъ, а арьергардъ отсталъ и принималъ сравнительно малое участіе въ бою. Шведы-же, разстрѣливая наши приближавшіеся корабли продольными выстрѣлами, какъ только тѣ подошли близко и сраженіе сдѣлалось общимъ, спустились и выстроили новую линію подъ вѣтромъ.

Русскіе корабли однако послѣдовали за ними, конечно, опять въ невыгодныхъ для себя условіяхъ, и шведамъ пришлось повторить свой маневръ еще два раза, причемъ тутъ уже вѣтеръ стихъ на столько, что пришлось въ помощь парусамъ буксировать корабли шлюпками. Въ результатѣ корабли наши оказались на столько поврежденными, что преслѣдовать дальше шведовъ не

оказалось никакой возможности.

Как шведы, такъ и мы потеряли по одному кораблю, взятому въ плѣнъ, такъ что сраженіе это далеко нельзя назвать рѣшительнымъ.

Шведы правда отступили, но результатъ этотъ никакъ нельзя приписать плану атаки и совершенно справедливо извѣстный историкъ А.И. Соколовъ называетъ дѣйствія нашей эскадры въ этомъ сраженіи безыскусственными. Если-бы къ той энергіи и рѣшительности, которые выказалъ въ этомъ сраженіи личный составъ русской эскадры, оказавшійся въ этомъ отношеніи гораздо выше шведовъ, присоединился правильный планъ нападенія, то шведы не только принуждены бы были оставить за нами поле сраженія, но, вѣроятно, потеряли-бы также и не мало своихъ кораблей.

В. Ф. Головачевъ, въ своемъ сочиненіи „Дѣйствія русскаго флота во время войны Россіи со Швеціей въ 1788 - 90 годахъ", заканчиваетъ описаніе этого боя такъ:

„Когда въ дыму нашимъ кораблямъ пришлось прекратить пальбу, для того чтобы осмотрѣться, то шведы уже находились внѣ нашихъ выстрѣловъ.

Только въ началѣ 12 часа прибыла на адмиральскій корабль шлюпка, посланная въ 10 часу съ корабля „Владиславъ" съ извѣщеніемъ, что онъ не имѣетъ болѣе никакихъ средствъ удержаться въ эскадрѣ, и принужденъ будетъ сдаться. Получивши эту непріятную новость, Грейгъ былъ очень встревоженъ и

дѣлалъ всѣ возможныя распоряженія, чтобы собрать свою эскадру, намѣреваясь во чтобы ни стало идти на выручку утраченнаго корабля. Ближайшіе къ нему Муловскій и Денисонъ изъявили полную готовность слѣдовать за адмираломъ несмотря на темноту, разосланы были ко всѣмъ уцѣлѣвшіе отъ сраженія шлюпки; вызваны впередъ буксиры......

Но скоро оказалось, что рангоутъ на ближайшихъ къ адмиралу корабляхъ до такой степени пострадалъ отъ сраженія, что не на чемъ было распустить паруса, а наиболѣе сохранившіеся отъ поврежденій изъ арьергардіи Фондезина и кордебаталіи находились въ такомъ отдаленіи, что приказаніе дошли къ нимъ только на разсвѣтѣ.

Между тѣмъ во все это время видно было съ адмиральскаго корабля въ зрительныя трубы, и даже по шуму веселъ, доходившему съ непріятельской эскадры было слышно, какія усилія употреблены на ней, чтобы удалиться отъ нашего флота."

В. Ф. Головачевъ не критикуетъ способа нападенія выбраннаго Грейгомъ, но изъ его описанія явствуетъ, что всѣ послѣдствія атаки съ навѣтра всей линіей имѣются на лицо: разбитый авангардъ, отставшій центръ и арьергардъ и полная невозможность преслѣдовать непріятеля, уклоняющагося отъ боя.

Но уже черезъ два года послѣ этого мы видимъ и въ русскомъ флотѣ совершенно другія идеи при веденіи морскаго боя, причемъ

новаторомъ въ этомъ дѣлѣ является не одинъ изъ многочисленныхъ англичанъ, служившихъ въ то время у насъ, а чисто русскій человѣкъ Адмиралъ Федоръ Федоровичъ Ушаковъ.

Въ Черномъ морѣ, гдѣ Ушаковъ командовалъ эскадрой, противникомъ нашимъ на морѣ былъ турецкій флотъ. Хотя личный составъ у турокъ былъ очень плохъ, и во всѣхъ отношеніяхъ стоялъ ниже нашего, въ матеріальномъ отношеніи турки были обставлены несравненно лучше. Всѣ ихъ корабли были прекрасной постройки, обшиты мѣдью и вооружены артиллеріей крупнаго калибра. Большинство нашихъ кораблей были лишь кораблями по названію, на самомъ же дѣлѣ это были фрегаты носившіе 46-50 орудій, которые однако приходилось ставить въ линію за неимѣніемъ настоящихъ линейныхъ кораблей. Притомъ суда эти были очень плохой постройки, съ плохимъ ходомъ, не обшитые мѣдью, и въ общемъ гораздо слабѣе вооруженные нежели турки.

Въ каждомъ изъ сраженій, которые велъ Ушаковъ онъ старается не столько о правильномъ маневрированіи и строѣ, сколько о томъ, чтобы какимъ нибудь внезапнымъ маневромъ ошеломить непріятеля, окружить какую нибудь его часть и поставить ее въ два огня и т.п....

Имѣя много дѣла съ турками, онъ замѣтилъ, что они только до тѣхъ поръ дерутся храбро, пока держатся ихъ адмиралы, и какъ только тѣ начинаютъ сда-

вать, весь флотъ обыкновенно обращался въ бъгство. Вслъдствіе этого онъ старался всегда сосредоточить превосходную силу противъ турецкаго адмиральскаго корабля, и по его мнѣнію принципъ этотъ былъ выраженъ Княземъ Потемкинымъ, которому были подчинены всѣ морскія силы, въ предписаніи на имя Ушакова. Онъ приказалъ всегда во время сраженія имѣть при флагманскомъ кораблѣ четыре лучшихъ фрегата, и суда эти именовались эскадрой Кейзеръ-флага.

„Съ помянутою эскадрою", писалъ Потемкинъ Ушакову, „толкайтесь на флагманскій корабль, обнявъ его огнемъ сильнымъ и живымъ; раздѣлите, которое судно должно бить въ такелажъ, которое въ корпусъ, и чтобы при залбѣ ядрами, нѣкоторые орудія пускали бомбы и бранд-скугели. Что Богъ даетъ въ руки, то его милость; но не занимайтесь брать, а старайтесь истребить, ибо одно бываетъ скорѣе другаго. Требуйте отъ всякаго, чтобы дрались мужественно, или, лучше скажу, по черноморски." Здѣсь принципъ сосредоточенія силъ противъ самаго слабаго мѣста непріятеля выраженъ совершенно ясно, причемъ въ середину строя вводятся фрегаты, совершенно противно существовавшимъ правиламъ о построеніи линіи баталіи. Первая встрѣча Ушакова съ турками, послѣ того какъ онъ принялъ командованіе эскадрой, произошла близъ Керченскаго пролива, 8 іюля 1790 го—

да.(*) Турки были на вѣтрѣ и напали на нашу эскадру, причемъ обрушились на авангардъ, съ цѣлью его окружить, но въ описаніи этого боя говорится, что авангардъ нашъ былъ подкрѣпленъ карде-баталіей, чего-бы конечно не могло быть, если-бы Ушаковъ продолжалъ строго держаться въ линіи.

Во время этой общей свалки вѣтеръ отошелъ на 4 румба и по описанію боя, Ушаковъ оказывается на вѣтрѣ у турокъ, для чего ему значитъ пришлось прорѣзать турецкую линію. Затѣмъ, приложенные чертежи, извлеченные изъ жизнеописанія Ушакова, составленнаго Соколовскимъ, показываютъ, хотя и очень условно, что, выйдя на вѣтеръ Ушаковъ атакуетъ турецкій арьергардъ, послѣ чего турки обращаются въ бѣгство.

На столько плохо ходили тогда русскіе черноморскіе корабли, что туркамъ, несмотря на поврежденія, удается уйти и скрыться въ темнотѣ.

Замѣчательно, что во второй половинѣ сраженія Ушаковъ покидаетъ обыкновенное мѣсто Главнокомандующаго въ серединѣ строя, и занимаетъ мѣсто головнаго корабля, чтобы имѣть возможность своими движеніями указывать эскадрѣ, что нужно дѣлать.

Вторая встрѣча между противниками

(*) Турки имѣли 10 кораблей и 8 фрегатовъ, тогда какъ эскадра Ушакова состояла изъ 5 кораблей и 10 фрегатовъ.

произошла въ томъ-же году 28 августа при Тендрѣ. Составъ эскадры Ушакова былъ тотъ-же, турецкій же флотъ состоялъ изъ 14 кораблей и 8 фрегатовъ. Турки стояли на якорѣ, когда съ попутнымъ вѣтромъ отъ SO t O, въ виду ихъ явился Ушаковъ въ походномъ строѣ трехъ кильватерныхъ колоннъ.

Желая воспользоваться внезапностью своего появленія, онъ не сталъ терять времени на перестраиваніе въ линію баталіи, а прямо направился на противника, вслѣдствіе чего турки стали рубить свои канаты, вступали въ безпорядкѣ подъ паруса, и начали уходить въ бейдевиндъ лѣвымъ галсомъ по направленію къ Дунаю.

При этомъ задніе корабли ихъ начали отставать и Ушаковъ со всей своей эскадрой направился прямо къ нимъ. Тогда турецкому главнокомандующему предстояло, или ихъ бросить, или идти къ нимъ на помощь, что онъ и сдѣлалъ, повернувъ черезъ фордевиндъ на другой галсъ. Тогда Ушаковъ выстроилъ также свою линію на правомъ галсѣ и спустился на турокъ, причемъ три фрегата получили приказаніе выйти изъ линіи и усилить авангардъ, а самъ Ушаковъ съ окружающими его судами сосредоточилъ свои усилія противъ корабля главнокомандующаго.

Начался ожесточенный артиллерійбой, въ которомъ, благодаря сосредоточенію силъ въ центрѣ и авангардѣ, удавалось заставить спуститься корабли турецкаго

главнокомандующаго и адмирала, находившагося во главѣ авангарда, причемъ за ними послѣдовали остальные, и весь турецкій флотъ обратился въ безпорядочное бѣгство. Наступившая темнота позволила туркамъ, благодаря ихъ легкости хода, скрыться, но все таки на этотъ разъ имъ не удалась отдѣлаться также дешево, какъ въ предъидущемъ случаѣ. Такъ какъ подъ вѣтромъ былъ берегъ, то имъ пришлось стать на якорь, и на слѣдующій день два линейныхъ корабля сдались Ушакову, а третій, спасаясь отъ преслѣдованія, затонулъ, имѣя много подводныхъ пробоинъ

Въ слѣдующемъ 1791 году произошло новое сраженіе. 31 іюля турецкій флотъ, состоявшій изъ 18 линейныхъ кораблей, 10 большихъ и 7 малыхъ фрегатовъ, стоялъ на якорѣ противъ мыса Калиакріа, подъ прикрытіемъ береговой батареи; вѣтеръ былъ свѣжей N.

Въ этотъ день турки праздновали рамазанъ; на эскадрѣ было общее веселье, ни одно изъ мелкихъ судовъ не было выслано въ крейсерство, какъ вдругъ изъ за мыса показалась русская эскадра, въ походномъ строѣ трехъ кильватерныхъ колоннъ, состоявшая теперь изъ 7 кораблей и 11 фрегатовъ. Ушаковъ прекрасно понялъ всѣ выгоды внезапности своего появленія, а потому не теряя ни одной минуты времени, чтобы не дать времени туркамъ опомниться направляется въ походномъ-же строѣ прямо въ промежутокъ между турецкимъ флотомъ и береговыми

укрѣпленіями, угрожая такимъ образомъ поставить турецкія суда подъ продольные выстрѣлы своихъ кораблей.

У турокъ поднялся страшный переполохъ; суда спѣшили рубить канаты и выходить въ море, причемъ, сталкиваясь между собою, ломали рангоутъ, и только послѣ 4 часовъ пополудни имъ удалось кое-какъ выстроить часть своихъ кораблей въ линію на лѣвомъ галсѣ. Но Ушаковъ въ это время тоже выстроился въ линію баталіи, сталъ самъ во главѣ и, усиливъ свой авангардъ второй линіей фрегатовъ, бросился на переднія турецкія суда, между которыми было три адмиральскихъ.

Послѣ упорнаго артиллерійскаго боя, адмиральскіе турецкіе корабли, страшно обитые, спустились подъ вѣтеръ, а за ними обратился въ бѣгство и весь турецкій флотъ, причемъ опять Ушакову, вслѣдствіе дурного качества своихъ судовъ, не удалось овладѣть ни однимъ изъ непріятельскихъ судовъ.

Достаточно вышеприведеннаго бѣглаго описанія этихъ трехъ сраженій, чтобы понять что Ушаковъ ввелъ совершенно новую струю въ устарѣвшія уже понятія о веденіи морского боя. О томъ, что онъ былъ новаторомъ въ этомъ дѣлѣ, свидѣтельствуютъ также слѣдующія строки, взятыя изъ сочиненія Р. Скаловскаго „Жизнь Адмирала Федора Федоровича Ушакова".

„Удержаніе навѣтренной позиціи и неразрывная линія баталіи составляли

главные, выгоднѣйшіе условія для успѣха сраженія по тогдашнимъ правиламъ морской тактики, и начальники флотовъ нерѣшались уклонятся отъ этихъ утвердившихся понятій, принявшихъ даже силу закона; но въ нападеніяхъ Адмирала Ушакова мы видимъ сколько соблюденіе тактическихъ правилъ своего времени, столько и поучительные примѣры храбрости, которые навсегда останутся достойными подражанія. Ни одна минута времени не была имъ потеряна при нападеніи, и боевая линія устраивалась изъ ордера похода, не прекращая сближенія съ непріятелемъ. Чтобы остановить намѣреніе противника, - какъ въ сраженіи 31 іюля 1791 года, - онъ сильно выступаетъ изъ линіи на встрѣчу ему и увлекаетъ за собой ближайшіе корабли, приказывая остальнымъ употреблять всѣ усилія для возможнаго сближенія съ непріятелемъ. Чтобы ввести флотъ въ дѣло съ большей увѣренностью, - какъ въ сраженіи 8 іюля 1790 года, - онъ поставляетъ корабль свой передовымъ; и вообще, чтобы призвать всѣхъ подчиненныхъ къ одинаковой рѣшимости, избираетъ для себя самые опасные положенія, такъ что наблюдая движенія корабля своего главнокомандующаго, командиры всѣхъ прочихъ судовъ не могли уже ошибаться въ истинныхъ его намѣреніяхъ. Быть можетъ распоряженія и дѣйствія Ушакова показали бы намъ еще болѣе образцовъ сильнаго и искуснаго нападенія, если

бы могъ онъ вполнѣ расчитывать на храбрость и знаніе всѣхъ командировъ судовъ во флотѣ своемъ; и изустные расказы передаютъ намъ, что не всѣ подчиненные съ одинаковой готовностію стремились поддерживать неустрашимаго начальника."

Такимъ образомъ Ушаковъ для русскаго флота былъ тѣмъ-же чѣмъ для англійскаго и французскаго были Джонъ Клеркъ и Сюффренъ и эти три имени по справедливости могутъ быть поставлены рядомъ, какъ создатели истинныхъ началъ веденія морскаго боя;

Развитіе истинныхъ принциповъ морской тактики, въ концѣ 18 и началѣ 19 столѣтій.

Итакъ для морской тактики наступила новая эра. Она твердою ногою стала на вѣрный путь и вести ее дальше по этому пути уже было легко, такъ какъ найдены были вѣрныя цѣли къ которымъ надо было стремиться.

Какъ мы видимъ выше, истинные принципы морской тактики появились у англичанъ и французовъ одновременно, причемъ можно было ожидать, что гораздо большее развитіе они получатъ именно во Франціи; тамъ они были созданы военнымъ морякомъ, который самъ ихъ примѣнилъ и на дѣлѣ и ясно доказалъ своимъ товарищамъ по оружію ихъ громадную пользу и значеніе. Въ Англіи-же, предложенные постороннимъ

флоту медленно, они возбудили общее недовѣріе и первый разъ примѣнены были онѣ неохотно и даже случайно. Кромѣ того, какъ это было уже указано выше, личный составъ французскаго флота былъ гораздо болѣе, чѣмъ у англичанъ, подготовленъ для разработки морской тактики на правильныхъ основаніяхъ. Но судьба рѣшила это совершенно иначе. Въ Англіи, какъ разъ вслѣдъ за появленіемъ книги Джона Клерка, на сцену выходитъ Адмиралъ Джервисъ и доводитъ личный составъ своей эскадры до высокой степени совершенства и порядки имъ заведенные быстро распространяются по всему англійскому флоту. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ-же первый самымъ рѣшительнымъ образомъ въ сраженіи при С. Винцентѣ отрѣшается отъ старыхъ способовъ нападенія и кладетъ въ основу своего плана идеи высказанныя Клеркомъ. Вѣрный его ученикъ и почитатель - Нельсонъ, продолжаетъ развивать начатое дѣло и результатомъ являются Абукиръ и Трафальгаръ. Однимъ словомъ, обстоятельства создали для развитія морской тактики у англичанъ самыя благопріятныя обстоятельства.

Въ совершенно обратномъ положеніи оказались французы. Несмотря на пораженіе французскаго флота при Доминикѣ американская война блестящимъ образомъ кончилась для Франціи, причемъ во время этой войны во флотѣ выработался прекрасный личный составъ, отъ котораго

можно было много ожидать въ будущемъ, особенно при, распространеніи въ немъ идей Сюффрена, который на дѣлѣ показалъ всю выгоду отрѣшенія отъ старыхъ способовъ атаки. Вообще Людовикъ 16 обращалъ большое вниманіе на флотъ и, помимо личнаго состава, французскіе корабли во многомъ имѣли преимущество передъ кораблями другихъ націй. Благодаря цѣлому ряду талантливыхъ инженеровъ, французскіе корабли обладали прекрасными обводами и, когда послѣ американской войны они были обшиты мѣдью, имъ не было соперниковъ въ ходѣ; кромѣ того французы придавали своимъ кораблямъ большее возвышеніе и гораздо болѣе тяжелую артиллерію, сравнительно съ англійскими кораблями того-же ранга. Самъ Нельсонъ въ своихъ письмахъ не разъ восхищался прекрасными качествами французскихъ кораблей, которые точно копировались англичанами, когда послѣднимъ удавалось овладѣть нѣсколькими кораблями и доставить ихъ въ Англію.

Такимъ образомъ все обѣщало блестящую будущность французскому флоту, который готовился, при возобновленіи старинной борьбы съ Англіей, возвратиться къ временамъ Кольбера, Дюкена и Турвиля, но какъ разъ въ это время на него обрушился тяжкій ударъ - революція.

Страшное броженіе умовъ охватившее французское общество передъ революціей, не могло не отразиться также и на флотъ; во всѣхъ портахъ и на судахъ то и дѣло

Литографія К. Биркенфельда (В. О. 8 л. № 1.)

начинались безпорядки: офицеры стали и рядомъ подвергались со стороны командъ угрозамъ, оскорбленіямъ и даже побоямъ, причемъ въ отвѣтъ на всѣ жалобы Ассамблея издала декретъ, рекомендовавшій офицерамъ болѣе мягкое обращеніе со своими подчиненными.

Не видя никакой защиты со стороны правительства, офицеры массами начали оставлять службу, а дальнѣйшія распоряженія только усилили начавшееся движеніе.

Сначала появился декретъ объ уничтоженіи военно-морскихъ школъ, которыя были замѣнены даровыми общедоступными курсами математики и морскихъ наукъ, предназначенными для приготовленія офицеровъ, какъ для военнаго, такъ и коммерческаго флота, причемъ послѣдніе получили право, послѣ плаванія на купеческихъ судахъ переходить на военные корабли.

Ушедшихъ офицеровъ надо было кѣмъ-нибудь замѣстить, а потому доступъ въ военный флотъ былъ открытъ всякому, причемъ гораздо большее значеніе давалось аттестаціи въ чистотѣ республиканскихъ убѣжденій, нежели познаніямъ въ морскомъ дѣлѣ. Послѣ казни короля, началось массовое истребленіе дворянскаго сословія, и на эшафотѣ сложили свою голову послѣдніе остатки еще недавно блестящаго личнаго состава офицеровъ. Опасаясь симпатій со стороны старыхъ матросовъ къ своимъ

начальникамъ, правительство сдѣлало распоряженіе о переводѣ ихъ въ армію, а мѣсто ихъ на корабляхъ заняли команды составленные изъ солдатъ и рекрутовъ, набранныхъ между прибрежными жителями; также были уничтожены комендоры и приготовлявшія ихъ школы. Наконецъ, въ довершеніе всего каждый получилъ право, объявленное правительственнымъ декретомъ, сдѣлать донос на офицера и морской министръ обязывался уволить тѣхъ начальниковъ, донос на которыхъ будетъ найденъ основательнымъ гражданскими властями. Дальше идти было некуда, и можно представить себѣ тотъ хаосъ, который царилъ на корабляхъ, послѣ приведенія въ исполненіе всѣхъ этихъ мѣръ.

Поэтому вполнѣ понятно, что, какъ только началась война съ Англіей, всѣ французскіе порта оказались заблокированными англичанами, причемъ каждый выходъ французовъ въ море сопровождался для нихъ катастрофами. Въ то время какъ французскій флотъ, стоя запертый въ гаваняхъ, приходилъ все въ большій упадокъ, теряя всякую привычку къ морю, англійскіе эскадры закалялись въ постоянныхъ крейсерствахъ около непріятельскихъ береговъ, и личный составъ, какъ офицеровъ, такъ и командъ, достигъ высокой степени совершенства подъ начальствомъ такихъ адмираловъ какъ Джервисъ и Нельсонъ. Тогда какъ французы совершенно не умѣли стрѣлять, многіе англійскіе командиры

Утвердилъ Генералъ-Маіоръ [illegible]

довели своихъ комендоровъ до того, что орудія дѣлали каждую минуту по выстрѣлу.

Вотъ этимъ только и объясняется, что идеи Сюффрена, которые онъ началъ развивать, не нашли никакой почвы для своего дальнѣйшаго развитія, такъ какъ личный составъ, который былъ въ то время на французскихъ судахъ не имѣлъ къ тому никакой подготовки, и не обладалъ никакими знаніями.

Такой-же ломкѣ, какой подвергся личный составъ французскаго флота, подвергся личный составъ и французской арміи. Тамъ тоже масса офицеровъ и генераловъ, кто были казнены, кто бѣжали, и слѣдовательно въ ней явилось много людей, которые въ военномъ дѣлѣ были не особенно искусны. А между тѣмъ, когда на Францію напали почти всѣ остальные державы, когда ей пришлось отбиваться отъ превосходныхъ силъ, французская армія оказывается въ громадномъ большинствѣ случаевъ побѣдительницей старыхъ регулярныхъ войскъ. Объясняется это тѣмъ, что въ то время, благодаря страшному взрыву патріотизма среди французовъ - въ армію шли всѣ считая за честь служить въ ней даже нижними чинами. И французскія войска, всюду, гдѣ они, на поляхъ сраженія, встрѣчались съ непріятелемъ, выказывали такую храбрость, такую смѣлость, такой порывъ и увлеченіе, что достаточно было только это увлеченіе искусно направить для того, чтобы одерживать побѣду. А тутъ

еще выдвинулось вперед нѣсколько людей, хотя молодыхъ, но чрезвычайно талантливыхъ не зараженныхъ рутиной, между ними на первомъ мѣстѣ стоитъ конечно Бонапартъ.

Кажется, тоже самое должно было бы произойти и во флотѣ. Французское королевство оставило въ наслѣдіе республикѣ корабли прекрасной постройки, превосходнымъ образомъ снабженные, съ прекрасной артиллеріей. Перемѣнился только личный составъ. Но и этотъ личный составъ былъ воодушевленъ патріотизмомъ, горѣлъ желаніемъ сразиться съ непріятелемъ, всѣ качества были тѣ-же самые. Но и здѣсь было тоже самое отсутствіе въ ученыхъ. Дѣло въ томъ, что собственно можетъ сдѣлать порывъ на корабли, если командиръ этого корабля совсѣмъ не опытенъ въ веденіи боя? Какъ бы онъ ни былъ силенъ, какъ бы ни умѣлъ увлечь своими словами команду, какъ бы ни была эта команда готова идти на какой угодно подвигъ, но если этотъ командиръ не умѣлъ управлять судномъ и если команда, несмотря на всю свою храбрость, не умѣла стрѣлять, то, очевидно, ничего онъ сдѣлать не могъ. Порывъ оставался въ стѣнахъ корабля и за его стѣны не выходилъ.

Дѣйствительно всѣ эскадренныя сраженія этого періода между англичанами и французами являются болѣе нерѣшительными, безъ всякаго результата, даже и тогда, когда французы имѣли численное

превосходство. Въ противоположность этому одиночные бои, когда командиромъ могъ оказаться человѣкъ очень смѣлый, были очень кровопролитны, продолжались очень долго, но всегда кончались у французовъ спускомъ флага и при очень оригинальной обстановкѣ: французы спускали свой флагъ, потерпѣвъ утрату трехъ четвертей своей команды, въ то время когда судно почти шло ко дну отъ массы пробоинъ. Это, конечно, показываетъ смѣлость порыва, но въ тоже время англійскіе корабли не имѣли никакихъ повреждений — въ чемъ опять таки сказывается полное неумѣнье французовъ пускать въ дѣло свои боевые средства.

Сраженіе при мысѣ С. Винцентъ.

Въ 1793 году, послѣ казни Людовика 16, монархическіе государства Европы составили противъ Франціи коалицію, въ которой приняли также участіе три самые сильные морскіе державы того времени: Англія, Испанія и Голландія, и не французскому флоту, въ томъ состояніи въ которомъ онъ находился въ это время, было бороться противъ такихъ могущественныхъ противниковъ.

Однако же обстоятельства скоро перемѣнились; цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ французскими арміями заставили Голландію и Испанію отпасть отъ коалиціи и присоединиться къ Франціи противъ Англіи, которая такимъ образомъ

въ 1796 году сама оказалась въ чрезвычайно тяжеломъ положеніи.

На сѣверѣ французы приготовляли большую десантную экспедицію для высадки на англійскіе берега, а на югѣ, въ Средиземномъ морѣ, испанскій флотъ, въ числѣ 26 кораблей, соединился въ Тулонѣ съ 12 французскими кораблями и такимъ образомъ у союзниковъ составился громадный флотъ изъ 38 кораблей, тогда какъ адмиралъ Джервисъ, командовавшій въ то время англійской эскадрой Средиземнаго моря, имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего 15 судовъ.

Послать подкрѣпленіе Джервису изъ Англіи не рѣшались, опасаясь десантной экспедиціи, а потому ему отдано было приказаніе очистить Средиземное море. Горе бы было англичанамъ, если бы флоты союзниковъ обладали такой-же организаціей какъ эскадра Джервиса. Имѣя превосходство въ числѣ они легко могли бы уничтожить его эскадру, перейти затѣмъ въ каналъ, имъ овладѣть, и столь страшная для англичанъ высадка могла состояться. Но, на счастье англичанъ, союзники далеко были отъ совершенства. Хотя, когда первый революціонный пылъ прошелъ, правительство республики опомнилось и начало прилагать старанія къ возстановленію личнаго состава флота, но это оказалось совсѣмъ не такъ легко, гораздо труднѣе, чѣмъ выстроить и вооружить новые корабли. Для послѣдняго требовалось только ассигновать извѣстную сумму денегъ, тогда какъ личный

составъ ни за какiя деньги купить нельзя — его нужно создавать и воспитывать впродолженiи многихъ и многихъ лѣтъ, и положенные въ это дѣло деньги и энергiя далеко не сразу принесутъ свои плоды. Поэтому всякая ломка, касающаяся личнаго состава, всякая разрушительная относительно его мѣра, является дѣломъ въ высшей степени рискованнымъ и опаснымъ, и послѣдствiя такого образа дѣйствiя какъ разъ испытывала, въ описываемую нами эпоху, Францiя.

3 Декабря 1795 г. Директорiя въ такихъ словахъ доносила „Совѣту 500" о состоянiи французскаго флота: „Наши эскадры уничтожены, разбиты, блокированы въ портахъ, лишены провiанта и матерiаловъ, на нихъ царитъ полная недисциплинарность и невѣжество, вотъ въ какомъ состоянiи мы, избранные Вами для управленiя страной, нашли французскiй флотъ."

Это говорило само республиканское правительство, которое вѣдь и довело флотъ до такого состоянiя, а слѣдовательно въ его донесенiи нѣтъ прикрасъ. Для возстановленiя личнаго состава были сдѣланы попытки возвратить изгнанныхъ изъ флота, офицеровъ, только за то, что они были дворяне или, подозрѣвались въ роялистскихъ стремленiяхъ. Но воскресенiе мертвыхъ, сложившихъ голову на гильотинѣ, было уже не во власти людей, точно также трудно было вернуть эмигрантовъ, а въ тоже время нельзя было опять сразу повыгнать тотъ неспособный хламъ занимавшiй теперь во

флотъ всѣ важные мѣста.

Вновь было возстановлено важное званіе комендора; уничтоженное во время революціи, но долго еще надо было ждать, чтобы эти комендоры были таковыми не только по названію, но и по искусству своему въ стрѣльбѣ.

Испанцы, союзники французовъ, находились не въ лучшемъ положеніи. Какъ и французы, они обладали превосходными кораблями, оставшимися у нихъ со временъ войны за независимость американскихъ колоній, но, благодаря полному разстройству финансовъ, личный составъ былъ крайне плохъ. Команды, почти полностью, были набраны передъ самымъ выходомъ въ море по кабакамъ. Офицеры, не имѣя практики за недостаткомъ командъ въ мирное время, не имѣли никакой опытности въ плаваніи въ эскадрѣ. Поэтому, благодаря такому печальному состоянію союзнаго флота, Джервисъ, получивъ приказаніе очистить Средиземное море, собралъ свою эскадру, снялъ гарнизоны, занятыхъ имъ прибрежныхъ городовъ, и безпрепятственно дошелъ до Гибралтара, а затѣмъ перешелъ и въ Лиссабонъ; союзники-же не сдѣлали ни малѣйшей попытки этому помѣшать. Между тѣмъ на Джервиса посыпалось одно за другимъ несчастіе. Когда онъ стоялъ въ Гибралтарѣ, во время страшнаго шторма, сорвало съ якорей два корабля, которые получили при этомъ такіе серьезные поврежденія, что оказались выведенными изъ строя. На

переходѣ въ Лиссабонъ бурей еще два корабля были выброшены на берегъ и небольшая эскадра Джервиса, такимъ образомъ, уменьшилась почти на цѣлую треть.

При такихъ-то обстоятельствахъ Джервисъ узналъ, что испанскій флотъ въ числѣ 25 кораблей вышелъ изъ Картагены и направился къ Гибралтару.

Стратегія указываетъ, что каждый бой долженъ быть цѣлесообразенъ и, что если нѣтъ причины для боя, то онъ является преступленіемъ, и настоящій случай прекрасно иллюстрируетъ это положеніе. Обстоятельства были слѣдующія: Англія, будучи изолированной, имѣла противъ себя союзъ трехъ самыхъ сильныхъ морскихъ державъ: Франціи, Испаніи и Голландіи.

Попытка высадки французской арміи на англійскій берегъ правда не удалась, но не вслѣдствіе того, что англичане сумѣли этому воспрепятствовать силой, — англійскія эскадры даже и не видѣли французовъ, а вслѣдствіе крайне плохой организаціи французскаго флота, который не могъ даже продержаться соединенно въ продолженіи одной ночи. Напротивъ, надо считать, что обстоятельства чрезвычайно благопріятствовали французамъ въ этой экспедиціи. Большая партія ихъ флота и транспортовъ, не будучи замѣчена англичанами, пришла въ заливъ Бэнтри въ Ирландіи, но съ ними не оказалось адмирала Морарь де-Галле и начальника экспедиціи генерала Гоша, а безъ нихъ не рѣшались производить

высадку.

Между тѣмъ, вслѣдствіе плохаго снабженія, началъ ощущаться недостатокъ въ съѣстныхъ припасах и рѣшено было идти назадъ въ Брестъ, такъ какъ считали, что остальная часть экспедиціи или возвратилась, или же разбита англичанами. Черезъ два дня послѣ ихъ ухода, явилась въ заливъ Бэнтри другая группа, постояла нѣсколько дней и по тѣмъже причинамъ тоже отправилась въ Брестъ. Главнокомандующіе, Адмиралъ и Генералъ, растерявъ свой флотъ, начали его разыскивать, но поиски ихъ не увѣнчались успѣхомъ, и все по той же причинѣ, - по недостатку провіанта, и они повернули назадъ. Такимъ образомъ экспедиція эта не удалась, но рѣшено было ее повторить, и Англія справедливо опасалась, что вдругъ она можетъ и удасться, особенно если въ Ламаншѣ появится союзный флотъ изъ Средиземнаго моря. Общественное мнѣніе Англіи, подъ гнетомъ цѣлаго ряда неудачъ, было уже подготовлено для заключенія невыгоднаго мира и Джервисъ отлично понималъ насколько именно въ этотъ моментъ отечество его нуждается въ побѣдѣ, которая сразу подняла-бы духъ націи. Положительно нельзя было допустить испанцевъ пройти на сѣверъ, надо было во-чтобы ни стало преградить имъ дорогу. И вотъ Джервисъ, съ 11-ю кораблями, выходитъ въ море и располагается у мыса С. Винцентъ въ ожиданіи испанцевъ. Его даже не смущаетъ то обстоятельство, что при выходѣ изъ Лиссабона, еще одинъ

корабль садится на мель и выходитъ изъ строя.

Онъ прекрасно понималъ ту роль, которая выпала на долю его эскадры въ общемъ ходѣ компаніи и безъ колебанія рѣшается исполнить свой долгъ. При этомъ онъ увѣренъ въ своей эскадрѣ, недаромъ онъ положилъ столько труда и энергіи на то, чтобы сдѣлать ее единой, сильной духомъ и умѣніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ печальное состояніе испанскаго флота для него не тайна, онъ прекрасно знаетъ своего противника и готовъ съ нимъ помѣряться, если даже онъ будетъ гораздо многочисленнѣе. Когда Джервисъ уже находился у мыса С. Винцентъ къ нему, наконецъ, присоединяются 5 кораблей, посланные изъ Англіи ему на подмогу и такимъ образомъ эскадра его возросла до 15 кораблей. Между тѣмъ испанскій адмиралъ Кордова дѣйствительно имѣлъ приказаніе направиться въ Ламаншъ, чтобы соединиться тамъ съ французской и голландской эскадрами, и теперь шелъ въ Кадиксъ, но противный вѣтеръ мѣшалъ ему приблизиться къ берегу. При такихъ обстоятельствахъ 13 февраля вечеромъ фрэгаты дали ему знать, что непріятель въ виду.

Считая, что противникъ, вслѣдствіе своей малочисленности, не посмѣетъ его атаковать, Кордова не принялъ ни какихъ мѣръ, чтобы выстроить свою эскадру въ боевой порядокъ и къ утру 14 февраля, при измѣнившемся вѣтрѣ почти на W, корабли его оказались раздѣленными на двѣ части,

онъ безъ всякаго страха и, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, направлялся въ Кадиксъ. Безпечность Кардова происходила отъ ложныхъ свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ коммерческаго американскаго судна, сообщившаго, что у англичанъ всего девять судовъ, а потому онъ и предполагалъ, что за малочисленностью непріятель не посмѣетъ его атаковать. Джервисъ также 13 февраля къ вечеру отъ своихъ развѣдчиковъ получилъ извѣстіе о появленіи непріятеля и твердо рѣшился не допустить его уйти въ Кадиксъ и непремѣнно атаковать его на слѣдующее утро.

Джервисъ сейчасъ же сдѣлалъ своей эскадрѣ сигналъ „приготовиться къ бою" и выстроилъ ее на ночь въ двѣ сомкнутыя кильватерныя колонны. Утромъ, выйдя наверхъ, онъ съ гордостью окинулъ взоромъ свои корабли, прекрасно сохранившіе строй и только ждавшіе его мановенія, чтобы ринуться на непріятеля. Какая разница съ испанцами, которые, когда солнце разогнало утренній туманъ, оказались разбросанными въ различныхъ частяхъ горизонта. Въ той части непріятеля, которая видѣлась на SW, было насчитано 19 кораблей, и еще 6 кораблей усмотрѣно было въ SO четверти.

При видѣ англичанъ, направлявшихся къ югу, испанцы поспѣшили поставить всевозможные паруса и отдѣлившіеся корабли привели въ бейдевиндъ праваго галса, чтобы соединиться со своими, но Джервисъ рѣшилъ помѣшать этому соединенію

и, перестроивши свою эскадру въ одну кильватерную колонну, прямо направился въ промежутокъ между испанскими кораблями.

Видя, что ему не удается проскочить передъ носомъ англичанъ, Кордова приказалъ привести на лѣвый галсъ и направился къ сѣверу, но три передовые его корабля уже были подъ вѣтромъ у англичанъ, а потому они присоединились къ подвѣтренному отряду.

Теперь Джервису предстояло рѣшить, на который изъ непріятельскихъ отрядовъ направить свою эскадру, и онъ, не задумываясь, выбралъ навѣтренный, приказавъ для этого своему авангарду поворотить последовательно оверштагъ и преслѣдовать непріятеля съ подвѣтра. Дѣйствительно, если-бы онъ погнался за девятью подвѣтренными кораблями, то Кордова съ своимъ отрядомъ, находясь на вѣтрѣ, легко могъ бы придти на помощь и тѣмъ поставилъ-бы Джервиса между двухъ огней. Теперь-же подвѣтренному испанскому отряду, чтобы подать помощь своимъ, приходилось для этого выходить на вѣтеръ, что было уже гораздо труднѣе. Однако корабли этого отряда, какъ только увидѣли, что Кордова повернулъ къ сѣверу, сейчасъ-же повернули оверштагъ и направились къ англійской линіи, съ явнымъ намѣреніемъ ее прорѣзать и такимъ образомъ соединиться со своими. Подходя къ англичанамъ, они были встрѣчены такимъ сильнымъ и мѣткимъ огнемъ англійскаго адмирала и его передняго мателота, что

передовые испанскіе корабли не выдержали и, сдѣлавши поворотъ оверштагъ спустились, а за ними послѣдовали и остальные; выйдя изъ района выстрѣловъ, они снова привели и направились также на сѣверъ.

Замѣтивъ это, Кордова рѣшилъ попробовать соединиться съ ними за англійскимъ арьергардомъ, а потому, пользуясь тѣмъ, что дымъ закрывалъ его отъ Джервиса, сражавшагося съ испанскимъ арьергардомъ, онъ выбралъ моментъ, когда передніе корабли его прошли англійскіе задніе, и внезапно спустился на фордевиндъ, а за нимъ послѣдовали нѣкоторые изъ сосѣднихъ съ нимъ кораблей. Маневръ несомнѣнно удался-бы, если-бы продолжали господствовать прежніе взгляды на веденіе сраженій: никто не рѣшился-бы ему помѣшать безъ сигнала на то адмирала, который, съ своей стороны, въ пылу сраженія не могъ замѣтить этого движенія непріятеля. Но теперь времена были не тѣ: принципы Клерка пустили глубокіе корни между англійскими моряками и произвели полный переворотъ въ ихъ взглядахъ на веденіе боя.

Вслѣдствіе этого, только что началъ спускаться испанскій адмиралъ, Нельсонъ, командовавшій въ чинѣ командора англійскимъ арьергардомъ, моментально сообразилъ цѣль маневра Кордовы и сейчасъ же рѣшился ему помѣшать, не спрашивая на то разрѣшенія Джервиса, что повлекло-бы за собою только потерю драгоцѣннаго времени. Онъ приказалъ командиру своего корабля сейчасъ-же

спуститься, прошелъ между своимъ заднимъ мателотомъ и концевымъ кораблемъ и преградилъ дорогу испанскому адмиралу и сопровождавшимъ его судамъ, вступивъ съ ними въ ожесточенный бой на самой близкой дистанціи.

Въ это время англійскій авангардъ обошелъ заднія испанскія корабли съ подвѣтра, а самъ Джервисъ со слѣдующими за нимъ кораблями вышелъ къ нимъ на вѣтеръ и такимъ образомъ испанскій арьергардъ былъ поставленъ между двухъ огней. Видя это испанскій авангардъ и центръ, исключая тѣхъ кораблей, которые послѣдовали за адмираломъ Кордова, привели круче къ вѣтру и выказали явное желаніе удалиться съ мѣста сраженія, оставивъ свои заднія корабли въ рукахъ непріятеля.

Между тѣмъ Нельсонъ съ однимъ кораблемъ выдерживалъ бой съ тремя непріятельскими судами. Подошедшій англійскій авангардъ освободилъ его отъ испанскаго адмирала, но все еще два корабля направляютъ на него свои выстрѣлы, а у него между тѣмъ, вслѣдствіе быстрой стрѣльбы, является недостатокъ въ снарядахъ, которые приходится доставать изъ трюма, и имѣются большія поврежденія въ рангоутѣ и такелажѣ. Въ это время Коллингвудъ, старинный другъ Нельсона, съ своимъ кораблемъ „Екселентъ", съ разрѣшенія Джервиса, направляется черезъ гущу непріятельскихъ кораблей къ нему на помощь. Проходя мимо, уже пострадавшихъ раньше, двухъ кораблей испанскаго арьергарда,

Коллингвудъ своими залпами заставляетъ ихъ спустить флагъ; спустившись подъ вѣтеръ, онъ видитъ испанскій корабль „Св. Николай", насѣдающій на поврежденный уже „Каптенъ" (корабль Нельсона), причемъ разстояніе между сражающимися едва превышаетъ ширину корабля. Въ этотъ узкій проходъ направляетъ Коллингвудъ свой корабль и, подойдя вплотную къ испанцу, дѣлаетъ въ него залпъ всѣмъ лѣвымъ бортомъ, послѣ чего продолжаетъ свой путь, чтобы присоединиться къ своему авангарду, окружившему корабль испанскаго адмирала.

Желая избѣжать залпа Коллингвуда, „Св. Николай" навалилъ на сосѣдній корабль „Св. Іосифъ"; въ это время Нельсонъ, потерявъ форъ стеньгу и имѣя поврежденный руль, опасаясь, что его снесетъ подъ вѣтеръ, рѣшается воспользоваться эффектомъ залпа Коллингвуда и врѣзывается своимъ бушпритомъ въ бизань-ванты корабля „Св. Николай", чтобы взять его на абордажъ. Часть абордажной партіи бросается на верхнюю палубу непріятеля, а самъ Нельсонъ, въ сопровожденіи другихъ, по крамболу, упершемуся въ портъ капитанской каюты, проникаетъ въ батарейную палубу.

Послѣ короткаго сопротивленія, „Св. Николай" сдается и Нельсонъ сейчасъ же устремляется съ прибывающими все съ „Каптена" подкрѣпленіями, на абордажъ корабля „Св. Іосифъ" и овладѣваетъ также и этимъ кораблемъ.

Въ это время къ мѣсту сраженія

Литографія К. Биркенфельда (В. О. 8 л. № 1).

приближается подвѣтренный испанскій отрядъ, а потому Джервисъ отзываетъ свои корабли, атакующіе испанскаго адмирала, и флоты расходятся. Кордова скрывается въ Кадиксъ, а Джервисъ направился въ Лиссабонъ.

Конечно Джервисъ, корабли котораго потерпѣли вообще немного, могъ бы продолжать преслѣдованіе, и можетъ быть еще нѣсколько испанскихъ кораблей попали-бы въ руки англичанъ; однако онъ на это не рѣшился, не желая рисковать уже одержанной побѣдой, тѣмъ болѣе, что большая часть испанскихъ кораблей обладала гораздо лучшимъ ходомъ.

Отвратительный составъ испанскихъ командъ ярко выразился на взятыхъ англичанами корабляхъ: когда англійскіе офицеры посылали испанскихъ матросовъ на марсъ, то многіе изъ нихъ падали на колѣни и умоляли не подвергать ихъ такой опасности, грозившей, по ихъ понятіямъ, вѣрною смертью; также на одномъ изъ взятыхъ кораблей, нѣсколько орудій, того борта на который онъ сражался, оказались даже нераскрѣпленными.

Сраженіе при Кампердаунѣ 11 октября 1797 г.

Голландцы должны были соединиться съ французами и испанцами для содѣйствія высадки въ Англію, вслѣдствіе чего англичане блокировали ихъ у Тексела.

Голландскій флотъ былъ въ упадкѣ, корабли

Утвердилъ Генералъ-Майоръ [illegible]

старые, коронадъ не было, и вообще каждый голландскій корабль былъ слабѣе англійскаго; причина упадка голландскаго флота были денежныя затрудненія. Голландскимъ флотомъ, изъ 15 кораблей, командовалъ адмиралъ Винтеръ, англійскимъ же, изъ 16 кораблей, адмиралъ Дунканъ. Винтеръ рѣшилъ выйти изъ Текселя, не зная о численности англичанъ. При свѣжемъ NW флоты встрѣтились у Кампердоуна, причемъ англичане были на вѣтрѣ, а Винтеръ шелъ лѣвымъ галсомъ вдоль берега. Увидя англичанъ, Винтеръ приказалъ своимъ судамъ лечь въ дрейфъ, разсчитывая, что Дунканъ атакуетъ его по всей линіи съ навѣтра, а онъ будетъ все время дрейфоваться къ берегу, и такъ какъ его корабли сидѣли меньше въ водѣ англійскихъ, то ему удастся заманить противника на мелкое мѣсто, чѣмъ онъ и воспользуется, пользуясь свободой движеній, тогда какъ движенія непріятеля стѣснены. Адмиралъ Дунканъ, увидя голландцевъ, началъ строить линію и что онъ собственно хотѣлъ предпринять осталось неизвѣстно, но по тому галсу (правый), на который онъ началъ строить линію, надо предполагать, что онъ хотѣлъ атаковать непріятельскій арьергардъ. Увидя однако подъ вѣтромъ берегъ онъ испугался, что непріятель уйдетъ, а потому сдѣлалъ сигналъ: „спуститься и каждому кораблю атаковать соотвѣтствующаго противника своего въ линіи", „авангарду атаковать непріятельскій арьергардъ", „прорѣзать непріятельскую линію и атаковать

непріятеля съ подвѣтра," но такой маневръ, спѣшно выполненный, не удался и на самомъ дѣлѣ англичане спустились на голландцевъ въ строю двухъ неправильныхъ колоннъ, изъ которыхъ одна атаковала голландскій авангардъ, а другая - арьергардъ, причемъ центръ голландцевъ остался безъ противника. Голландцы этого маневра не ожидали и не стрѣляли во время приближенія англичанъ продольными залпами, ожидая когда они придутъ на линію параллельную имъ. Но вдругъ увидѣвъ, что непріятель не имѣетъ намѣренія этого дѣлать, а прорѣзываетъ ихъ линію, они открыли огонь, но было уже поздно: англичане были уже подъ вѣтромъ и атаковали голландцевъ на разстояніи пистолетнаго выстрѣла. Оба флота смѣшались въ нестройную кучу, но въ ней можно было различить двѣ группы голландскихъ кораблей въ арьергардѣ и авангардѣ, окруженныхъ англичанами со всѣхъ сторонъ. Середина-же голландскаго флота, настолько была ошеломлена внезапностью маневра, что опоздала снятьбся съ дрейфа, чтобы идти на выручку, и ее снесло подъ вѣтеръ. Да кромѣ того, у каждаго командира этой части явился вопросъ куда идти на выручку впередъ или назадъ, а это повело къ нерѣшительности въ ихъ движеніяхъ и заставило ихъ опоздать. Голландцы защищались упорно, но окруженные болѣе сильными англійскими кораблями, лишенные поддержки центра, они принуждены были сдаться. Въ результатѣ, англичане взяли 9 кораблей и самъ Адмиралъ Винтеръ

попалъ въ плѣнъ. Адмиралъ Дунканъ прекрасно понелъ, что надо какъ можно скорѣе атаковать противника, а главное отрѣзать его отъ берега, иначе, если онъ будетъ терять время на то, чтобы построиться въ линію, англичанамъ придется отказаться отъ боя.

Винтеръ послѣ боя сказалъ Дункану: „Вы погубили меня тѣмъ, что не выждали покуда корабли ваши построятся въ линію, и если-бы я находился ближе къ берегу и вы атаковали меня, я, вѣроятно, навелъ-бы на него оба флота, и тогда побѣда принадлежала - бы мнѣ."

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, если бы Дункану удалось полностью привести въ исполненіе свой планъ, англичане оказались-бы въ положеніи менѣе выгодномъ, т.к. сраженіе завязалось-бы по всей линіи и въ немъ участвовалъ бы весь голландскій флотъ. Совершенно случайно вышло, что англичане раздѣлились на двѣ колонны, сосредоточили такимъ образомъ свои силы на двухъ частяхъ противника, нарушили у него этимъ взаимную поддержку и выиграли, такимъ образомъ сраженіе; собственно для вывода отсюда тактическаго урока совершенно безразлично вышелъ-ли у англичанъ этотъ маневръ случайно или нѣтъ.

Экспедиція французовъ въ Египетъ 1798 г.

Когда прошелъ первый угаръ революціонной горячки, наступила реакція, отразив-

мaлее также на флотъ. Правительство пришло, наконецъ, къ заключенію, что флотъ не может существовать безъ хорошаго лич-наго состава, и что однихъ республиканскихъ убѣжденій недостаточно, чтобы водить кораб-ли въ море и въ бой противъ непріятеля. Вслѣдствіе этого всѣ офицеры, служившіе во флотѣ при Людовикѣ 16 и уцѣлѣвшіе отъ революціоннаго погрома, получили при-глашеніе вновь поступить на службу, причемъ они, несмотря на свою молодость, — быстро получили высшіе чины и заняли главные мѣста во флотѣ. За этой мѣ-рой послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ для возстановленія личнаго состава, но это оказалось совсѣмъ не такъ легко и долго еще французскому флоту не суждено было опра-виться отъ страшнаго перенесеннаго имъ потрясенія. Это очень хорошо понимали англійскіе адмиралы и въ особенности Нель-сонъ и потому смѣло шли въ бой, обладая несравненно слабѣйшими силами, пренебре-гая часто основными правилами тактики, въ полной увѣренности, что непріятель не съумѣетъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами.

Потерпѣвъ неудачу въ своихъ намѣреніяхъ высадить десантъ на англійскіе берега, фран-цузы начали изыскивать другіе способы на-нести вредъ своему исконному врагу. Гене-ралъ Бонапартъ, который часто говорилъ, что „Великой славы завоеватели добиваются на Востокѣ“, подалъ мысль занять Египетъ, прочно тамъ утвердиться и оттуда угро-

жать англійскимъ владѣніемъ въ Индіи.

Моментъ былъ благопріятный, такъ какъ англичане очистили Средиземное море, и времени терять было нельзя; вслѣдствіе этого въ южныхъ портахъ Франціи начались усиленныя приготовленія къ экспедиціи, причемъ цѣль ея сохранялась въ строгой тайнѣ. Однако войска сосредоточенныя въ портахъ, усиленное вооруженіе военныхъ судовъ и сборъ транспортовъ, поневолѣ возбуждали различные толки и слухи, дошедшіе до англійскаго консула въ Ливорно, который сейчасъ-же сообщилъ объ этомъ Джервису, а послѣдній немедленно отправилъ въ Средиземное море три корабля и четыре фрегата подъ начальствомъ контръ-адмирала Нельсона, чтобы наблюдать за приготовлявшейся экспедиціей. Между тѣмъ слухи о приготовленіяхъ французовъ, вѣроятно, достигли въ это время до Англіи, такъ какъ черезъ короткое время послѣ отдѣленія Нельсона отъ эскадры, Джервисъ получилъ изъ министерства извѣстіе о томъ, что къ нему, въ самомъ непродолжительномъ времени, будутъ высланы сильныя подкрѣпленія, съ тѣмъ, чтобы онъ отдѣлилъ, въ Средиземное море отрядъ изъ 12 линейныхъ кораблей, назначеніе котораго помѣшать во-чтобы-то ни стало экспедиціи французовъ, куда-бы послѣдняя ни направилась.

17 мая 1798 года Нельсонъ появился передъ Тулономъ и съ радостью узналъ, что французы еще не вышли, но черезъ два дня страшный штормъ отъ NW отбросилъ его отрядъ

далеко въ море, причемъ его корабль потерялъ фокъ-мачту и объ остальные стеньги; пришлось, поневолѣ, зайти для исправленія въ одну изъ бухтъ О. Сардиніи.

Между тѣмъ, какъ разъ въ тотъ же день, когда Нельсона отбросило отъ Тулона, французы вышли изъ этого порта; экспедиція состояла изъ нѣсколькихъ сотъ транспортовъ, на которые было посажено 20000 отборныхъ войскъ подъ начальствомъ Генерала Бонапарта, а конвоировали эти транспорты 13 линейныхъ кораблей, съ соответствующимъ количествомъ фрегатовъ и мелкихъ судовъ, подъ флагомъ Вице-Адмирала Брюэса.

Изъ Тулона французы направились по восточную сторону Корсики и Сардиніи, прошли Мессинскій проливъ и 9 іюня явились передъ Мальтой, которая сдалась имъ черезъ три дня, послѣ чего, оставивъ на Мальтѣ гарнизонъ въ 5000 человѣкъ, французы съ попутнымъ вѣтромъ отправились прямо въ Египетъ.

Между тѣмъ Нельсонъ въ четыре дня исправилъ свои поврежденія и 31 мая уже былъ опять передъ Тулономъ, но рейдъ былъ пустъ и онъ не могъ получить никакихъ указаній куда направился непріятель; къ несчастью во время шторма 19 мая онъ разлучился со своими фрегатами, безъ которыхъ былъ теперь какъ безъ рукъ, не имѣя развѣдчиковъ. Въ довершеніе всего наступилъ почти штиль и 5 іюня онъ еще находился противъ Корсики; тутъ засталъ его бригъ

посланный Джервисомъ, чтобы предупредить Нельсона о посылкѣ подкрѣпленій, съ приказаніемъ преслѣдовать французовъ, куда бы они ни направились.

Ставъ во главѣ 14 линейныхъ кораблей, Нельсонъ пустился на поиски. Прежде всего ему пришло въ голову, что французы сдѣлали высадку на берега Италіи, вслѣдствіе чего онъ осмотрѣлъ всѣ бухты до Неаполя, гдѣ узналъ, что французы направились къ Мальтѣ.

Прибывъ туда 22 іюня онъ узналъ, что Мальта взята и что французскій флотъ направился къ востоку. Тогда блеснула въ его головѣ мысль объ Египтѣ и, ни мало не раздумывая, онъ поставилъ всевозможные паруса и полетѣлъ въ Александрію, куда прибылъ 28 іюня, но рейдъ былъ пустъ и никто ничего не слыхалъ о французахъ. Мучимый сомнѣніями, гдѣ искать непріятеля, Нельсонъ совершенно ясно представилъ себѣ, какъ французы овладѣваютъ Сициліей, между тѣмъ какъ онъ находился въ противоположномъ концѣ Средиземнаго моря; поэтому, не давая отдыха своей эскадрѣ, онъ снялся съ якоря и началъ лавировать къ западу. Между тѣмъ на слѣдующій день послѣ его ухода передъ Александріей появились французы и 1 іюля произвели высадку и овладѣли городомъ.

Произошло это оттого, что французскій флотъ, обремененный массой транспортовъ, подвигался очень тихо, почему Нельсонъ его перегналъ, и, на несчастье послѣд-

него, когда они должны бы были быть въ виду другъ у друга нашелъ туманъ; на обратномъ пути Нельсонъ не встрѣтилъ французовъ, вслѣдствіе того, что, будучи вынужденнымъ лавировать, онъ сдѣлалъ первый длинный галсъ къ берегамъ Греціи и какъ разъ въ это время Брюэсъ вошелъ въ Александрію.

Надо замѣтить, что экспедиція французовъ, очевидно, шла въ разрѣзъ съ основными принципами веденія морской войны, и описаніе плаваній враждебныхъ флотовъ ясно показываетъ, что французы только чудомъ избѣгали нападенія на нихъ въ открытомъ морѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, стѣсненные транспортами, они почти навѣрно были-бы разбиты и тогда погибла-бы вся экспедиція.

Раньше чѣмъ приступать къ изложенію Абукирскаго боя, слѣдуетъ выяснить роль французскаго флота послѣ высадки арміи въ Александрію. Положимъ, что флотъ долженъ былъ-бы служить для сообщенія съ Франціею, для доставки оттуда провіанта и боевыхъ припасовъ; но очевидно, что такой роли онъ исполнить не могъ, такъ какъ въ это время Средиземное море находилось во власти англичанъ и не французскому флоту было, при его состояніи въ то время, оспаривать это господство. Въ этой экспедиціи, роль флота была не болѣе, какъ конвоира на время перехода транспортовъ изъ Тулона въ Александрію. Пока экспедиція оперировала въ Египтѣ, флоту дѣлать было нечего, и вторично выступилъ-бы онъ на первый планъ, лишь въ случаѣ неудачи,

для конвоирования обратно въ Тулонъ возвращающихся транспортовъ. Такимъ образомъ и смотрѣлъ на это Бонапартъ, который считалъ, что, пока армія была въ Египтѣ, самою главною цѣлью флота являлось сохраненіе себя въ цѣлости, такъ какъ это должно было служить для арміи нравственною опорою; другого значенія въ это время флотъ не имѣлъ. Бонапартъ, отлично это понимая, предлагалъ а вѣрнѣе даже и приказывалъ адмиралу Брюэсу, — ввести свои корабли во внутреннюю гавань Александріи, а если это окажется невозможнымъ, то идти въ Корфу и тамъ ожидать приказаній, находясь въ полной безопасности, подъ защитой первоклассной крѣпости, каковой въ то время была Корфу.

Возложить же на этотъ флотъ задачу получить господство на Средиземномъ морѣ путемъ пораженія англійскаго флота, а затѣмъ поддерживать сообщеніе съ Франціею, было дѣломъ чрезвычайно рискованнымъ. Вѣдь гораздо больше было вѣроятія, что въ этой борьбѣ разбитъ будетъ французскій флотъ, а тогда армія въ Египтѣ оказалась-бы окончательно отрѣзанною отъ Франціи и, въ случаѣ неудачнаго исхода экспедиціи, она не имѣла-бы никакой надежды на отступленіе. Если-бы до начала экспедиціи еще было рѣшено, что армія не можетъ оперировать въ Египтѣ, не владѣя моремъ, для постояннаго подвоза изъ Франціи провіанта и боевыхъ запасовъ, тогда было-бы чистымъ безуміемъ, со стороны Наполеона, при подобныхъ

условіяхъ предпринимать эту экспедицію. Но въ томъ-то и дѣло, что планъ ея былъ не таковъ. Бонапартъ считалъ, что Египетъ страна настолько богатая, что разъ онъ въ ней утвердится, то уже легко прокормитъ свою армію. Военныхъ-же припасовъ онъ считалъ возможнымъ взять достаточное количество на транспортахъ. При такомъ разсчетѣ, надо было только добраться до Египта и тамъ высадиться, на что еще можно было рискнуть, конечно, въ виду того, что англійскаго флота въ Средиземномъ морѣ не было, или вѣрнѣе французы считали, что его не было. Для обезпеченія-же успѣха, строго сохранялась тайна назначенія экспедиціи и для конвоя его былъ снаряженъ военный флотъ. Но, во всякомъ случаѣ, эта экспедиція была дѣломъ чрезвычайно рискованнымъ. Можно себѣ представить, чтобы стало съ армадой въ 500 почти судовъ, если-бы она была настигнута въ открытомъ морѣ англійской эскадрою, да еще подъ начальствомъ такого адмирала какъ Нельсонъ. Надо думать, что отъ нея не осталось-бы камня на камнѣ. Нельсонъ, съ своей стороны, предвидя возможность встрѣчи съ французской экспедиціей, раздѣлилъ свою эскадру на три отряда, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ заняться уничтоженіемъ транспортовъ; два-же другихъ отряда должны были атаковать эскадру Брюэса, и уже самый фактъ, что нападеніе должно было вестись двумя отрядами доказываетъ то, что Нельсонъ не растянулъ-бы свою линію кораблей по всей

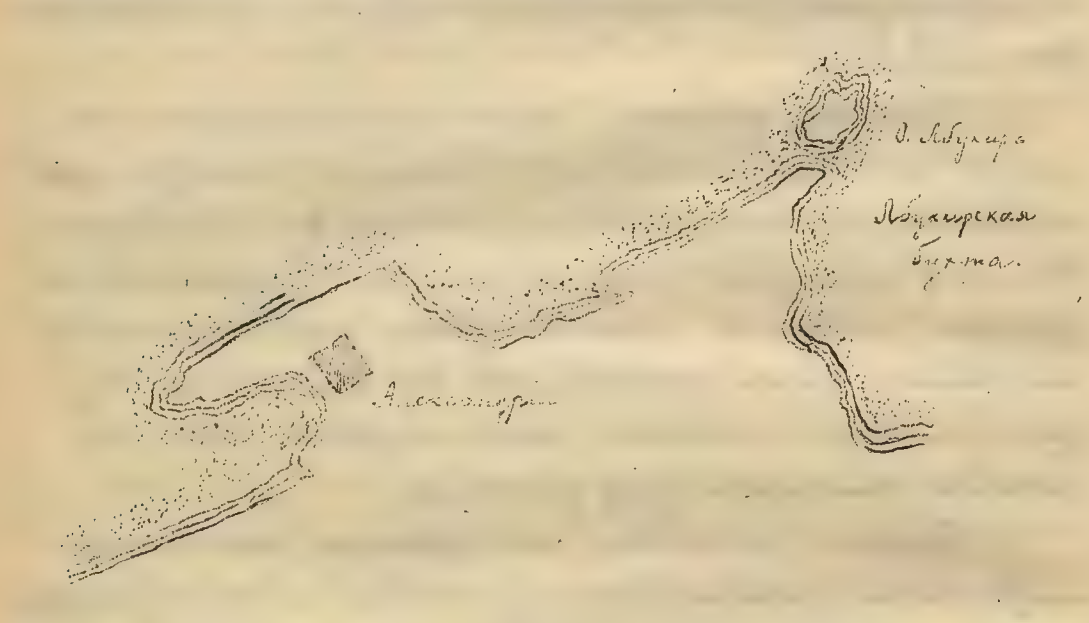
непріятельской линіи, а сосредоточить-бы свои силы въ какомъ нибудь одномъ пунктѣ. Французская же эскадра, хотя сильная числомъ кораблей и ихъ размѣрами, не могла-бы и думать сравниться съ англійской въ искусствѣ стрѣльбы и въ маневрированіи, а потому и не оказалась-бы въ состояніи отпарировать нападеніе Нельсона и была-бы разбита.

Тотъ фактъ, что противники въ морѣ не встрѣтились, конечно, нельзя приписать какому либо разсчету, и это было дѣломъ простой случайности. Ставить же успѣхъ такихъ грандіозныхъ предпріятій, каковымъ была экспедиція въ Египетъ, въ зависимости только отъ случая едва-ли можно считать разумнымъ.

Брюэсъ, очевидно, не усвоилъ себѣ всей мудрости распоряженія Наполеона, не сознавалъ, насколько важно обезопасить флотъ отъ нападенія англичанъ, да кромѣ того, имѣются основанія думать, что онъ, почему-то, считалъ возвращеніе Нельсона къ берегамъ Египта вещью совершенно невѣроятною. Это конечно только показываетъ, какъ мало онъ зналъ своего противника, и быть можетъ судилъ о немъ лишь по себѣ.

По сдѣланному промѣру оказалось, что во внутреннюю гавань можно провести большинство французскихъ кораблей, а остальные легко пройдутъ, если взорвать только два подводныхъ камня. Но если-бы даже не хотѣли прибѣгнуть къ такой мѣрѣ, такъ вѣдь можно было корабли разгрузить, а средствъ для

такой разгрузки, при громадномъ числѣ транспортовъ, было болѣе чѣмъ достаточно. Однако Брюэсъ на это не согласился, а также не пошелъ почему-то въ Корфу, а выбралъ для стоянки своего флота совершенно открытую Абукирскую бухту, расположенную на востокъ отъ Александріи въ 15 миляхъ.

Англійскій морской историкъ Джемсъ утверждаетъ, что Брюэсъ, будто-бы выбралъ, для стоянки флота, Абукирскую бухту, по указанію Бонапарта, который предложилъ ему выборъ между Абукиромъ и Корфу; но предложеніе такого выбора не логично, такъ какъ первый представляетъ открытый незащищенный заливъ, а второй - закрытый рейдъ съ первоклассной крѣпостью. Корфу-же и внутренняя александрійская гавань одинаковы по тому закрытію, которое они представляли для флота и слѣдовательно Бонапартъ могъ предложить Брюэсу выборъ только между этими двумя портами. Подтвержденіе этому взгляду, можно найти

у Мегена въ его сочиненіи: „Вліяніе морской силы на французскую революцію и Имперію." Онъ держится того-же самаго взгляда, что Брюэсъ самъ, по своему почину, пошелъ въ Абукирскую бухту.

Выясненіе причины такого поступка Брюэса важно потому, что оно было одною изъ причинъ пораженія и неудачи всей экспедиціи, Джемсъ возлагаетъ отвѣтственность за это цѣликомъ на Бонапарта.

У Наполеона была еще другая цѣль, вслѣдствіе которой онъ желалъ, чтобы во время дѣйствій войскъ въ Египтѣ - сохранить въ цѣлости свой флотъ - это угроза Турціи.

Дѣйствительно хотя Египетъ, въ то время, былъ въ очень эфемерной зависимости отъ Турціи, но, все-же, Наполеонъ считалъ, что турки могутъ принять эту экспедицію за оскорбленіе для себя и объявить Франціи войну. Пока флотъ цѣлъ, онъ этого не опасался, но съ уничтоженіемъ флота считалъ, что у него не было средствъ вліять на Турцію, и нужно сказать, что онъ оказался глубоко правъ. Когда до Турціи дошли вести о высадки Наполеона въ Египтѣ, турки сейчасъ-же рѣшили при случаѣ отомстить французамъ и начали переговоры съ Россіей. Къ этому-то времени и относятся дѣйствія союзнаго русско-турецкаго флота подъ начальствомъ Ушакова противъ французовъ.

Флотъ этотъ собрался въ Константинополѣ и вышелъ въ море только по полученіи вѣсти о разбитіи французскаго флота въ Абукирѣ. Конечно присоединеніе Россіи и

Турціи къ врагамъ Франціи, имѣло самое гибельное вліяніе на исходъ египетской экспедиціи.

Абукирское сраженіе 1 августа 1798 г.

Между тѣмъ Нельсонъ пришелъ въ Сиракузы и убѣдившись что французовъ нѣтъ въ Сициліи, 24 іюля бросился назадъ въ Египетъ; 1 августа онъ прибылъ въ Александрію, а спустя нѣсколько часовъ англійскій флотъ появился передъ Абукирской бухтой. Французская эскадра была расположена въ одну, не совсѣмъ правильную линію на NNW – 550, причемъ для защиты авангарда на островкѣ Абукиръ была сооружена батарея изъ мортиръ и пушекъ.

Но все-же защита фланговъ была чрезвычайно слаба. Разстояніе между мелью и первымъ кораблемъ было, все таки, достаточно велико, чтобы этотъ флангъ можно было обойти, а батарея на островкѣ Абукиръ была чрезвычайно малой силы и при этомъ находилась въ разстояніи полутора миль отъ фланга, и, собственно говоря, не могла принести никакой пользы.

Около берега было поставлено 4 фрегата, но въ томъ положеніи, въ которомъ они находились, они не могли оказать никакой пользы.

Если-бы эти фрегаты, находясь на мелкой водѣ и такимъ образомъ недосягаемые для непріятеля, были-бы поставлены гдѣ нибудь вблизи головнаго корабля, то они могли-бы стрѣлять въ приближающагося непріятеля, желающаго

обойти NW флангъ, продольными выстрѣлами.

Кромѣ того Брюэсъ долженъ былъ понять, что его линіи грозила еще опасность прорыва; поэтому ему слѣдовало-бы подать съ одного корабля на другой кабельтовы. Но для этого надо было поставить корабли какъ можно ближе одинъ къ другому; между тѣмъ какъ разстояніе между кораблями было оставлено около 100 саж. Такое разстояніе являлось необходимымъ для боя въ морѣ; а позиція-же на якорѣ допускала разстояніе гораздо меньшее.

Затѣмъ Брюэсъ почему то былъ глубоко убѣжденъ, что если непріятель и попытается его атаковать съ одного изъ фланговъ, то выберетъ для этого арьергардъ, и потому, особенно заботясь объ этомъ флангѣ, онъ поставилъ свои самые старые и самые слабые суда въ авангардъ. Трудно собственно представить себѣ, чѣмъ могъ руководствоваться при этомъ Брюэсъ.

Понятно, что въ морѣ, когда нападеніе идетъ, положимъ, съ навѣтра, то непріятелю всего выгоднѣе атаковать арьергардъ, какъ это видно было при изложеніи способовъ нападенія Дж. Клерка, такъ какъ тогда авангарду труднѣе всего придти на помощь: на якорѣ-же это соображеніе значеніе не имѣетъ. Затѣмъ еще непростительный промахъ со стороны Брюэса. Онъ не выслалъ ни одного судна для развѣдокъ, настолько онъ былъ какъ-то слѣпо убѣжденъ, что англичане здѣсь во второй разъ не появятся, а между тѣмъ

въ такихъ судахъ у него не было недостатка.

1 августа дулъ свѣжій N N W. Въ 10 часовъ утра англійскій флотъ пришелъ на видъ Александріи. Скоро открылись его рейды, на которыхъ стояло множество судовъ; но, къ великому своему огорченію, Нельсонъ скоро убѣдился, что линейныхъ кораблей между ними нѣтъ, на стѣнахъ же Александріи развѣвались французскіе флаги. Около часа пополудни, одинъ изъ передовыхъ его кораблей, бывшій восточнѣе другихъ, показалъ сигналомъ, что видитъ по лѣвому крамболу непріятельскій флотъ, выстроенный въ линію.

Нельсонъ немедленно приказалъ своей эскадрѣ привести въ крутой бейдевиндъ и направиться къ мѣсту стоянки французскаго флота и совершенно неожиданно, для послѣдняго, въ 4 часа пополудни появился передъ входомъ въ Абукирскую бухту. Дѣло шло къ вечеру и теперь являлся вопросъ атаковать-ли непріятеля сейчасъ, или отложить эту атаку до завтра? Почему собственно Нельсонъ рѣшился на немедленную атаку, - объ этомъ прямыхъ указаній нѣтъ, но на этомъ слѣдуетъ остановиться.

Ссылки на несдержанность его характера, на желаніе, какъ можно скорѣе, добиться боя, ни на чемъ не основаны и такія причины были-бы недостойны такого человѣка какъ Нельсонъ. Необходимо попытаться объяснить его рѣшеніе атаковать немедленно французовъ болѣе серьезными причинами тѣмъ болѣе, что все повидимому было противъ такой атаки.

Лит. К. Биркенфельда.

Во первыхъ дѣло шло къ вечеру. Нечего было и думать, что бой можетъ окончиться до наступленія темноты, между тѣмъ, надо было входить въ совершенно неизвѣстную неизслѣдованную бухту.

Единственная карта залива, которую имѣлъ Нельсонъ, былъ грубый набросокъ найденный на одномъ изъ захваченныхъ въ морѣ коммерческихъ судовъ. Кромѣ того, стараясь выбраться на вѣтеръ, чтобы обойти Абукирскій мысъ, Нельсонъ приказалъ привести въ самый крутой бейдевиндъ, вслѣдствіе чего въ то время какъ нѣкоторые корабли, подходили уже къ самой бухтѣ, другіе сильно отстали и три заднихъ были едва видны на горизонтѣ; притомъ и всѣ остальные корабли, бывшіе съ нимъ, шли безъ всякаго строя. Казалось-бы, что все должно было убѣдить Нельсона въ томъ, что слѣдуетъ отложить атаку, - вѣдь непріятелю все равно уйти некуда, а если-бы онъ и сдѣлалъ попытку уйти, то, пожалуй, для англичанъ атаковать его въ морѣ явилось-бы дѣломъ болѣе выгоднымъ, чѣмъ атаковывать его на якорѣ, такъ какъ французскіе команды - и Нельсону это было очень хорошо извѣстно, - были чрезвычайно неопытны и, конечно, на якорѣ имъ было-бы легче справиться со своимъ дѣломъ, чѣмъ въ морѣ. О томъ, что французы наливались въ это время водой, что авангардъ французовъ былъ недостаточно защищенъ, что у нихъ не было шпринговъ, что не было протянуто перлиней между судами, Нельсонъ, конечно, знать не могъ, и нельзя указывать на это, какъ на

Капитанъ Генералъ-Маіоръ Привалишинъ

причину его рѣшеніе идти въ атаку. Объ этомъ онъ могъ узнать только во время боя и даже послѣ него. Но что онъ зналъ навѣрное, что онъ видѣлъ своими собственными глазами, это то, что у французовъ не было въ морѣ ни одного сторожевого судна, что появленіе его передъ непріятелемъ явилось для послѣдняго полною неожиданностью. Нельсонъ, какъ и всѣ геніальные военные люди, былъ великимъ психологомъ и отлично сознавалъ, насколько важно убить духъ противника, какой это даетъ громадный шансъ на побѣду. Между тѣмъ извѣстно, что ничто такъ не дѣйствуетъ губительно на моральное состояніе человѣка, какъ внезапность.

Дѣйствіе внезапности подобно бичу, говоритъ одинъ философъ. И вотъ это-то моральное превосходство надъ непріятелемъ, которое было теперь на его сторонѣ, у него въ рукахъ, благодаря внезапности его появленія, ни за что не хотѣлъ упустить Нельсонъ такъ какъ завтра-же это превосходство исчезло бы какъ дымъ.

Для того, чтобы воспользоваться принципомъ внезапности, Нельсонъ и рѣшилъ пожертвовать всѣми вышеуказанными обстоятельствами и, придя на видъ непріятеля, сейчасъ-же сдѣлалъ сигналъ приготовиться къ бою.

Между Нельсономъ и его командирами давно уже было условлено, что въ случаѣ если удасться захватить французскую эскадру на якорѣ, планъ нападенія долженъ состоять въ томъ, чтобы со всѣми своими силами

обрушиться на авангардъ и центръ, а потому теперь для него не требовалось собирать какой-либо военный совѣтъ. Онъ только напомнилъ своей эскадрѣ сигналомъ, что адмиралъ намѣренъ напасть на авангардъ и центръ. Затѣмъ, принимая во вниманіе направленіе вѣтра и расположеніе французовъ, онъ еще сдѣлалъ такой сигналъ: „становясь на якорь, отдавать якорь съ кормы," что позволяло англичанамъ избѣжать при постановкѣ на якорь продольныхъ выстрѣловъ.

Французская линія стояла по вѣтру. Каждый англійскій корабль, становясь на якорь рядомъ со своимъ противникомъ и отдавая его съ носа, долженъ былъ, приходя на канатъ, описать дугу въ 16 румбовъ и въ это время подвергался-бы продольнымъ непріятельскимъ выстрѣламъ, на которые отвѣчать сейчасъ-же не могъ; когда же якорь отдавался съ кормы, то каждый англійскій корабль, становясь на свое мѣсто, тотчасъ-же могъ открыть огонь.

Каковы-же были силы противниковъ? У Нельсона было 11 кораблей, остальные были отставши. Всѣ эти корабли были 74 пушечные, а одинъ изъ нихъ даже 50 пушечный, несчитавшійся въ тѣ времена даже линейнымъ кораблемъ. У французовъ было 13 кораблей; одинъ изъ нихъ 120 пушечный, три- 80 пушечные, а остальные тоже 74 пушечные и притомъ французскіе корабли были несравненно лучшей и болѣе крѣпкой постройки.

Но въ чемъ была громадная разница,

такъ это между личными составами той и другой эскадры. Английская эскадра была часть эскадры Джервиса, а французская только и сдѣлала одинъ переходъ изъ Тулона въ Абукиръ.

Внезапное появленіе англійскаго флота передъ Абукирскою бухтою, обязанное безпечности адмирала Брюэса, какъ и слѣдовало ожидать, произвело во французскомъ флотѣ страшный переполохъ. Да и было отъ чего. Въ этотъ день французскія суда должны были наливаться водою, большая часть шлюпокъ съ значительнымъ числомъ командъ были отправлены на берегъ, а разстояніе до берега было около 3 миль. Дулъ свѣжій вѣтеръ, на рейдѣ было порядочное волненіе и надѣяться на своевременное возвращеніе шлюпокъ было чрезвычайно гадательно. Сейчасъ-же собрался военный совѣтъ у адмирала Брюэса; надо было рѣшить что дѣлать? На совѣтѣ возникъ вопросъ, какъ принять бой: на якорѣ или выходить въ море? За бой въ морѣ подалъ голосъ только одинъ адмиралъ Бланкэ. Всѣ остальные рѣшили принять бой на якорѣ, и первой причиною такого рѣшенія былъ поставленъ тотъ фактъ, что французскія команды на столько неопытны, что справиться одновременно и съ артиллеріей и съ управленіемъ парусовъ, для нихъ представлялось задачею невыполнимой. Вмѣстѣ съ тѣмъ адмиралъ Брюэсъ, въ глубинѣ своей души, все таки еще надѣялся, что Нельсонъ не пойдетъ сейчасъ-же въ атаку. Теперь только онъ сообразилъ, ка-

кой опасности подвергается его эскадра. Какъ было-бы хорошо, если-бы она стояла въ Корфу. У него является внутренняя надежда на отсрочку, которую ему дастъ Нельсонъ и которою онъ воспользуется, чтобы прорваться въ Корфу. Вслѣдствіе этого онъ приказываетъ поднять брамъ-стеньги и брамъ-реи, чтобы съ наступленіемъ ночи сняться съ якоря и уйти, но, конечно, такое его рѣшеніе было-бы на столько-же гибельно, какъ и вообще всѣ его распоряженія. Вѣроятно, онъ въ бою въ открытомъ морѣ былъ бы разбитъ англичанами еще съ меньшими для послѣднихъ потерями, а уйти, конечно, они бы ему не дали. Но какъ-бы то ни было такая надежда у него всетаки была. Однако-же судамъ приказано было завести шпринги, подать съ одного судна на другое перлине, но сдѣлать это оказалось не такъ легко; разстояніе между судами было слишкомъ велико и успѣли это сдѣлать только нѣсколько кораблей.

Такъ какъ англичане продолжали приближаться къ рейду и, очевидно, намѣрены были атаковать, а команды съ берега все еще не возвращались, то приказано было фрегатамъ сняться съ якоря, подойти къ кораблямъ и снабдить тѣхъ изъ нихъ, которые наиболѣе нуждались въ людяхъ. Кромѣ того была употреблена еще военная хитрость: бригъ „Алертъ" былъ посланъ на встрѣчу англійскому флоту для демонстраціи. Онъ подойдя близко къ англичанамъ, внезапно повернулъ, спустился и пошелъ прямо черезъ мель; этимъ движеніемъ онъ хотѣлъ увлечь

за собою англійскіе корабли и навести ихъ, такимъ образомъ, на мель, но хитрость не удалась.

Нельсонъ хотя и выказалъ громадную смѣлость и повидимому даже безразсудство, предпринявъ самую атаку, никогда не поступалъ не по морскому. Будучи отличнымъ морякомъ, онъ прекрасно былъ знакомъ со всѣми случайностями, всегда на нихъ разсчитывалъ, а потому за бригомъ не пошелъ. При подходѣ къ бухтѣ, онъ приказалъ передовому кораблю „Зелусъ", бросая лотъ, огибать отмель; съ остальными-же кораблями держался мористѣе. Затѣмъ онъ предоставилъ командирамъ полную свободу. Единственное указаніе, данное Нельсономъ, было атаковать авангардъ и центръ и стать на якорь, отдавая оный съ кормы. Все-же остальное предоставлялось ихъ личной инціативѣ и въ этомъ-то и состоитъ также большая заслуга Нельсона. Нельзя было предвидѣть всѣхъ случайностей, какъ, кому и гдѣ становиться на якорь. Надежда его на личную инціативу командировъ вполнѣ оправдалась: командиръ, оказавшагося теперь впереди, корабля „Голіафъ", по своей собственной инціативѣ, дѣлаетъ попытку обойти французскій авангардъ съ сѣвера. Для этого, войдя на рейдъ, ему надо было привести въ бейдевиндъ и это, конечно, былъ самый удобный моментъ для того, чтобы командиру передоваго французскаго корабля попробовать продольными выстрѣлами нанести ему какое-нибудь поврежденіе.

Достаточно было перебить у него какой нибудь брас, чтобы Голиафъ принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія, но однако этого не было, благодаря отсутствію инціативы у французскаго командира, который ждалъ сигнала объ открытіи огня. Между тѣмъ, Адмиралъ Бланке въ это время только возвращался съ военнаго совѣта и опоздалъ, вгребая къ своему кораблю противъ свѣжей волны. Онъ можетъ быть и видѣлъ маневры англичанъ, но сдѣлать распоряженій не могъ, а когда онъ присталъ къ борту и поднялъ сигналъ „открыть огонь", то два англійскихъ корабля были уже почти внѣ выстрѣловъ и, въ свою очередь, проходя мимо перваго въ линіи французскаго корабля, дали по немъ два продольныхъ залпа и привели его уже этимъ однимъ почти въ полную негодность. Передовой англійскій корабль отдалъ якорь съ кормы противъ перваго французскаго, но вслѣдствіе свѣжаго вѣтра высучило весь канатъ и онъ остановился противъ третьяго французскаго корабля.

Второй за нимъ занялъ его мѣсто, причемъ сталъ, такимъ образомъ, что могъ бить передового француза продольными выстрѣлами въ то время какъ самъ былъ почти въ полной безопасности.

Затѣмъ еще три англійскихъ корабля послѣдовали за двумя передовыми, при чемъ одинъ изъ нихъ (4) прошелъ въ промежутокъ между первымъ и вторымъ французскими кораблями и расположился

такъ, что могъ разстрѣливать ихъ обоихъ продольными залпами.

Такой маневръ оказался для французовъ полною неожиданностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что въ страшной суматохѣ, когда готовились къ бою, то они раскрыли пушки только праваго борта, а весь лѣвый бортъ завалили всѣмъ тѣмъ хламомъ, который находился въ батареяхъ и между прочимъ массою бочекъ, приготовленныхъ для наливки водою. Лѣвые пушки не въ состоянiи были отвѣчать англичанамъ чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что черезъ 10 минутъ послѣ начала боя у передоваго французскаго корабля были сбиты всѣ три мачты и два слѣдующихъ корабля были приведены почти въ полную негодность. Въ это время солнце спустилось за горизонтъ и быстро начало темнѣть; между тѣмъ сраженiе только началось и дальнѣйшiй бой долженъ былъ слѣдовательно происходить ночью. Въ виду этого Нельсонъ приказалъ поднять вмѣсто синихъ бѣлые флаги для того, чтобы англiйскiе корабли могли легче отличить другъ друга въ темнотѣ, а кромѣ того каждый англiйскiй корабль поднялъ по четыре фонаря. Шестымъ въ линiи шелъ Нельсонъ; видя, что два передовыхъ непрiятельскихъ корабля приведены почти въ беззащитное состоянiе, причемъ оба находятся подъ дѣйствiемъ продольныхъ выстрѣловъ англичанъ, Нельсонъ отдалъ якорь противъ третьяго французскаго корабля. Остальнымъ, слѣдовавшимъ за нимъ коман-

дирамъ не понадобилось никакихъ сигналовъ, никакихъ указаній. Каждый понялъ почему Нельсонъ сдѣлалъ этотъ маневръ, и потому всѣ прошли дальше.

№№ 9 и 10 стали противъ слѣдующихъ двухъ французскихъ кораблей, а 7 и 8 противъ непріятельскаго центра. Остальные четыре англійскихъ корабля были въ слѣдующемъ положеніи № 12, нѣсколько отставшій подходя къ бухтѣ, въ темнотѣ сталъ на мель, а потому концевой корабль № 11 остался у него для оказанія помощи; № 13 и № 14 еще не подошли къ бухтѣ.

Въ послѣдовавшемъ затѣмъ фазисѣ боя, очевидно, французы были въ самомъ грустномъ положеніи. Ихъ самые слабые и самые старые корабли оказались сжатыми съ двухъ сторонъ, но, не смотря на это, они защищались храбро. Одинъ изъ англійскихъ историковъ говоритъ, что защита передовыхъ французскихъ кораблей была просто безпримѣрная въ исторіи. Только черезъ три часа послѣ начала боя, четыре передовыхъ французскихъ корабля сдались, а пятый потерялъ фокъ и гротъ-мачты, обрубилъ канатъ, сдался по вѣтру и вновь сталъ на якорь около адмирала, оставивъ предъ носомъ своего задняго мателота свободное пространство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сейчасъ-же освободилъ англійскіе корабли №№ 5 и 10, которые сдались за нимъ и заняли позицію по обѣ стороны корабля Брюэса.

Между тѣмъ въ центрѣ французской линіи дѣло началось далеко не такъ счастливо

дие англичанъ, какъ въ авангардѣ. Здѣсь англійскіе корабли №: 7 и 8 оказались противъ самыхъ сильныхъ французскихъ и сейчасъ это пришлось имъ на себѣ почувствовать, особенно кораблю № 8. Ему пришлось сражаться съ 120 пушечнымъ, самымъ сильнымъ, кораблемъ французскаго флота. Скоро у него свалились гротъ и бизань мачты и тогда онъ обрубилъ канатъ и рѣшился спуститься подъ фокомъ по вѣтру, но подбитая фокъ-мачта не выдержала напора вѣтра и свалилась за бортъ, вслѣдствіе чего ему пришлось подъ однимъ блиндомъ дрейфовать вдоль французской линіи, подвергаясь ея огню; послѣ чего онъ сталъ на якорь въ глубинѣ бухты.

Положеніе англичанъ въ центрѣ было-бы чрезвычайно тяжелымъ, если-бы въ эскадрѣ Нельсона командиры не были-бы воспитаны въ принципѣ взаимной поддержки.

Къ мѣсту сраженія стремились отставшіе англійскіе суда (11, 13 и 14), обошедшіе опасную мель, благодаря ставшему на ней кораблю (12), служившему имъ маякомъ, прямо направились къ самому важному мѣсту сраженія, руководимые огнемъ выстрѣловъ.

Корабли №: 13 и 14 становятся по обѣимъ сторонамъ французскаго главнокомандующаго, между тѣмъ какъ №: 11 расположился передъ носомъ его передняго мателота, пользуясь пустымъ пространствомъ, оставленнымъ подрейфовавшимъ французскимъ кораблемъ №: 5.

Такимъ образомъ французскій центръ, въ числѣ четырехъ кораблей, изъ которыхъ одинъ былъ уже совершенно разбитъ въ первомъ сраженіи боя, оказывающіяся окруженными со всѣхъ сторонъ шестью англійскими кораблями и изъ нихъ тремя совершенно свѣжими. Но здѣсь были самые сильные французскіе корабли и они сильнѣе всего защищались. Бой долгое время ни склонялся ни на ту, ни на другую сторону какъ вдругъ, въ 9 часовъ вечера, показался огонь изъ подъ бизань-русленей французскаго адмиральскаго корабля. Англичане, желая этимъ воспользоваться, сосредоточили свой огонь прямо на это мѣсто, чтобы помѣшать французамъ тушить пожаръ и дѣйствительно пожаръ началъ распространяться по кораблю съ ужасающею быстротою.

Взрывъ корабля былъ неизбѣженъ, а потому всѣ окружающіе суда на время прекратили бой, чтобы принять всевозможныя мѣры предосторожности: англичане задѣлали порты и люки, убрали съ палубъ всѣ горючія вещества и приготовили къ дѣйствію помпы и людей съ ведрами; три французскихъ корабля, слѣдующихъ за адмиральскимъ, обрубили канаты и удалились отъ горѣвшаго флагмана, причемъ два изъ нихъ выбросились на берегъ въ глубинѣ бухты, а третій - задній мателотъ адмирала, опять сталъ на якорь подъ носомъ командующаго французскимъ аррьергардомъ - Контръ Адмирала Вильнева.

Между тѣмъ пламя приближалось къ крюйтъ-каморѣ, и въ 10 часовъ вечера французскій адмиральскій корабль взлетѣлъ на воздухъ съ ужаснымъ трескомъ, обдавъ горящими обломками своихъ ближайшихъ сосѣдей, на которыхъ однако удалось потушить начавшійся въ нѣсколькихъ мѣстахъ пожаръ. Только густое облако дыма и вода, покрытая золой, указывали еще, нѣкоторое время, гдѣ сражался и потонулъ сильнѣйшій корабль французскаго флота, унесшій съ собою въ пучину большую часть своего доблестнаго экипажа и счастье французовъ. Адмиралъ Брюэсъ еще въ самомъ началѣ сраженія получилъ двѣ раны: въ лицо и въ руку; когда же онъ сходилъ съ мостика на шканцы, непріятельское ядро разорвало его почти пополамъ; онъ не позволилъ снести себя внизъ, заявивъ, что „французскій адмиралъ долженъ умирать на шканцахъ" и, къ счастью своему, скончался раньше, чѣмъ начался пожаръ на его кораблѣ.

Вѣтеръ совершенно затихъ отъ усиленной пальбы и страшнаго взрыва; сраженіе тоже какъ будто прекратилось: въ продолженіи четверти часа не слышно было ни одного выстрѣла; природа и люди казалось оцѣпенѣли передъ свѣжей могилой нѣсколькихъ сотъ людей.

Первый оправился и открылъ огонь передній мателотъ погибшаго французскаго адмирала, но, окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, онъ скоро лишился всѣхъ трехъ мачтъ и принужденъ былъ сдаться.

Около полночи наступилъ опять перерывъ до 4 час. утра 2 августа, когда нѣсколько англійскихъ кораблей наименѣе поврежденныхъ (14, 3, 11) спустились къ французскому аррьергарду, чтобы его атаковать; обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами съ непріятелемъ, французы вытравили канаты и сдались подъ вѣтеръ, гдѣ стали на якорь внѣ англійскихъ выстрѣловъ, кромѣ передняго корабля, который, лишенный якорей и всѣхъ трехъ мачтъ, понесло прямо на берегъ. Тогда англичане направились къ берегу, гдѣ на мели уже стояли два французскихъ судна, выбросившихся на берегъ передъ самымъ взрывомъ адмиральскаго корабля, которые теперь, при первыхъ выстрѣлахъ непріятеля, спустили свои флаги.

Между тѣмъ, оставшіеся цѣлыми три корабля французскаго аррьергарда и два фрегата, воспользовавшись отсутствіемъ англичанъ, въ 11 час. утра 2 августа, снялись съ якоря и направились въ море; кораблямъ „Вильгельмъ Тель", подъ флагомъ Контръ-Адмирала Вильнева, „Женеро" и фрегатамъ удалось выйти однимъ галсомъ изъ бухты, а третій корабль, бывшій подъ вѣтромъ, не могъ за ними слѣдовать и выбросился на берегъ.

Всѣ остальные англійскіе корабли были настолько повреждены, что только одинъ изъ нихъ (2) рѣшился преградить дорогу уходящему непріятелю, но при этомъ онъ самъ оказался настолько избитымъ, что

Нельсонъ поспѣшилъ отозвать его сигналомъ, опасаясь, чтобы онъ не попалъ въ руки французовъ.

Такимъ образомъ, къ утру 2 августа, изъ 13 французскихъ кораблей, одинъ взлетѣлъ на воздухъ, восемь было взято, два спаслись и еще два стояли на мели, причемъ одинъ изъ нихъ былъ совершенно безъ мачтъ съ флагомъ, пригвожденнымъ къ обломку грот-мачты.

Такъ окончилось это, знаменитое въ лѣтописяхъ военныхъ флотовъ, сраженіе, въ которомъ обѣ стороны соперничали другъ передъ другомъ храбростью, но не искусствомъ, такъ какъ послѣднее было цѣликомъ на сторонѣ англичанъ.

По поводу этого боя возникаетъ невольно вопросъ: чему обязаны англичане своею побѣдою и что могли-бы сдѣлать французы, для парализованія маневровъ англичанъ? Англійскіе корабли потерпѣли очень много отъ французскихъ выстрѣловъ. Причина этого лежитъ въ томъ, что французскій флотъ принялъ бой на якорѣ, такъ что его команды могли все свое вниманіе обратить на дѣйствіе артиллеріи. Если-бы французскій флотъ, при тѣхъ-же обстоятельствахъ, принялъ бой въ морѣ, то англичане разбили бы его точно также, но съ гораздо меньшими для себя потерями. Конечно, Нельсонъ это прекрасно сознавалъ и это сознаніе должно было служить ему одною изъ причинъ не нападать на французовъ, стоящихъ на якорѣ, но какъ уже

это было указано выше, онъ поступилъ такъ, чтобы воспользоваться внезапностью своего появленія. Затѣмъ, уже выбравъ моментъ для атаки, онъ распорядился этой атакой какъ нельзя лучше. Командиры, знакомые съ его планами, понимали его съ полуслова, имъ не надо было никакихъ детальныхъ указаній, они дружно окружили авангардъ французовъ.

Затѣмъ самъ Нельсонъ, своимъ примѣромъ, показалъ, что надо дѣлать командирамъ, слѣдовавшимъ за нимъ. Такимъ образомъ въ первомъ періодѣ боя, весь англійскій флотъ былъ сосредоточенъ противъ части авангарда непріятельскаго флота. Покончивши съ этой частью, онъ перешелъ къ слѣдующей и точно также разбилъ и ее, причемъ командиры отставшихъ англійскихъ кораблей сразу соображали куда имъ нужно направлять свои удары. Затѣмъ уже взятіе кораблей, которые были въ глубинѣ бухты, не представляло никакихъ затрудненій.

Чтоже могли-бы сдѣлать французы?

Конечно, прежде всего, могли-бы гораздо сильнѣе укрѣпить свой N W флангъ. Ихъ передовой корабль могъ быть поставленъ вплотную къ отмели; фрегаты, какъ уже было сказано выше, могли быть также поставлены у этого фланга. Всѣ корабли могли быть расположены на гораздо меньшей между собою дистанціи и между ними могли быть протянуты кабельтовы. Но не сдѣлавши всего этого, не могли-ли французы

предпринеть чего либо уже после начала боя, чтобы поправить дѣло? Вѣдь напр. на слѣдующій день Вильнев, при томъ же вѣтрѣ, при тѣхъ же обстоятельствахъ, имѣлъ же возможность сняться съ якоря и выйти изъ бухты. Если-бы онъ сдѣлалъ это въ тотъ моментъ, когда былъ атакованъ французскій авангардъ (вѣдь этотъ авангардъ защищался же въ продолженіи трехъ часовъ), то имѣя достаточно времени онъ могъ бы подойти на помощь къ авангарду и окружить Нельсона. Кромѣ того Вильневъ со своими кораблями имѣлъ полную возможность преградить доступъ на рейдъ, кораблямъ 11, 13 и 14, пришедшимъ такъ поздно во второй моментъ боя, а также могъ завладѣть кораблемъ стоящимъ на мели. Но ничего этого онъ не сдѣлалъ. А между тѣмъ, если бы трехъ пришедшихъ послѣ кораблей не было, французы оказались бы въ центрѣ очень сильными, такъ какъ другіе англійскіе корабли, были еще не свободны — французскій авангардъ еще защищался.

Поведеніе Вильнева вызвало на него массу нареканій и хотя онъ и старался оправдать свой образъ дѣйствій, но оправданіе его сводились большею частью къ тому, съ чѣмъ мы уже встрѣчались и раньше, что онъ, чтобы сняться съ якоря ждалъ приказаній отъ Брюэса. Не было иниціативы у французскихъ адмираловъ и капитановъ. Они были чрезвычайно храбры въ бою, но иниціативы, умѣніе взять на

себѣ отвѣтственность за самостоятельное рѣшеніе — этого у нихъ не было. Эта черта характера Вильнева, его нерѣшительность, должна была-бы послужить урокомъ для французовъ. Вѣдь этотъ же самый Вильневъ впослѣдствіи и привелъ дѣло къ Трафальгарскому бою и, быть можетъ, если-бы его характеръ былъ другой, то этого бы не случилось.

Однако вмѣсто того, чтобы разсуждать, что было-бы въ различныхъ случаяхъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ не случилось, напомнимъ, что, какъ было уже сказано выше, самое искусное нападеніе только тогда дастъ результатъ, когда противники въ чемъ нибудь неравны. Извѣстный историкъ Меченъ, говоритъ по этому поводу такъ: „Если при встрѣчѣ двухъ флотовъ, оба они во всемъ одинаковы, если порознь одинаковы достоинства обоихъ адмираловъ, командировъ, судовыхъ командъ, кораблей и практическаго искусства у обоихъ противниковъ, — результата быть не можетъ. Только если между этими элементами окажется неравенство, присущее имъ по ихъ природѣ, или вызванное обстановкой боя, только тогда исходъ боя будетъ съ какимъ либо перевѣсомъ для одной изъ сторонъ, и тѣмъ больше будетъ перевѣсъ, чѣмъ больше разница." Въ Абукирской битвѣ, разница въ достоинствахъ адмираловъ, командировъ, командъ, искусства въ стрѣльбѣ и въ тактикѣ — была вся цѣликомъ въ пользу англичанъ, а потому и результатъ ихъ побѣды оказался громаднымъ; этому

Читалъ Генералъ-Маіоръ Павлиновъ

результату и этой побѣдѣ французы приписываютъ всѣ дальнѣйшие свои политическiе неудачи и считаютъ, что съ этого дня противъ нихъ выступила Россiя и Турцiя. Благодаря этой проигранной битвѣ они потеряли Iонические острова, взятые Ушаковымъ; потеряли свои владѣния на югѣ Италiи; а на сѣверѣ должны были имѣть дѣло съ Суворовымъ. Затѣмъ о дальнѣйшихъ операцiяхъ на Индiю, конечно, нечего было и думать.

Англичане настолько сильно потерпѣли во время этого боя, что не скоро могли выбраться изъ Абукирской бухты, и воспользоваться французскими призами почти имъ не удалось. Изъ девяти взятыхъ кораблей, три пришлось сжечь на мѣстѣ за ихъ негодностью. Остальные были приведены въ Гибралтаръ, гдѣ пришлось еще одинъ оставить какъ понтонъ. Пять были доведены до Плимута и только три изъ нихъ, послѣ весьма капитальныхъ исправленiй, могли идти въ дѣло; да и то собственно англичане стояли за исправленiе этихъ кораблей, потому что они были 80 пушечные прекрасно построенные и обладавшие прекрасными качествами; англичанамъ-же особенно хотѣлось имѣть въ своемъ флотѣ такiе корабли и съ нихъ они снимали чертежи для своихъ новыхъ построекъ.

Послѣ Абукирской битвы Нельсонъ послалъ сейчасъ объ ней донесенiе съ однимъ изъ своихъ флагъ-капитановъ на кораблѣ „Леандръ". Но справедливо опасаясь, что въ морѣ съ нимъ

легко могли встрѣтиться французскіе корабли, онъ отправилъ въ Неаполь еще бригъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ, а третьего гонца направилъ въ Индію, такъ какъ (какъ упомянуто было выше) египетская экспедиція была первою ступенью къ походу на Индію и очень важно было дать знать губернатору Индіи, что французскій флотъ уничтоженъ, что французы въ Индію не двинутся. Извѣстіе это поспѣло какъ разъ во время - въ Индіи уже началось броженіе умовъ, въ надеждѣ на прибытіе французовъ.

Корабль „Леандръ", шедшій съ флагъ-капитаномъ Нельсона, встрѣтился съ однимъ изъ ушедшихъ кораблей - „Génѐreux" и такъ какъ онъ былъ почти цѣлъ, въ бою не участвовалъ, да и былъ гораздо сильнѣе, то онъ легко заставилъ „Леандръ" сдаться и привелъ его, въ видѣ приза, въ Корфу. Но судьба этого корабля на этомъ не окончилась. Какъ было упомянуто выше, въ это время адмиралъ Ушаковъ съ русско-турецкимъ флотомъ очищалъ отъ французовъ Іоническіе острова и когда онъ осадилъ Корфу, тамъ стояли въ то время два французскихъ корабля: „Génѐreux", ушедшій изъ Абукирской бухты, и взятый имъ „Леандръ".

Въ одну изъ темныхъ ночей „Génѐreux" выкрасилъ паруса въ черный цвѣтъ, прорвалъ линію русско-турецкихъ судовъ и ушелъ во Францію, а „Леандръ" попалъ въ наши руки; и мы будучи въ это время въ союзѣ съ Англіей подарили ей этотъ корабль.

Экспедиція англичанъ въ Копенгагенъ.

Въ самыхъ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія и первыхъ нынѣшняго англичане, не сдерживаемые болѣе вооруженнымъ нейтралитетомъ, какъ это было въ царствованіе Екатерины и пренебрегая установленными этимъ нейтралитетомъ правилами, обратились къ прежней своей теоріи, т. е. къ номинальной блокадѣ, считая, что достаточно только объявить о блокадѣ извѣстнаго берега, а это, конечно, давало возможность объявить берега блокированными на громадномъ протяженіи. Въ этотъ періодъ времени, находясь въ войнѣ съ Франціею и съ Испаніей, они объявили въ блокадѣ всѣ ихъ берега и тѣмъ сильно затрудняли торговлю съ этими странами остальныхъ государствъ.

При этомъ еще англичане, пользуясь силою, прибѣгали относительно торговыхъ судовъ другихъ націй, къ самымъ несправедливымъ, дерзко насильственнымъ мѣрамъ.

Англійскіе крейсеры позволяли себѣ осматривать нейтральные суда даже тогда, когда они шли подъ конвоемъ судовъ военныхъ, т. е. они значитъ не довѣряли военному флагу нейтральныхъ державъ. Напримѣръ въ Іюлѣ 1800 г. датскій фрегатъ, воспротивившійся такому осмотру, былъ взятъ и отведенъ въ Англію, несмотря на то, что Данія не была въ войнѣ съ Англией. Въ Средиземномъ морѣ произошелъ случай еще болѣе

поразительный. Около Барцелоны английские крейсеры встретили шведское коммерческое судно. Подъ видомъ осмотра они отправили къ нему вооруженные шлюпки и затѣмъ безцеремонно имъ овладѣли. А цѣль для овладѣнія этимъ коммерческимъ судномъ была слѣдующая: на рейдѣ Барцелоны стояли два испанскихъ фрегата, которыми имъ хотѣлось овладѣть. Вотъ на этомъ - то шведскомъ коммерческомъ суднѣ, наполненномъ английской командою, подъ шведскимъ коммерческимъ флагомъ они входятъ на барцелонский рейдъ; очевидно испанские власти не обращаютъ на это судно никакого вниманія, полагая, что входитъ судно дружественной державы, а между тѣмъ англичане подкрадываются къ испанскимъ фрегатамъ, внезапно ихъ атакавываютъ, берутъ на абордажъ и уводятъ въ море. Такие поступки, - а ихъ былъ цѣлый рядъ, - конечно не могли быть терпимы и вотъ въ Декабрѣ 1800 г. подписанъ былъ между Россией, Пруссией, Швецией и Даніей союзный договоръ, по образцу вооруженнаго нейтралитета 1780 года. Въ этомъ договорѣ имя Англіи даже не упоминалось, но уже изъ того обстоятельства, что по этому договору осмотръ нейтральныхъ судовъ не допускался, англичане усмотрѣли какъ-бы объявленіе себѣ войны и рѣшили силою заставить союзные державы отказаться отъ этого договора, а кромѣ того арестовали, бывшіе въ портахъ, всѣ коммерческие суда этихъ державъ.

При этомъ положеніе дѣла было такое.

Балтійское море и Финскій заливъ были еще покрыты льдомъ, слѣдовательно русскіе и шведскіе суда не могли выйти изъ портовъ, а на свободной водѣ былъ лишь датскій флотъ. Слѣдовательно терять времени было нельзя и надо было начать кампанію именно въ этотъ моментъ. Силы союзниковъ были такія. Въ Россіи считалось по спискамъ 61 линейный корабль, половина которыхъ была въ Черномъ морѣ. Балтійскій флотъ изъ 31 корабля раздѣлялся между Ревелемъ, Кронштадтомъ и Архангельскомъ. Такимъ образомъ англичане считали, что въ морѣ, въ Финскомъ заливѣ, могутъ идти въ дѣло только 20 кораблей. О состояніи русскаго флота того времени достаточно сказано у Ф. Ф. Веселаго въ его 2 выпускѣ Исторіи Русскаго флота; оно было очень не высоко. Швеція имѣла 11 кораблей въ Карлскронѣ, и Данія — 10 въ Копенгагенѣ. Но всетаки въ суммѣ это была сила, съ которою надо было считаться.

Въ февралѣ 1801 г., первымъ лордомъ адмиралтейства былъ сдѣланъ адмиралъ Джервисъ, извѣстный послѣ С. Винцентскаго сраженія подъ именемъ лорда С. Винцента. Получивъ въ свои руки власть однимъ изъ первыхъ его распоряженій было приказаніе англійской эскадрѣ, находившейся въ Ярмутѣ, сниматься съ якоря и идти въ Балтійское море. Начальникомъ этой эскадры былъ назначенъ адмиралъ Г. Паркеръ, а Нельсонъ получилъ второе мѣсто, хотя онъ былъ начальникомъ этой же эскадры до новаго ея назначенія.

Причина же назначения Г. Паркера была такая. Флоту предстояла очень сложная дипломатическая задача действовать согласно съ дипломатическимъ агентомъ, посланнымъ за двѣ недѣли до выхода эскадры въ Балтійское море, который долженъ былъ достичь отпаденія Даніи отъ союза сѣверныхъ державъ.

И правительство, въ этомъ случаѣ, Нельсону не довѣряло. Оно считало его прекраснымъ боевымъ адмираломъ, но слишкомъ страстнымъ, слишкомъ увлекающимся, чтобы онъ могъ достаточно хладнокровно содѣйствовать дипломатіи. Въ видѣ умѣряющаго элемента и былъ назначенъ начальникомъ этой эскадры адмиралъ Гайдъ-Паркеръ.

Считалось, что Данія и Швеція, вѣроятно, не посмѣютъ сопротивляться англійскимъ требованіямъ, что достаточно будетъ одной угрозы — появленія флота въ Балтійскомъ морѣ, чтобы Данія и Швеція отпали отъ коалиціи. А потому адмиралъ Паркеръ имѣлъ такую инструкцію, что если переговоры съ Даніей окончатся благополучно, а въ этомъ англійское правительство почему-то даже и не сомнѣвалось, — онъ долженъ былъ идти немедленно въ Ревель, уничтожить находившуюся тамъ эскадру изъ 12 кораблей, а затѣмъ идти въ Кронштадтъ и постараться разбить эскадру находившуюся тамъ. Главною силою этого союза, ея душою, считалась Россія и считалось также, что для Швеціи и для Даніи достаточно будетъ одной угрозы, а для Россіи

понадобится и военные дѣйствія.

Затѣмъ въ дальнѣйшихъ его инструкціяхъ было указано, что если Данія и Швеція отпадутъ, то они, вѣроятно, подвергнутся нападенію Россіи и тогда ему предписывалось оказывать имъ всевозможную помощь. При разсмотрѣніи плана экспедиціи видно, что Джервисъ, посылая спѣшно эскадру въ Балтику, когда тамъ стоялъ еще ледъ, руководствовался тѣмъ, чтобы союзниковъ, въ случаѣ неуспѣшности дипломатическихъ переговоровъ, разбить по частямъ - не дать имъ соединиться.

Экспедиція эта была чрезвычайно опасна для линейнаго флота; ему надо было пройти въ Балтійское море, въ которое ведутъ три прохода: Малый Бельтъ, Большой Бельтъ и Зундъ. Малый Бельтъ для линейныхъ судовъ непроходимъ; Большой Бельтъ, хотя для нихъ и доступенъ, но имѣетъ длину около 50 миль и при постоянно существующихъ тамъ теченіяхъ чрезвычайно опасенъ для плаванія, особенно въ зимнее время. Поэтому самымъ удобнымъ проходомъ являлся Зундъ.

При вступленіи въ Зундъ надо было пройти между крѣпостью Кронеборгомъ, расположенной на островѣ Зеландъ и шведскимъ городомъ Гельсинборгъ, въ которомъ не было никакихъ укрѣпленій. Чтобы выйти изъ Зунда имѣются три пролива, одинъ - широкій подъ шведскимъ берегомъ, другой между островами Сальтхольмъ и Амагеръ, по обѣимъ же сторонамъ третьяго пролива расположены

Копенгагенъ и адмиралтейство датскаго флота. Во второй проходъ можно было попасть двумя путями, которые раздѣляются между собою мелью Мидель-грундъ. Больший изъ этихъ проходовъ называется Королевскимъ и при выходѣ изъ него расположенъ цѣлый рядъ мелей, такъ что выйти изъ него было очень трудно.

И такъ англичане, чтобы пройти въ Балтику, избрали Зундъ считая, что Данія сейчасъ же отпадетъ отъ союза и никакихъ препятствій къ проходу не представится.

12 марта Паркеръ вышелъ изъ Ярмута, а 21 сталъ со своею эскадрою на якорь при входѣ въ Зундъ, не доходя до крѣпости Кронеборгъ. Черезъ два дня къ его эскадрѣ присоединился, посланный впередъ, дипломатическій агентъ, объявившій, что датчане безусловно отказываются отпасть отъ коалиціи.

Такимъ образомъ первый разсчетъ англичанъ рушился. Надо было силою заставить датчанъ сдѣлать то, чего отъ нихъ требовали англичане. При этомъ идти теперь Большимъ Бельтомъ и пройти мимо Копенгагена въ Балтійское море было бы неосторожно, такъ какъ въ тылу оставался бы враждебный датскій флотъ. Нужно сказать, что когда вѣсти, объ отказѣ датчанъ отпасть отъ коалиціи, дошли до Англіи, то въ министерствѣ сейчасъ-же появилось сожалѣніе, что эскадрой не командовалъ Нельсонъ. Въ этомъ случаѣ они считали Нельсона выше Паркера; теперь нужна была вся смѣлость и рѣшительность Нельсона, чтобы

достичь желаемаго.

Бомбардирование Копенгагена.

После нѣсколькихъ дней промедленія, — дававшаго датчанамъ время укрѣпиться, — Паркеръ двинулся впередъ. Предварительно имъ послано было коменданту крѣпости Кронеборгъ письмо, въ которомъ онъ спрашивалъ, воспрещаетъ-ли тотъ проходу его флота мимо крѣпости, или нѣтъ, такъ какъ между Даніей и Англіей велись еще переговоры. На это послѣдній ему отвѣтилъ такъ: „я, какъ солдатъ, не имѣю права вмѣшиваться въ политику; но я считаю, что не имѣю права безнаказанно пропустить мимо крѣпости флотъ, намѣреніе котораго мнѣ неизвѣстно." Слѣдовательно надо было мимо крѣпости прорываться. Нужно сказать, что особой опасности это и не представляло. Если-бы на томъ и на другомъ берегу было по крѣпости, то проходить подъ перекрестнымъ огнемъ еще можетъ быть явилось бы дѣломъ труднымъ; но такъ какъ шведскій берегъ совершенно защищенъ не былъ, то англичане выждали попутнаго вѣтра и 30 марта со свѣжимъ NNW направились мимо Кронеборга, держась ближе къ шведскому берегу. Датчане открыли по нимъ огонь, но ни одно изъ ядеръ не долетѣло до англійскихъ кораблей и они совершенно благополучно прошли эту крѣпость. Возвратившійся въ это время изъ Копенгагена агентъ сообщилъ Паркеру, что датчане употребляютъ

всѣ свои усилія чтобы защищать подходъ къ столицѣ и что вооруженіемъ ихъ пренебрегать нельзя, вслѣдствіе чего Адмиралъ Паркеръ, вмѣстѣ съ Нельсономъ, рѣшились сдѣлать рекогносцировку и дѣйствительно убѣдились, что дѣло бомбардированіе Копенгагена — дѣло не легкое.

Самая сильная крѣпость — фортъ Трекронеръ — находилась на концѣ отмели. На островѣ Амагеръ былъ расположенъ рядъ батарей, а начиная отъ крѣпости Трекронеръ вдоль острова Амагеръ было поставлено до 20 различныхъ судовъ. Тутъ были и линейные корабли, и понтоны, и бриги, и плавучіе батареи, а еще семь кораблей и понтоновъ было расположено при входѣ въ Копенгагенскую гавань. Все-же на этихъ судахъ было около 600 пушекъ и большое количество экипажа, для пополненія которыхъ могъ служить гарнизонъ Копенгагена.(*)

На флагманскомъ англійскомъ кораблѣ собрался военный совѣтъ, причемъ Паркеръ, поддерживаемый большинствомъ, не рѣшался атаковать Копенгагенъ, но Нельсонъ окончилъ весь преніе предложивъ взять это дѣло на себя и брался это сдѣлать съ 10 кораблями. Самъ Паркеръ прибавилъ ему еще два корабля и мелкія суда. Съ этими силами Нельсонъ долженъ былъ уничтожить защиту

(*) Линія судовъ вдоль О. Амагеръ оставляла между собою и Мидельгрундомъ проходъ шириною всего въ $2\frac{1}{2}$ кабельтова и глубиною около 36 футовъ.

датчанъ. Прорывъ съ сѣвера былъ признанъ окончательно невозможнымъ, а потому Нельсонъ долженъ былъ войти съ попутнымъ вѣтромъ въ Голландскій проходъ, стать на якорь у южной оконечности Мидель-грунда, выждать когда вѣтеръ перемѣнится и затѣмъ опять съ попутнымъ вѣтромъ войти уже въ Королевскій проходъ и здѣсь атаковать датскую линію.

Адмиралъ Паркеръ, съ оставшимися у него восемью кораблями, долженъ былъ спуститься съ сѣвера, атаковать стоящія тамъ суда и крѣпость и дѣйствовать уже совмѣстно съ Нельсономъ. Отрядъ этотъ имѣлъ еще и другое назначеніе. Такъ какъ Нельсонъ могъ войти въ Королевскій проходъ только съ южнымъ вѣтромъ, то, въ случаѣ какой либо неудачи, если-бы одинъ изъ его кораблей сорвался съ якоря и ему пришлось бы отступать, то путь отступленія былъ-бы только одинъ - къ сѣверу, мимо форта Трекронеръ. Въ этомъ случаѣ Паркеръ долженъ былъ прикрывать отступающаго и стараться не дать ему погибнуть при проходѣ мимо крѣпости. Конечно, экспедиція была чрезвычайно рискованна, именно въ виду того, что отступленіе было невозможно - надо было идти навѣрняка. И вотъ для такой экспедиціи Нельсонъ, по своему характеру, былъ незамѣнимымъ человѣкомъ.

Отдѣлившись отъ Паркера, онъ, съ попутнымъ вѣтромъ, направился въ Голландскій проходъ. Но вѣтеръ понемногу началъ стихать и онъ, едва-едва, добрался до южной оконечности

Мидцель-грунда и сталъ тамъ на якорь.

Въ ночь передъ входомъ отряда въ Королевскій проходъ англичане занялись промѣромъ; капитанъ Гарди, на шлюпкѣ, подобралея почти къ датскимъ кораблямъ при чемъ оказалось, что самая глубокая сторона прохода была та, гдѣ стояли датчане. Между тѣмъ лоцмана, частью взятые изъ Англіи, какъ плававшіе въ этихъ мѣстахъ, частью добытые силою на берегу, всѣ единогласно показывали, что самое глубокое мѣсто прохода - около Мидцель-грунда.

Въ ночь на 2 апрѣля вѣтеръ задулъ съ юга и началъ свѣжѣть; Нельсонъ не спалъ цѣлую ночь, дѣлая распоряженія къ предстоящей атакѣ.(*)

Въ 9 часовъ утра 2 апрѣля при SSO вѣтрѣ, Нельсонъ двинулся въ Королевскій проходъ, причемъ начало оказалось очень неудачно. Одинъ изъ его кораблей не могъ обогнуть южную оконечность банки и въ проходъ не попалъ, два корабля придерживаясь, согласно указанію лоцмановъ, ближе къ Мидцель-грунду, подошли слишкомъ близко и сѣли на мель; можетъ быть еще многіе корабли англійскаго флота постигла-бы та-же участь, если-бы слѣдующимъ за ними не

(*) Англійскіе корабли должны были идти вдоль датской линіи и потомъ становиться каждый противъ соотвѣтствующаго непріятельскаго, бросая якорь съ кормы на мѣстѣ, заранѣе опредѣленномъ; фрегатамъ назначено было дѣйствовать на обоихъ концахъ линіи.

шелъ самъ Нельсонъ. Только тутъ онъ рѣшился держаться ближе къ О. Амагеръ, противно всѣмъ указаніемъ лоцмановъ и первый на своемъ кораблѣ направился вдоль датской линіи, ставъ на якорь противъ корабля, на которомъ находился начальникъ обороны. Въ авангардѣ мѣста двухъ кораблей, сѣвшихъ на мель, были заняты фрегатами; у банки Мидель-грундъ были поставлены бомбарды.

Когда Нельсонъ открылъ огонь, то онъ сразу увидѣлъ, что датчанъ далеко не легко будетъ сбить съ ихъ позиціи. Отчаянно защищаясь они все время поддерживали чрезвычайно сильный огонь, и корабли Нельсона начали терпѣть сильные поврежденія. Около трехъ часовъ продолжался бой, и не видно было никакого ослабленія огня у противника. Положеніе англичанъ становилось опаснымъ, ибо, какъ было указано выше, отступленія имъ не было. Между тѣмъ, адмиралъ Паркеръ по случаю противнаго вѣтра и теченія, не могъ подойти къ тому мѣсту, гдѣ онъ хотѣлъ расположиться со своими судами и ему пришлось стать сѣвернѣе, въ разстояніи около 4 миль отъ крѣпости. Адмиралъ Паркеръ, видя, что бой продолжается три часа, а огонь у датчанъ не дѣлается слабѣе, начинаетъ безпокоиться за участь Нельсона, и негодуетъ на свое бездѣйствіе. „Этотъ огонь слишкомъ губителенъ", говоритъ онъ своимъ офицерамъ, „Нельсонъ не можетъ долго его выдержать.... Если онъ долженъ отступить, то я самъ хочу сдѣлать ему сигналъ къ отступленію, хотя отъ этого

можетъ пострадать моя репутація. Низко было-бы съ моей стороны допустить его нести отвѣтственность за такое дѣло.

Увлекаемый этимъ благороднымъ, но неосмотрительнымъ движеніемъ сердца, онъ даетъ Нельсону сигналъ прекратить бой. Но вотъ какъ принято было это приказаніе. „Фолей", сказалъ Нельсонъ своему флагъ-капитану, „вы знаете, что у меня только одинъ глазъ, и слѣдовательно, я имѣю полное право быть иногда слѣпымъ. Клянусь честью", прибавилъ онъ поднося зрительную трубу къ потерянному глазу, „клянусь я не вижу сигнала Адмирала Паркера. Оставьте висѣть мой сигналъ объ усиленіи огня, и прибейте его, если нужно, къ брамъ-стеньгѣ. Вотъ какъ я отвѣчаю на подобные приказанія."

Этой благородной слѣпости англійская эскадра обязана своимъ спасеніемъ. Если-бы, слѣдуя приказанію Адмирала Паркера, Нельсонъ сдѣлалъ сигналъ объ отступленіи, большая часть его кораблей, уже сильно потерпѣвшихъ въ рангоутѣ, не могла-бы выбраться изъ прохода, — фортъ Трекронеръ, почти вовсе не тронутый, закрывалъ имъ выходъ, и удерживалъ дивизію Адмирала Паркера.

Еще прошло для англичанъ полтора часа въ томительномъ ожиданіи. Датчане нигдѣ не сдавались и только послѣ 4 часовъ упорнаго боя, нѣкоторые понтоны были сбиты съ мѣстъ, другіе загорѣлись и нѣкоторые изъ датскихъ судовъ спустили флаги. Но завладѣть этими судами англи-

чане не могли; какъ только ихъ шлюпки приближались къ сдавшимся судамъ, сейчасъ же съ берега открывался сильный огонь, да кромѣ того, стрѣляли и со сдавшихся судовъ; такой, странный, повидимому фактъ объясняется тѣмъ, что все время съ берега подвозили на суда свѣжія команды и тѣ вновь открывали огонь, не обращая вниманія на спуски флага.

Нельсонъ говоритъ, что никогда еще англичанамъ не приходилось быть въ такомъ критическомъ положеніи. Онъ чувствовалъ, что можетъ быть еще часъ и все его предпріятіе рушится. Тогда онъ прибѣгаетъ къ хитрости. Онъ рѣшается послать парламентера къ наслѣдному принцу, который командовалъ всею обороною, и предлагалъ для посылки парламентера беретъ тотъ фактъ, что датскіе корабли, спустившіе флаги не даются ему въ руки что это противно установившемуся обычаю.

Никогда еще англичане не имѣли такого кровопролитнаго сраженія. Мачты, паруса, снасти были пробиты, истрепаны, разорваны ядрами. Опасаясь стать на мель они не подошли къ датчанамъ на то разстояніе, на которомъ думалъ сражаться Нельсонъ и потому принуждены были дѣйствовать на разстояніи 150 и 200 саженъ противъ кораблей большаго ранга, которые, не имѣя мачтъ, часто вовсе скрывались въ дыму. Кромѣ того англичане, не могли извлечь изъ своихъ вновь

Литографія К. Биркенфельда (В. О. 8 л. № 1.)

отнимъ въ 68 ф. карронадъ всей выгоды, какую дали-бы имъ эти орудія въ сраженіи борть-о-борть. Не смотря на то побѣда въ сраженіи собственно съ датскими судами была на ихъ сторонѣ. Они могли теперь, въ первую благопріятную минуту, подвести къ Копенгагену свои бомбардирскія суда и осыпать городъ зажигательными снарядами. Но бомбардированіе города, а въ особенности съ моря, вовсе не такая страшная вещь, какъ объ этомъ думаютъ. Англичане могли напугать женщинъ и дѣтей, нанести нѣкоторый вредъ частнымъ лицамъ, зажечь городъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и это было-бы все. Адмиралтейство и эскадра, о которыхъ датчане заботились болѣе всего, и къ уничтоженію которыхъ и стремились собственно всѣ усилія англичанъ, были еще въ безопасности; чтобы до нихъ добраться надо было взять фортъ Трекронеръ, а этого англичане сдѣлать были не въ силахъ.

Если-бы Принцъ могъ хладнокровно обдумать положеніе и отказался-бы вступить съ Нельсономъ въ переговоры, то англичане все-равно отступили-бы въ тотъ-же день, подъ выстрѣлами непріятельскихъ батарей, и едва-ли въ такомъ случаѣ спасли всѣ свои корабли. Но на обдумываніе требовалось время, а потому принцъ велѣлъ прекратить огонь и послалъ къ англійскому адмиралу своего адъютанта, Генерала Линдгольма, который имѣлъ приказаніе узнать, съ какою цѣлью Нельсонъ писалъ свое письмо. Послѣдній понялъ, что противникъ

Помощникъ Начальника Академіи Ген.-м. Павлиновъ

колебляется и сразу поднемъ тонъ.

„Я рѣшился послать къ Принцу парламентера, единственно по чувству великодушія," отвѣчалъ Нельсонъ. „Я хотѣлъ дать время датчанамъ перевезти на берегъ раненныхъ. Суда, которыя спустили флаги принадлежатъ мнѣ, и по моему усмотрѣнію я сожгу ихъ, или уведу съ собою; экипажи этихъ судовъ будутъ объявлены военноплѣнными. Только на такихъ условіяхъ я рѣшусь прекратить непріязненныя дѣйствія. Впрочемъ только одинъ Адмиралъ Паркеръ можетъ опредѣлить продолжительность перемирія, и вести о немъ переговоры вы можете на его кораблѣ." До Адмирала Паркера было почти четыре мили, но не смотря на это Генералъ Линдгольмъ отправился къ нему. Планъ Нельсона оттянуть время удался вполнѣ и онъ поспѣшилъ имъ воспользоваться. Едва Линдгольмъ сошелъ съ трапа его корабля, Нельсонъ приказалъ своей эскадрѣ сняться съ якоря послѣдовательно, и, миновавъ фортъ Трекронеръ, выйти изъ канала. Исполненіе этого маневра доказало на дѣлѣ, какъ опасно было-бы его выполнить, если-бы огонь не былъ прекращенъ. Два корабля, одинъ изъ нихъ самаго Нельсона, стали на мель подъ самыми пушками форта; одинъ фрегатъ приткнулся у Мидель-грунда, такъ что третья часть англійскаго флота была на мели. При такихъ обстоятельствахъ, излишнія требованія были неумѣстны. Нельсонъ самъ послѣдовалъ вслѣдъ за Генераломъ Линдгольмомъ на корабль „Лондонъ," и упросилъ Адмирала Паркера подписать перемиріе

на 24 часа, чтобы въ теченіе этого времени успѣть стащить ставшіе на мель корабли, и тогда уже приступить къ болѣе серьезнымъ переговорамъ.(*)

Не смотря на свое утомленіе, англичане въ теченіи этого неожиданнаго перемирія, не теряли ни одной минуты времени. Съ помощью гребныхъ судовъ съ отряда Паркера, они въ продолженіи ночи, успѣли стащить съ мели всѣ свои суда и отбуксировали призы за черту непріятельскихъ выстрѣловъ.

Тогда они возвысили голосъ и потребовали, чтобы датчане не медля отложились отъ своихъ союзниковъ, открыли свои порты англійскимъ кораблямъ, разоружили-бы свою эскадру и признали-бы право осмотра. Датчане отказались исполнить эти требованія и старались оттянуть переговоры, желая чтобы шведы, которыхъ флотъ уже былъ въ морѣ, и русскіе, все еще находившіеся въ Ревелѣ, успѣли укрыть корабли свои на рейдахъ Карлскроны и Кронштадта. Они понимали очень хорошо, что если Данія уступитъ требованіямъ побѣдителя, то Нельсонъ не медля, войдетъ въ Балтику, разобьетъ разрозненныхъ союзниковъ, и явится въ Копенгагенъ съ новыми требованіями.

Переговоры тянулись, а между тѣмъ

(*) Англичане встрѣтивъ, со стороны датчанъ сопротивленіе, тоже начали хлопотать лишь о перемиріи, которое дало-бы возможность Англійской эскадрѣ идти свободно противъ русскихъ и шведовъ.

Адмиралъ Паркеръ уничтожалъ свои призы и вводилъ въ Королевскій фарватеръ бомбардирскія суда. Датчане, съ своей стороны, устраивали новыя батареи и съ твердостью ожидали возобновленія непріязненныхъ дѣйствій.

Между тѣмъ скончался Императоръ Павелъ I-й и датское правительство узнало объ этомъ ранѣе англичанъ. Надо было торопиться съ заключеніемъ перемирія, пока эта вѣсть не дошла до англійскихъ адмираловъ, которые навѣрно не упустили-бы такого случая и повысили-бы сейчасъ же свои требованія. Усилія датчанъ увѣнчались успѣхомъ и перемиріе было заключено на 14 недѣль. Данія обязывалась въ теченіи этого времени не участвовать ни въ какихъ мѣрахъ, которыя вздумали-бы принять государства, составляющія союзъ, обязывалась остановить свои приготовленія, и не давать своей эскадрѣ никакихъ повелѣній для открытія непріязненныхъ дѣйствій. Англійскія суда имѣли полную свободу пройти Королевскимъ фарватеромъ въ Балтійское море и, кромѣ того, могли запасаться провизіей и водой, какъ въ Копенгагенѣ, такъ и по всѣмъ берегамъ Ютландіи и Даніи.

На такія, относительно, скромныя требованія, англичане согласились только въ виду того, что они торопились идти дальше. Нельсонъ чувствовалъ, что этотъ трактатъ ничто иное, какъ залогъ неполной побѣды.

По мнѣнію Нельсона, который ничего не зналъ о кончинѣ Императора Павла,

Балтійская экспедиція только что начиналась.

Во всяком случаѣ Нельсонъ, въ днѣ при Копенгагенѣ, высказал массу смѣлости и настойчивости и этотъ день справедливо считается однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ его карьерѣ. Онъ одинъ могъ рѣшиться предпринять борьбу съ такими огромными препятствіями и ихъ преодолѣть. Для сравненія можно указать, что когда въ 1807 году, послѣ Тильзитскаго мира, Англія рѣшилась сдѣлать новое нападеніе на Копенгагенъ, тоже безъ объявленія войны, то для выполненія того, что Нельсонъ сдѣлалъ съ 12 кораблями, послано было 25 линейныхъ кораблей, 40 фрегатовъ и 27000 войскъ. Опять Зундъ прошли до объявленія непріязненныхъ дѣйствій, но ни одинъ корабль не вошелъ въ Королевскій фарватеръ. Островъ Зеландія былъ окруженъ цѣпью судовъ; войско было высажено на берегъ ниже Гельсинора, и Копенгагенъ, сожженный бомбами и каленными ядрами, уступилъ только правильной осадѣ.

12 апрѣля адмирал Паркеръ вошелъ въ Балтійское море. Прежде всего онъ направился къ Борнгольму, гдѣ, по слухамъ, была шведская эскадра. Но оказалось, что она уже ушла въ Карлскрону, а вмѣстѣ съ тѣмъ, тутъ-же адмирал Паркеръ получилъ письмо отъ графа Палена, извѣщавшее его о смерти Императора Павла и о томъ, что новый Императоръ желалъ-бы возстановить дружескіе отношенія съ Англіею. Въ виду этого, адмирал Паркеръ вернулся отъ острова Борнгольма въ Данію

и сталъ на якорь въ Кбгэ-бухтѣ. Здѣсь онъ получилъ предписаніе изъ Англіи возвратиться назадъ, сдавъ начальство эскадрой адмиралу Нельсону. Вѣроятно это было уже нѣсколько запоздалое назначеніе, такъ какъ отзывъ адмирала Паркера состоялся, быть можетъ, тогда, когда предполагали, что англійской эскадрѣ придется дѣйствовать силою и если бы англійское министерство было увѣдомлено во время о настоящемъ положеніи дѣлъ, то оно вѣроятно не отозвало-бы адмирала Паркера.

Послѣдній, узнавъ о происшествіи, вслѣдствіе котораго морская коалиція сѣверныхъ державъ должна была рушиться сама собою, хотѣлъ было выжидать, но такое положеніе не могло нравиться его пылкому преемнику. Еще 9 апрѣля Нельсонъ писалъ Графу С. Винценту: „Если-бы отъ меня зависѣло, то я уже 15 дней тому назадъ находился-бы у Ревеля, и ручаюсь, что русскій флотъ вышелъ-бы изъ этого порта не иначе, какъ съ разрѣшенія нашего Адмиралтейства".

Поэтому первый сигналъ, которымъ Нельсонъ увѣдомилъ свои корабли, что начальство надъ флотомъ перешло въ другія руки, былъ: „поднять всѣ гребныя суда и приготовиться къ походу".

На слѣдующій день т. е. 7 мая, онъ снялся съ якоря, у Борнгольма отдѣлилъ 4 корабля для наблюденія за шведскимъ флотомъ, а съ 10 кораблями пошелъ въ Ревель. При этомъ онъ послалъ письмо графу Палену такого содержанія: „Я счастливъ подтвердив

Вашему Превосходительству насколько мои инструкціи относительно Россіи имѣютъ мирный характеръ; передайте Его Величеству, что мои намѣренія вполнѣ совпадаютъ съ полученными мною приказаніями. Лучше всего я могу доказать свои добрыя намѣренія приходомъ моимъ съ эскадрою въ Ревель или Кронштадтъ, если Императоръ найдетъ это болѣе удобнымъ. Такимъ образомъ я хочу выразить ту дружбу, которая надѣюсь, будетъ всегда существовать между нашими Августѣйшими Повелителями. Мое присутствіе въ Финскомъ заливѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ большою помощью тѣмъ англійскимъ коммерческимъ судамъ, которыя провели эту зиму въ Россіи. Я позаботился о томъ, чтобы при моей эскадрѣ не было бомбардъ и брандеровъ, чтобы еще яснѣе показать, что главное мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы выразить Его Величеству то глубокое уваженіе, которое я всегда питалъ къ Его Священной особѣ". Письмо это вмѣстѣ съ тѣмъ и ироническое и дерзкое вполнѣ похоже на то, какъ всегда выражался Нельсонъ въ его письменныхъ сношеніяхъ съ мелкими государствами въ Средиземномъ морѣ. Онъ сплошь и рядомъ писалъ имъ письма еще болѣе дерзкія и тѣмъ заставлялъ ихъ себѣ подчиняться.

12 мая онъ прибылъ въ Ревель, но уже три дня какъ русская эскадра прорубила каналъ во льду, вышла изъ Ревеля и была въ Кронштадтѣ.

Идти теперь на Кронштадтъ, бывшій

во всяком случаѣ, очень сильною крѣпостью, было-бы безуміемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пришелъ и отвѣтъ на письмо Нельсона. Императоръ Александръ считалъ появленіе англійскаго флота въ Ревелѣ оскорбленіемъ для себя и вотъ какъ пишетъ графъ Паленъ отъ имени Императора Нельсону: „Императоръ считаетъ Вашъ поступокъ совершенно несовмѣстимымъ съ горячо-выраженнымъ желаніемъ Британскаго кабинета, возстановить дружескія отношенія между обоими Монархіями; Его Величество", продолжаетъ Паленъ, "приказалъ мнѣ Вамъ объявить, Милордъ, что единственную гарантію, которое Его Величество приметъ отъ Васъ, въ честности и прямодушіи Вашихъ намѣреній - это немедленное удаленіе ввѣреннаго Вамъ флота, и никакіе переговоры не могутъ быть начаты раньше чѣмъ какая либо морская англійская сила будетъ находиться въ виду русскихъ укрѣпленій." Не правда-ли, языкъ вполнѣ соотвѣтствующій достоинству Великой Державы. Въ первый разъ въ продолженіи долгихъ лѣтъ, безпокойный, заносчивый духъ англійскихъ моряковъ получилъ суровый, но вполнѣ заслуженный урокъ.

Нельзя не замѣтить, что и теперь англійскіе морскіе офицеры часто нуждаются въ такихъ урокахъ и, конечно, лучше всего знакомы съ этимъ - мы, русскіе моряки.

Нельсонъ понялъ серьезность положенія. Въ этотъ-же день онъ покинулъ Ревель и вышелъ изъ Финскаго залива. Въ отправленномъ

ниѣ графу Палену отвѣтъ онъ изрѣсняс сиѣ старается быть любезнымъ, и письмо его преисполнено извиненій. „Будьте любезны", пишетъ онъ „доложить Его Величеству, что я даже на наружный Ревельскій рейдъ войду только тогда, когда получу на то разрѣшеніе отъ Ихъ Превосходительствъ Губернатора и Командира порта". Нельсонъ тщательно старался скрыть свою досаду, но никогда онъ не могъ простить Россіи своего униженія.

„Я не думаю", говоритъ онъ впослѣдствіи, „чтобы графъ Паленъ осмѣлился написать мнѣ подобное письмо, если-бы Русскій флотъ находился въ Ревелѣ." Но, вѣроятно, онъ ошибся-бы еще разъ. Русскій флотъ, вѣроятно, оказалъ-бы самое упорное сопротивленіе, да еще удалось-ли бы Нельсону справиться съ 20 кораблями, съ которыми ему, быть можетъ, пришлось бы имѣть дѣло, такъ какъ, если-бы ревельскую эскадру не удалось перевести въ Кронштадтъ, то навѣрное Кронштадтская эскадра была-бы послана на помощь въ Ревель. Переводъ нашей Ревельской эскадры въ Кронштадтъ было вполнѣ цѣлесообразно; надо было соединить наши силы, и нельзя ихъ было подставлять подъ удары противника по частямъ, да еще такого противника, отъ котораго можно было ожидать внезапнаго нападенія безъ объявленія войны. Ну а если-бы суждено было русскому флоту быть разбитымъ, это могло быть только причиною для объявленія Англіи войны, и, конечно, не заставило-бы Русское Правительство

преклониться передъ англійскимъ адмираломъ. Война же съ Россіей сулила Англіи массу бѣдъ.

Извѣстно, что Императоръ Павелъ, въ концѣ своего царствованія, серьезно хотѣлъ осуществить походъ въ Индію, который онъ долженъ былъ совершить совмѣстно съ Франціей, и были уже начаты приготовленія къ таковому походу; поэтому англичане очень старались о томъ, чтобы помириться съ Россіей.

На пути изъ Ревеля, Нельсонъ встрѣтилъ фрегатъ „Latona", на которомъ шелъ въ Петербургъ новый англійскій посланникъ, имѣвшій инструкцію для возстановленія мирныхъ отношеній съ Россіей и формально отказаться отъ права осмотра англійскими крейсерами нейтральныхъ.

Послѣ этого Нельсонъ былъ обреченъ на бездѣйствіе, но оно претило его горячей, страстной, натурѣ; чувствуя себя скованнымъ онъ не могъ выносить такого положенія и началъ бомбардировать адмиралтейство просьбами о своемъ отозваніи. Незамѣнимый адмиралъ для боя, Нельсонъ становился несноснымъ когда онъ не находилъ выхода для своей жажды дѣятельности. Такой начальникъ совершенно не соотвѣтствовалъ мирнымъ взглядамъ, относительно Россіи тогдашняго англійскаго министерства, а потому, съ чувствомъ внутренняго облегченія, просьба Нельсона была исполнена и онъ былъ отозванъ въ Англію.

План Наполеона высадки на берега Англии.

По возвращении на родину адмирала Нельсона ожидал совершенно новый род деятельности.

Заветный план Наполеона – была высадка на берега Англии. Еще в 1797 г., после экспедиции Гоша, о которой уже было упоменуто выше, он предложил организовать эту высадку на совершенно других началах; он хотел переправить в Англию армию, посаженную на небольшие плоские гребные суда, но это так и осталось проэктом. Когда Наполеон получил в свои руки власть, сделавшись первым консулом, он сейчас-же приступил к осуществлению своего плана.

В 1801 г. в Булони большая гребная флотилия, состоявшая из 250 судов, была готова и сосредоточена в Булони, где находилось достаточное количество войск для посадки на эти суда. Флотилией командовал один из самых выдающихся офицеров французского флота, адмирал Латуш Тревиль. Существование этой флотилии ужасно безпокоило англичан; общественное мнение было встревоженно и громко требовало энергичных мер против предполагавшагося вторжения. И вот, под давлением того-же общественнаго мнения, начальником оборонительной эскадры был назначен Нельсон.

Он представлял себе, что главною

цълью Наполеона будетъ неожиданное нападенie на Лондонъ, для чего ему будетъ достаточно 40000 человѣкъ. Для произведенiя тревоги въ нѣсколькихъ мѣстахъ, половина этой армiи можетъ быть высажена въ разстоянiи нѣсколькихъ десятковъ миль къ западу отъ Дувра, а другая къ востоку.

Для перехода изъ Булони, при штилѣ, гребнымъ французскимъ судамъ понадобилось не больше 12 часовъ.

Въ этотъ же моментъ, для отвлеченiя вниманiя англичанъ, вѣроятно, французскiй и голландскiй флоты выйдутъ въ море и произведутъ диверсiю противъ ирландскихъ и восточныхъ англiйскихъ береговъ.

Во всякомъ случаѣ эскадры эти, ежеминутно готовые сняться съ якоря, удержатъ англiйскiй флотъ въ Нѣмецкомъ морѣ и Бискайской бухтѣ, и не позволятъ ему подать помощь угрожаемому южному берегу. Поэтому вся надежда остановить вторженiе должна быть положена на оборонительную эскадру, надъ которой было поручено Нельсону начальство. Эскадра эта состояла изъ двухъ частей: во первыхъ изъ фрегатовъ и легкихъ парусныхъ судовъ, которые должны были слѣдить за движенiемъ непрiятеля и, во вторыхъ, изъ гребной-же флотилiи, предназначенной спецiально для защиты береговъ отъ высадки, но число этихъ послѣднихъ судовъ было невелико.

Въ расчетѣ на такой планъ французовъ,

Нельсонъ составилъ для своихъ командировъ нижеслѣдующую инструкцію.

„Если непріятель покажется во время штиля, гребныя суда, съ возможной быстротой, пойдутъ къ нему на встрѣчу, но въ виду ихъ относительной слабости, они должны воздерживаться отъ атаки, а просто слѣдовать за непріятелемъ и выжидать удобный моментъ для вступленія въ дѣло. Если задуетъ хотя маленькій вѣтерокъ, то въ дѣло вступаетъ парусныя суда и на нихъ главнымъ образомъ лежитъ тогда обязанность уничтожить непріятеля. Но если штиль продолжится, гребныя суда, несмотря на огромное неравенство силъ, непремѣнно должны атаковать непріятеля, но лишь только тогда когда онъ подойдетъ къ берегу. Они должны атаковать по возможности половину или двѣ трети французской флотиліи. Необходимо нужно, чтобы люди, назначенные ими командовать, были оживляемы обоюдною довѣренностью другъ къ другу и чтобы ни малѣйшая зависть не имѣла на нихъ вліянія. Нужно, чтобы въ этомъ важномъ случаѣ у всѣхъ насъ была одна мысль, одно желаніе, не допустить непріятеля ступить на нашъ берегъ".

Какъ ни коротка эта инструкція, но она самымъ радикальнымъ образомъ опровергаетъ распространенное мнѣніе о томъ, что Нельсонъ, при своихъ нападеніяхъ, руководился одною безумною смѣлостью, пренебрегая всякими правилами. Онъ это дѣлалъ

лишь тамъ, гдѣ это было необхадимо, гдѣ онъ на то имѣлъ право, руковадясь цѣлями болѣе общими и болѣе важными. Здѣсь же онъ былъ слабѣе а потому всѣ мысли его обращены къ тому, чтобы слабую свою сторону скрыть, чтобы не упустить возможную благопріятную для себя случайность, чтобы сосредоточить всю свою силу противъ части непріятеля, и притомъ воспользоваться слабой его стороной.

Поэтому онъ не пускаетъ въ дѣло свою гребную флотилію, пока непріятель, превосходящій его числомъ, находится въ открытомъ морѣ, т.е. свабоденъ въ сваихъ движеніяхъ и можетъ его раздавить этимъ числомъ. Онъ до послѣдняго момента считаетъ нужнымъ ждать вазможной благопріятной для него случайности - вѣтра, который позволитъ ему пустить въ дѣло сильную сторону сваихъ силъ - парусныя суда.

Наконецъ, въ случаѣ крайности, онъ рѣшается напасть и съ малыми силами на бальшія, но для этого выбираетъ моментъ, когда французы приступятъ къ высадкѣ, т.е. суда ихъ будутъ растянуты вдоль берега и будутъ неподвижны, такъ какъ будутъ стоять на мели; въ этомъ моментъ отъ него зависитъ на какую ихъ часть напасть, сосредаточивъ противъ нея всѣ свои силы и даже въ инструкціи онъ предостерегаетъ своихъ командиравъ противъ противуположныхъ дѣйствій, указывая, что слѣдуетъ напасть на половину или двѣ

противъ французовъ. Притомъ этотъ моментъ является для французовъ еще самымъ невыгоднымъ потому, что на гребныхъ судахъ артиллерія стояла на носу и кормы ихъ были открыты нападающимъ судамъ, а кромѣ того въ этотъ-же моментъ на нихъ нападутъ съ другой стороны англійскія войска со стороны берега, а французскія команды именно въ этотъ моментъ будутъ наиболѣе утомлены длиннымъ переходомъ на веслахъ.

Такимъ образомъ инструкція эта не является плодомъ внезапнаго вдохновенія, — каждое слово ее обдумано и пропитано истинными началами веденія боя, принаровленными лишь къ обстановкѣ, въ которой находился Нельсонъ.

Какъ ни хорошо были расчитаны эти приготовленія къ оборонѣ, но ихъ было недостаточно для общаго нетерпѣнія; англійскія газеты поминутно тревожили правительство, и не переставали повторять, что надобно въ самыхъ портахъ непріятельскихъ раздавить французскую флотилію. Уступая этому безпокойству, Адмиралтейство нашлось вынужденнымъ предписать Нельсону бомбардировать Булонь.

Фактъ этотъ далеко не единственный въ исторіи и съ нимъ всегда надо считаться. Знаменитое Лисское сраженіе тоже произошло подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія.

Въ Августѣ мѣсяцѣ Нельсонъ рѣшился предпринять попытку противъ булонской флотиліи. Онъ хотѣлъ, подойдя къ Булони,

пустить на рейдъ съ попутнымъ вѣтромъ нѣсколько брандеровъ, бомбардируя въ то-же время портъ, и, такимъ образомъ, попробовать сжечь флотилію. Но Латушъ Тревиль, получивши первое извѣстіе о движеніи Нельсоновскихъ судовъ береговой обороны, сейчасъ-же вывелъ всѣ свои суда изъ гавани и расположилъ ихъ въ одну линію передъ Булонью, такъ какъ онъ отлично понималъ возможность ихъ сжечь и притомъ, обладая преимуществомъ въ числѣ, онъ не хотѣлъ терять этой своей выгоды, оставаясь на тѣсномъ рейдѣ.

Нельсонъ былъ чрезвычайно огорченъ выходомъ французской флотиліи изъ гавани, но все-таки рѣшился попробовать взять ее на абордажъ. Для этого былъ составленъ отрядъ изъ 57 шлюпокъ. Раздѣлены они были на 4 дивизіона. При этомъ въ каждомъ дивизіонѣ были двѣ шлюпки спеціально для того, чтобы обрѣзывать канаты непріятельскихъ судовъ и, пользуясь свалкою пока шелъ абордажный бой, брать ихъ на буксиръ и тащить въ море, для чего у нихъ были спеціальные концы съ гаками.

Но его атака, произведенная въ ночь съ 15 на 16 августа, положительно не удалась. Французы все время были на сторожѣ и при первыхъ выстрѣлахъ оказались всѣ на мѣстахъ.

Нападеніе всѣхъ 4 дивизіоновъ было блестящимъ образомъ отбито, при чемъ у англичанъ оказалась масса убитыхъ и раненыхъ.

Литографія К. Биркенфельда (В.О. 8 л. №1).

Затѣмъ былъ заключенъ миръ, но, понятно, что борьба была далеко не кончена и миръ не могъ быть продолжительнымъ; дѣйствительно, въ 1803 году вновь между Англіей и Франціей вспыхнула война.

Кампанія 1805 года.

Бонапартъ, теперь рѣшилъ нанести Англіи смертельный ударъ, высадивъ на ея берега огромную армію, которой англичанамъ нечего было и думать сопротивляться, если-бы ей дѣйствительно удалось высадиться. Еще задолго до заключенія мира были начаты обширныя приготовленія къ этой новой экспедиціи, заключавшіеся въ томъ, что къ сѣверному берегу Франціи стягивались массы отборныхъ войскъ и во всѣхъ портахъ этого берега было заложено множество мелкихъ, большею частью гребныхъ судовъ, которыя должны были перевезти армію черезъ каналъ. Сначала Бонапартъ думалъ обойтись безъ корабельнаго флота, который требовалъ продолжительнаго времени для своего возстановленія и хотѣлъ произвести высадку, воспользовавшись одной изъ тихихъ лѣтнихъ ночей, считая, что гребная флотилія черезъ 12 часовъ послѣ своего выхода достигнетъ Англіи.

Однако опытные моряки успѣли убѣдить его въ томъ, что такое предпріятіе сопряжено съ громаднымъ рискомъ и не имѣетъ почти никакихъ шансовъ на успѣхъ, такъ какъ англичане обладаютъ громадными сред-

Принадлежитъ Начальнику Академіи Ген-м. Римскому

стрвали для наблюденіе за каналомъ и, конечно, приложатъ всѣ усилія, чтобы не прозѣвать выхода французовъ; встрѣча же флотиліи въ каналѣ съ англійскимъ флотомъ должна непремѣнно повести къ полной ее гибели, безъ всякой пользы для Франціи.

Приходилось, такимъ образомъ, позаботиться о томъ, чтобы имѣть возможность владѣть моремъ, хотя-бы только на время перехода флотиліи черезъ каналъ, и обойтись безъ корабельнаго флота тутъ нечего было и думать. Разъ убѣдившись въ вѣрности этого вывода, Бонапартъ съ присущей ему энергіей, принялся за возстановленіе корабельнаго флота; работа сразу закипѣла во всѣхъ французскихъ портахъ какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ, но дѣло это требовало времени, а потому даже къ открытію вновь военныхъ дѣйствій ничего еще не было готово.

Слухи о приготовлявшейся экспедиціи страшно встревожили англичанъ, которымъ оставалось надѣяться только на свой флотъ. Вслѣдствіе этого, сейчасъ же по объявленіи войны, англійскія эскадры заблокировали всѣ французскіе порта, чтобы не дать выйти въ море корабельному флоту.

Наконецъ къ началу 1805 г., Наполеонъ,— въ это время уже Императоръ французовъ, закончилъ всѣ приготовленія и рѣшилъ приступить къ исполненію своего грандіознаго предпріятія.

Съ конца 1804 года къ Франціи примкнула Испанія и силы союзниковъ распредѣлялись такъ.

Въ сѣверныхъ портахъ, между Гавромъ и Остенде, сосредоточено было 120000 войскъ, при 25000 лошадей; для доставки ихъ на противуположный берегъ канала приготовлено было около 2000 различныхъ судовъ, большею частью гребныхъ. Кромѣ этой главной арміи, на флангахъ ея расположено было два отряда: въ Текселѣ 30000 войскъ, съ достаточнымъ количествомъ транспортовъ и съ 7 линейными кораблями для конвоя, и въ Брестѣ эскадра изъ 21 корабля съ транспортами для 25000 чел.; пѣхоты, которые стояли лагеремъ около города. Затѣмъ имѣлось еще линейныхъ кораблей: въ Рошфорѣ 6, въ Ферролѣ 13, изъ которыхъ 5 было французскихъ, въ Кадиксѣ 15, въ Картагенѣ 6 и въ Тулонѣ 11; эскадры эти должны были имѣть на корабляхъ отряды войскъ, которые въ общемъ составляли еще 17000 пѣхоты. Однако испанцы, хотя и обѣщали выставить вышеуказанное число кораблей, но, на самомъ дѣлѣ, когда нужно было дѣйствовать, только очень малая часть ихъ судовъ оказалась въ состояніи выйти въ море. Англичане съ своей стороны держали въ морѣ громадный флотъ, раздѣленный на эскадры, по числу непріятельскихъ портовъ, причемъ всюду они блокировали непріятеля въ превосходныхъ силахъ, исключая испанцевъ, такъ какъ англичане были прекрасно освѣдомлены о состояніи ихъ флота.

„Пусть мы сдѣлаемся хозяевами пролива на шесть часовъ и мы будемъ хозяевами всего міра", говорилъ Наполеонъ, а потому

всѣ его помыслы были направлены къ тому, чтобы дать возможность союзному флоту явиться въ каналъ съ превосходными силами, и разбить или заставить отступить англичанъ, что позволило-бы высадить армію, которая должна была стереть Англію съ лица земли.

Исполнить однако это было очень трудно: союзный флотъ былъ разбросанъ по различнымъ портамъ, расположеннымъ другъ отъ друга на большомъ разстояніи, и у каждаго порта крейсировали англичане въ превосходномъ числѣ, съ кораблями закаленными постояннымъ пребываніемъ въ морѣ, тогда какъ союзники должны были довольствоваться обученіемъ своихъ командъ на рейдѣ.

Однако Наполеонъ и тутъ, при составленіи плана дѣйствій, на чуждой ему стихіи, выказалъ геніальныя свои стратегическія способности. Сознавая прекрасно, что, хотя-бы его эскадрамъ и удалось прорвать блокаду, англичане ни въ какомъ случаѣ не допустятъ ихъ соединенія, онъ задумалъ направить эскадры изъ Бреста, Рошфора и Тулона въ Вестъ-Индію, гдѣ они должны были напасть на англійскія владѣнія. Очевидно англичане, занятые мыслью объ угрожающей ихъ странѣ высадкѣ, не сразу догадаются куда направились французы, но когда имъ станетъ извѣстенъ путь непріятеля, они принуждены будутъ поспѣшить, съ значительными силами, на защиту своихъ

колоній. Между тѣмъ союзные эскадры, соединившись въ Вестъ-Индіи, должны были внезапно возвратиться въ Европу, явиться въ каналъ и прикрывать высадку.

Планъ былъ очень простъ, но могъ быть выполненъ съ успѣхомъ только при одномъ условіи, которое Наполеонъ упустилъ изъ виду: эскадры должны были быть хорошо снабжены, личный составъ хорошо обученъ, а главное - начальникъ флота необходимо долженъ былъ обладать неутомимой энергіей и широкой личной инициативой, чтобы умѣть преодолѣть всѣ препятствія и довести, начерченный ему императоромъ, планъ до конца, несмотря ни на какія, встрѣтившіяся при исполненіи, непредвидѣнные случайности.

Между тѣмъ командующій тулонской эскадрой Вице-Адмиралъ Вильневъ, предназначенный руководить всѣми операціями корабельнаго флота, хотя былъ прекраснымъ морякомъ и личная храбрость его была внѣ сомнѣній, но какъ главно-командующій онъ имѣлъ недостатокъ самый гибельный для своего званія, а именно: онъ былъ лишенъ личной инициативы и обладалъ страшно нерѣшительнымъ характеромъ. Относительно снабженія судовъ и качества командъ, французскій флотъ еще былъ довольно удовлетворителенъ, но испанскій изъ рукъ вонъ плохъ.

Можно также предположить что Наполеонъ посылая свои эскадры въ Вестъ-Индію, раньше чѣмъ заставить вступить

нахъ въ бой съ англичанами, имѣлъ намѣреніе долгимъ совмѣстнымъ плаваніемъ и пребываніемъ ихъ въ океанѣ, сплотить ихъ и сдѣлать ихъ настолько выносливыми и обученными, чтобы онъ съ успѣхомъ могъ-бы бороться со своимъ могущественнымъ противникомъ.

Почти одновременно, въ серединѣ Январѣ 1805 года французскіе эскадры прорвали блокаду Рошфора и Тулона и вышли въ море; то же самое хотѣла сдѣлать эскадра находившаяся въ Брестѣ, но всѣ попытки ея къ прорыву оказались неудачны. Нельсонъ командовавшій англійскимъ флотомъ, расположеннымъ черезъ Тулонъ, находился во время прорыва французовъ у Мадаленскихъ острововъ. Когда фрегаты дали ему знать о выходѣ Вильнева, онъ сейчасъ-же снялся съ якоря; но пошелъ не къ Тулону, а направился къ югу, предполагая, что цѣль французскаго флота - Италія, а можетъ быть опять Египетъ, какъ въ 1798 году. Около береговъ Италіи онъ не нашелъ ничего, а потому поспѣшилъ въ Египетъ, гдѣ также никто даже ничего не слыхалъ о французахъ; пришлось возвратиться назадъ, потерявъ даромъ на поиски около двухъ мѣсяцевъ.

Казалось-бы счастье благопріятствовало французамъ, направивъ самаго ихъ грознаго врага на ложный путь, но тутъ на помощь англичанамъ явилась нерѣшительность Вильнева. Послѣдній, встрѣтивъ по выходѣ въ море штормъ отъ SW, и потерявъ

изъ виду одинъ корабль и нѣсколько фрегатовъ, не нашелъ ничего лучшаго какъ возвратиться въ Тулонъ; такимъ образомъ, вслѣдствіе заботы о судьбѣ нѣсколькихъ судовъ, Вильневъ подвергалъ риску все предпріятіе Наполеона, не рѣшаясь пожертвовать этими судами, что конечно, слѣдовало ему дѣлать имѣя въ виду громадную важность своевременнаго прибытія его эскадры въ Вест-Индію.

Между тѣмъ французскій отрядъ, вышедшій изъ Рошфора, благополучно добрался до Мартиники, оттуда, въ ожиданіи остальныхъ эскадръ, прошелъ по англійскимъ островамъ, нѣкоторые изъ нихъ разорилъ, съ другихъ взялъ контрибуцію, и вдругъ получилъ приказаніе возвратиться въ Европу, вслѣдствіе неудачнаго выхода Вильнева; такимъ образомъ удачное плаваніе этого отряда явилось совершенно безполезнымъ для конечной цѣли предпріятія, и въ серединѣ Мая онъ опять вошелъ въ Рошфоръ, гдѣ вновь былъ заблокированъ англичанами.

Болѣе двухъ мѣсяцевъ Вильневъ употребилъ на всевозможныя починки и, наконецъ, въ концѣ Марта вышелъ въ море, во второй разъ съ эскадрой изъ 11 линейныхъ кораблей. Счастье продолжало ему благопріятствовать, такъ какъ Нельсонъ, все еще занятый мыслями объ Египтѣ, оставилъ передъ Тулономъ только два фрегата, а самъ, съ остальной эскадрой, расположился между Сициліей и берегомъ

Африки, чтобы не пропустить Вильнева на востокъ. Къ тому-же еще англійскіе фрегаты, видѣвшіе выходъ французовъ изъ Тулона, потеряли ихъ затѣмъ изъ вида и ничего не могли донести Нельсону о направленіи выбранномъ непріятелемъ. Только въ серединѣ Апрѣля онъ узналъ, что французовъ видѣли направляющимися къ Гибралтару, и сейчасъ-же поспѣшилъ на западъ, но вѣтеръ былъ противный и только въ началѣ Мае онъ добрался до Тетуана, гдѣ корабли его налились прѣсной водой.

Вильневъ между тѣмъ, придерживаясь къ испанскому берегу, черезъ недѣлю дошелъ до Картагены и послалъ 6 испанскимъ кораблямъ, находившимся въ этомъ порту, приказаніе выйти въ море и присоединиться къ нему. Къ несчастію испанцы оказались безъ пороха и требовали 36 часовъ для его погрузки, а вѣтеръ между тѣмъ дулъ попутный, а потому Вильневъ, не желая упускать благопріятныхъ обстоятельствъ, рѣшилъ продолжать свой путь безъ испанцевъ. Черезъ два дне онъ уже вошелъ въ Кадиксъ, заставивъ отступить англійскій отрядъ изъ 5 кораблей блокировавшій этотъ портъ. Здѣсь къ нему сейчасъ-же присоединился еще одинъ французскій корабль, но изъ 15 испанскихъ кораблей, оказались готовыми выйти въ море только 6, подъ начальствомъ адмирала Гравина, да и то въ очень плохомъ состояніи, такъ что снялись съ якоря

вмѣстѣ съ французами только два испанскихъ корабля, а остальные отстали и затѣмъ уже отдѣльно направились на Мартинику, назначенную сборнымъ пунктомъ. Вильневъ уже подходилъ къ Мартиникѣ, когда Нельсонъ покинулъ Тетуанъ, прошелъ Гибралтарскій проливъ и направился къ сѣверу, не имѣя еще ни малѣйшаго подозрѣнія объ отправленіи союзниковъ въ Вестъ-Индію. Придя въ Лагосъ, онъ засталъ тамъ англійскіе транспорты съ провизіей и съ войсками, предназначенными въ Средиземное море и тутъ-же онъ получилъ свѣдѣнія, заставившія его придти къ заключенію, что Вильневъ отправился къ Антильскимъ островамъ. Извѣстіе это повергло его въ полное отчаяніе: флотъ, наблюденіе за которымъ было поручено ему, тотъ самый флотъ, который онъ поджидалъ глазами впродолженіи долгихъ двухъ лѣтъ и уже иначе не называлъ какъ „мой флотъ", успѣлъ обмануть его бдительность и отдѣленный теперь отъ него цѣлымъ океаномъ, безнаказанно разоряетъ богатые англійскія колоніи. Во-чтобы-то ни стало онъ рѣшилъ послѣдовать за французами и, погрузивъ въ одну ночь только необходимые припасы, онъ вышелъ въ море. Своихъ офицеровъ, оставшихся безъ свѣжей провизіи, онъ утѣшилъ, заявивъ имъ, что: „солонина съ французскимъ флотомъ, лучше ростбифа и шампанскаго безъ этого флота." Отправляясь въ

погоню за союзным флотом, состоявшим изъ 18 линейныхъ кораблей, Нельсонъ нисколько не задумался отдѣлить отъ своихъ 11, одинъ корабль для конвоирования транспортовъ, такъ какъ онъ опасался, что двухъ кораблей, сопровождавшихъ транспорты, будетъ недостаточно, въ случаѣ встрѣчи ихъ съ 6 испанскими кораблями, находившимися въ Картагенѣ.

Между тѣмъ Вильневъ прибылъ на Мартинику и ожидалъ появленіе Брестской эскадры, съ которою вмѣстѣ долженъ былъ направиться въ Европу. Но послѣдняя не могла выбрать ни одного момента, чтобы выйти въ море безъ боя, а потому къ Вильневу были отправлены два корабля съ приказаніемъ возвратиться въ Европу если брестская эскадра не присоединится къ нему до 21 іюня. Придя къ Ферролю съ 20 имѣвшимися у него кораблями, онъ долженъ былъ блокировать этотъ портъ, соединиться съ находящимися тамъ 13 кораблями, идти къ Рошфору, присоединить тамъ къ себѣ еще 5 кораблей, и во главѣ флота изъ 38 кораблей появиться передъ Брестомъ. Тогда английская эскадра, блокирующая этотъ портъ, окажется между двухъ огней и принуждена будетъ отступить, что дастъ Вильневу возможность довести свой флотъ до 59 кораблей, съ которыми онъ и долженъ прикрывать высадку на берега Англіи.

Черезъ три недѣли послѣ Вильнева прибылъ въ Вестъ-Индію и Нельсонъ и,

все еще думая, что французы прибыли сюда специально для разоренія англійскихъ колоній, пошелъ къ Тринидату, куда, по слухамъ, направился непріятель. Однако-же тамъ его не оказалось и Нельсонъ бросился къ сѣверу, но и тамъ французовъ нигдѣ не было. Обойдя всѣ острова отъ Тринидата до Антигуа и нигдѣ не найдя союзниковъ, Нельсонъ рѣшилъ, что непріятель, провѣдавъ о приходѣ англичанъ въ Вестъ-Индію, отказался отъ нападенія на англійскія колоніи и отправился въ Европу, а потому онъ рѣшилъ послѣдовать за нимъ, отправивъ впередъ фрегатъ въ Англію съ извѣстіемъ о возвращеніи непріятеля.

На этотъ разъ Нельсонъ не обманулся; Вильневъ дѣйствительно, узнавъ о появленіи англичанъ у Антильскихъ острововъ, рѣшилъ возвратиться и вышелъ въ море за 10 дней до назначеннаго ему срока. Но чего не разгадалъ Нельсонъ, такъ это плана Императора, а потому онъ считалъ, что Вильневъ направился назадъ въ Средиземное море; вслѣдствіе этого, покинувъ Вестъ-Индію только на три дня позже французовъ, онъ взялъ курсъ на мысъ С. Винцентъ, въ то время какъ союзники шли къ Ферролю.

Между тѣмъ фрегатъ, посланный Нельсономъ впередъ, нагналъ Вильнева, который подвигался очень медленно, задерживаемый плохимъ ходомъ нѣкоторыхъ

испанскихъ кораблей. Выведя изъ курса непріятеля заключеніе, что онъ идетъ въ Ферроль, фрегатъ, форсируя парусами, достигнулъ съ этимъ извѣстіемъ въ Плимутъ, вслѣдствіе чего оттуда было сейчасъ-же послано приказаніе отряду изъ 5 кораблей, находившемуся передъ Рошфоромъ, снять блокаду, соединиться съ 10 кораблями, блокировавшими Ферроль, подъ начальствомъ Адмирала Кальдера, который долженъ былъ съ 15 кораблями ожидать Вильнева въ 100 миляхъ къ западу отъ Ферроля.

22 іюля, въ разстояніи 25 миль къ NW отъ мыса Финистерре, во время тумана, Кальдеръ наткнулся на Вильнева причемъ флоты, построившись въ линію баталіи, впродолженіи четырехъ часовъ сражались на довольно близкомъ разстояніи, послѣ чего разошлись въ разныя стороны. Во время сраженія туманъ сдѣлался настолько густъ, что противники съ трудомъ различали другъ друга, причемъ два испанскихъ корабля упали подъ вѣтеръ и были взяты англичанами. Потерю эту союзники замѣтили только на слѣдующій день, и, хотя противники были еще въ виду другъ у друга, они оба не выказали никакого желанія вступить снова въ бой. Вильневъ имѣя большое преимущество въ числѣ кораблей, конечно, долженъ-бы былъ догнать отступающаго непріятеля и постараться нанести ему пораженіе, хотя-бы для того чтобы поднять

духъ своей эскадры, на которую потеря двухъ кораблей произвела чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе, не говоря уже о томъ, что Калдеръ, присоединившись къ кораблямъ блокировавшимъ Брестъ, значительно затруднилъ выходъ оттуда французовъ. Съ своей стороны Калдеръ сдѣлалъ крупную ошибку, уступивъ такъ легко мѣсто сраженія непріятелю, такъ какъ вся цѣль его поисковъ заключалась въ томъ, чтобы помѣшать Вильневу соединиться съ ферральской эскадрой, а этого-то онъ и не достигъ. Взятіе-же двухъ кораблей, конечно, не имѣло никакого значенія для общаго хода операцій и Калдеру не слѣдовало удовольствоваться такимъ незначительнымъ успѣхомъ.

Послѣ этого Вильневъ направился въ Ферроль, но, не будучи въ состояніи вылавировать туда вслѣдствіе противнаго вѣтра, спустился въ Виго. Тамъ онъ налился водой, запасся провизіей и, оставивъ наиболѣе поврежденные и плохіе въ ходу три корабля, перешелъ въ Ферроль, гдѣ и соединился съ находившейся тамъ эскадрой.

Нельсонъ между тѣмъ плылъ къ Гибралтару и явился туда на нѣсколько дней раньше, чѣмъ Вильневъ встрѣтился съ Калдеромъ; съ удивленіемъ онъ узналъ, что ни одно французское судно не проходило въ Средиземное море. Теряясь въ догадкахъ онъ рѣшился все таки идти къ сѣверу и присоединиться къ эскадрѣ

блокирующій Брестъ, на случай если бы Вильневъ направился въ каналъ; оставивъ тутъ 8 своихъ кораблей, онъ съ остальными двумя направился въ Англію, чтобы лично дать отчетъ въ своей экспедиціи въ Вестъ-Индію и отдохнуть послѣ утомительнаго плаванія; дѣйствительно въ продолженіи двухъ лѣтъ онъ уже не былъ на берегу и нервы его были совершенно разбиты постоянными тревогами и неудачами.

Вслѣдствіе вышеизложенныхъ событій, передъ Брестомъ оказалась английская эскадра изъ 35 кораблей и задача Вильнева становилась все день-ото-дня труднѣе.

Въ Ферролѣ у него было 29 кораблей, да изъ Рошфора, воспользовавшись снятіемъ блокады, вышли въ море для соединенія съ нимъ 5 кораблей. Будь Вильневъ рѣшительнѣе, ему все-таки слѣдовало-бы идти къ Бресту и вступить тамъ съ англичанами въ отчаянное сраженіе; даже если-бы онъ былъ разбитъ, то и непріятель потерпѣлъ-бы такъ сильно, что не могъ-бы продолжать блокады, и тогда брестская эскадра могла выйти и прикрыть высадку. На это расчитывалъ и Наполеонъ, писавшій ему: „выходите во чтобы то ни стало; 150000 войска ждетъ въ Булони Вашего прихода въ каналъ и этотъ приходъ дѣлаетъ насъ полными хозяевами Англіи". Но почву для своего воззванія онъ нашелъ неблагодарную. Апатичный, хотя и благородный, характеръ Вильнева не способенъ былъ къ жаждѣ славы, такой

славы, которое заставила-бы весь міръ помнить о немъ въ продолженіи многихъ столѣтій. Онъ могъ поднеться до геройства, когда этого потребовала-бы минута, но ничто въ мірѣ не могло его заставить горячо увѣровать въ этотъ планъ, который ему начерталъ Императоръ. Вся его нерѣшительность можетъ быть и происходила отъ того, что онъ внутренно не вѣрилъ въ этотъ планъ, не былъ убѣжденъ въ успѣхѣ, а кромѣ того, его характеръ еще этому помогалъ. Нѣкоторые опредѣляли его характеръ такъ; „Вильнёвъ трусъ умомъ, но не сердцемъ."

Конечно его эскадра была далеко не совершенна, особенно испанскіе корабли, все время его задерживавшіе и плохо маневрировавшіе. На эскадрѣ было много больныхъ. Да кромѣ того онъ боялся встрѣчи съ англичанами, считая, что будетъ навѣрно разбитъ.

Во всемъ этомъ онъ быть можетъ былъ и правъ. Но это онъ долженъ былъ таить въ себѣ. Разъ онъ получилъ приказъ отъ Императора, который руководилъ всей операціей, все равно надо было его исполнить. Между тѣмъ онъ самъ упалъ духомъ и навелъ уныніе на всю эскадру. Онъ все время жаловался на всевозможные недостатки своей эскадры, высказывалъ, что въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ будетъ навѣрное разбитъ и предусматривалъ всевозможные несчастные случаи. И правду говорятъ, что обыкновенно самое ясное

прозорливость человѣка нерѣшительнаго не можетъ сравниться съ ослѣпленіемъ человѣка энергичнаго. Теперь, выйдя изъ Ферроля, ему предстояло соединиться съ Рошфорскою эскадрою и деблокировать Брестъ. Во всякомъ случаѣ, если бъ даже Калдеръ и соединился съ Коллингвудомъ, то его силы немного бы уступили англичанамъ, и для выполненія предначертаннаго плана, онъ долженъ былъ вступить въ рѣшительный бой. Можетъ быть погибла-бы вся эскадра, но онъ привелъ-бы въ полную негодность непріятеля и тогда была-бы возможность Брестской эскадрѣ выйти и прикрыть высадку, на что и разсчитывалъ Наполеонъ. Доказательствомъ такого предположенія служитъ исходъ Трафальгарскаго боя, гдѣ англичане, послѣ боя, оказались въ полной невозможности что нибудь предпринять. Но такъ какъ Вильневъ не вѣрилъ въ этотъ планъ и считалъ его совершенно невыполнимымъ, то поэтому онъ и искалъ предлога не исполнить приказанія. Выйдя изъ Ферроля 11 августа, онъ направился уже было къ Бресту, но, во первыхъ, не встрѣтилъ Рошфорскаго отряда и, во вторыхъ, на горизонтѣ появились какіе-то подозрительные корабли. Въ это время началъ мѣняться вѣтеръ, и задулъ противный. Опрошенное датское коммерческое судно сообщило ему, что подозрительные корабли - авангардъ англичанъ, что будто-бы англійская эскадра состоитъ изъ 25 кораблей. Быть можетъ

Литографія К. Биркенфельда (В. О. 8 л. № 1).

Компилировалъ Академіи Генералъ-Майоръ Павлиновъ

другой на мѣстѣ Вильнева, обрадовался бы тому, что англичане сняли блокаду съ Бреста и идутъ на него. А онъ рѣшилъ что все съ этого момента погибло; конечно это было только предлогомъ для исполненія его тайнаго желанія. Онъ сейчасъ-же приказалъ всей эскадрѣ повернуть и направился въ Кадиксъ, куда благополучно и прибылъ черезъ нѣсколько дней. Съ этого момента вся экспедиція рушилась. Дальше ужъ нельзя было и думать о какой—либо возможности продолжать планъ, начертанный Наполеономъ.

Когда Наполеонъ узналъ о томъ, что Вильневъ пришелъ въ Кадиксъ, онъ положительно пришелъ въ бѣшенство. Давнишняя его мечта, плодъ его долгихъ обдумываній и расчетовъ, прямо рушилась отъ непониманія его плана однимъ человѣкомъ. Но дѣлать было нечего. Измѣнить ужъ ничего нельзя было. Моментально онъ даетъ своимъ войскамъ и флоту другое назначеніе: 150000, собранныхъ въ Булони, были отправлены въ Германію и Австрію, линейные корабли получили приказаніе выйти изъ Кадикса и идти въ Средиземное море.

О непріятелѣ, заграждавшемъ союзникамъ путь, онъ не хотѣлъ и слышать. „Его Величество", пишетъ морской министръ Вильневу, „желаетъ вывести во флотѣ эту необычайную осторожность, эту постоянную систему обороны, которая убиваетъ

всякую смылость увеличивая ее вдвое у неприятеля. Смылости, и только смылости, требует Императоръ отъ своихъ адмираловъ, офицеровъ, матросовъ и объщаетъ свои милости тъмъ, кто наиболъе отличится этимъ качествомъ, независимо отъ результата. Стремительнаго нападенія на непріятеля и ръшительнаго съ нимъ сраженія, - вотъ чего желаетъ Его Величество, считая ни во-что потерю своихъ судовъ, если они погибли со славой. Императоръ не хочетъ, чтобы его эскадры могли быть блокированы даже слабымъ непріятелемъ, и онъ Вамъ приказываетъ не раздумывать, а выйти и атаковать врага. Вамъ вмъняется въ обязанность, сдълать все отъ Васъ зависящее, чтобы внушить Вашими поступками, ръчами и т.п. . . . эти чувства, Вашимъ подчиненнымъ. Ничто ведущее къ этой цъли, не должно быть упущено: частые вылазки, поощреніе смълыхъ предпріятій, приказы возбуждающіе энтузіазмъ, все должно быть употреблено, чтобы возбудить и оживить храбрость командъ"! . . . . .

Между тъмъ Вильневъ въ Кадиксъ находился въ довольно затруднительномъ положеніи. Послъ сраженія при Финистерре, появился между союзниками гибельный антагонизмъ; испанскіе офицеры не могли ему простить того, что онъ, имъя 18 кораблей, не потерев-

имахъ ни одной стеньги, отдалъ 2 испанскихъ корабля такъ легко гораздо болѣе слабому непрiятелю; мнѣнiе это раздѣлялось также многими французскими офицерами, что особенно было тяжело Вильневу; а въ городѣ возбужденiе противъ французовъ было всеобщее. Между прочимъ выказалось это тѣмъ, что, не смотря на категоричныя приказанiя изъ Мадрита, портовое начальство Кадикса не желало снабжать французскiе корабли провизiей и боевыми припасами. Кромѣ того, большая часть испанскихъ судовъ должны были вступить въ сраженiе, выходя въ первый разъ въ море, чрезвычайно дурно снабженные, имѣя совершенно необученную команду. Немудрено поэтому, что Вильневъ совершенно упалъ духомъ и считалъ выходъ въ море безумiемъ, обрекающимъ союзные флоты на вѣрную погибель. Однако категорическому приказанiю Императора надо было повиноваться, какъ нѣкогда пришлось это сдѣлать Турвилю, но тотъ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ славу храбраго, гдѣ на непрiятеля вдвое сильнѣйшаго, между тѣмъ какъ Вильневъ не могъ получить и этого утѣшенiя, имѣя несчастное преимущество надъ непрiятелемъ въ числѣ кораблей.

Наполеонъ-же продолжалъ подзадоривать Вильнева, выражаясь, что „англичане скоро дойдутъ до ничтожества, когда во Францiи найдутся два при

адмирала, которые захотятъ умереть"; кромѣ того онъ рѣшилъ его смѣнить и потребовать во Францію для отдачи отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Назначенный на его мѣсто Вице-Адмиралъ Розили былъ уже въ Мадритѣ, когда эта вѣсть дошла до Вильнева, который былъ глубоко уязвленъ сомнѣніемъ Императора въ его храбрости.

„Я былъ-бы счастливъ", писалъ онъ морскому министру, „уступить Вице-Адмиралу Розили первое мѣсто, если-бы мнѣ, по крайней мѣрѣ, дозволено было остаться подъ его командой.... но для меня слишкомъ ужасно потерять всякую надежду имѣть когда либо случай показать, что и я могу умереть. Съ первымъ благопріятнымъ вѣтромъ я выхожу въ море."

Какъ разъ въ это время Вильневу донесли, что часть непріятельскихъ кораблей направилась въ Гибралтаръ, такъ что у Нельсона осталось только 27 кораблей; вѣтеръ дулъ благопріятный, а потому, 19 октября, съ семи часовъ утра, союзники начали сниматься съ якоря и выходить въ море. Въ десятомъ часу утра Нельсонъ былъ уже извѣщенъ объ этомъ, и, не желая допустить непріятеля до Гибралтара, онъ направился съ своей эскадрой къ проливу, чтобы тамъ ожидать союзниковъ, зная очень хорошо, что выходъ изъ Кадикса очень труденъ, и что непріятель еще не скоро

оттуда выберется весь. Дѣйствительно всѣ 33 корабля Вильнева вышли въ море только къ утру 20 октября.

Придя къ Трафальгару раньше союзниковъ, Нельсонъ, поворотилъ назадъ, чтобы при встрѣчѣ съ непріятелемъ, оказаться у него на вѣтрѣ, такъ какъ послѣдній дулъ съ запада.

Трафальгарское сраженіе 21 октября 1805 г.

Задолго до выхода союзниковъ въ море, Нельсонъ составилъ планъ нападенія и сообщилъ его своимъ командирамъ. Онъ предполагалъ раздѣлить флотъ свой на двѣ неравныя части, изъ которыхъ большая, подъ начальствомъ Вице-Адмирала Коллингвуда, должна была напасть на непріятельскій арьергардъ и разбить его, пользуясь превосходствомъ въ числѣ кораблей. Съ другою частью онъ бралъ на себя задержать центръ и авангардъ союзниковъ, для чего предполагалъ броситься на корабль главнокомандующаго и съ самаго начала боя лишить его возможности, не только самому подать помощь арьергарду, но даже приказать это сдѣлать своему авангарду. При этомъ Нельсонъ вполнѣ былъ увѣренъ въ томъ, что, безъ сигнала Вильнева, никто не подастъ помощи арьергарду, т. е. строилъ свой планъ помимо тактическихъ соображеній, на недостаткахъ личнаго состава непріятеля, которые

ему хорошо были извѣстны.

Приведемъ нѣкоторые извлеченія изъ инструкціи Нельсона.

„Полагаю, что почти невозможно флотъ, изъ 40 кораблей, удержать въ линіи баталіи при перемѣнныхъ вѣтрахъ, туманной погодѣ и другихъ неизбѣжныхъ обстоятельствахъ, по крайней мѣрѣ безъ того, чтобы не потерять времени для удобнаго случая вступить съ непріятелемъ въ сраженіе и сдѣлать его рѣшительнымъ. Поэтому я предположилъ имѣть флотъ въ такомъ положеніи, чтобы ордеръ похода былъ-бы ордеромъ баталіи, и построить его въ двѣ линіи, изъ 16 кораблей каждая, съ запасной легкой эскадрой изъ 8 самыхъ скорыхъ въ ходу двухдечныхъ кораблей, которые, въ случаѣ надобности, могутъ составить линію изъ 24 кораблей, пристроясь по распоряженію главнокомандующаго къ одной изъ главныхъ линій. Сообщивши окончательные мои распоряженія я, послѣ этого, предоставляю второму по мнѣ флагману принять на себя полное управленіе своей линіи, сдѣлать нападеніе на непріятеля и продолжать нанесенный ударъ, покуда онъ не сдастся или не будетъ истребленъ. Если непріятельскій флотъ покажется на вѣтрѣ въ линіи баталіи и такъ, что двѣ наши линіи и легкая эскадра могутъ сблизиться съ нимъ,

то, вѣроятно, что онъ до того будетъ растянутъ, что авангардъ его не сможетъ подать помощи арьергарду. Въ такомъ случаѣ, я, вѣроятно, сдѣлаю сигналъ второму по мнѣ флагману прорѣзать непріятельскую линію у 12 корабля, считая отъ задняго, или противу того какой онъ можетъ настигнуть, если не въ состояніи будетъ пройти такъ далеко на вѣтеръ; самъ же я, съ линіей своей, прорѣжу противъ ихъ центра, а легкая эскадра у 2, — 3 или 4 корабля впереди центра, — однимъ словомъ, надобно обезпечить завладѣніе кораблемъ главнокомандующаго ихъ, для чего и должны быть употреблены всѣ усилія. Вся сила британскаго флота должна стараться опрокинуть непріятеля, начиная отъ втораго, или третьяго корабля впереди ихъ главнокомандующаго, предполагая, что онъ находится въ центрѣ, до арьергарда флота ихъ. На 20 переднихъ кораблей непріятельской линіи, я полагаю не дѣлать никакого нападенія, и безъ сомнѣнія, пройдетъ нѣсколько времени прежде, нежели они успѣютъ соединиться и напасть на какую нибудь часть британскаго флота, находящагося въ сраженіи, или подать помощь своимъ собственнымъ кораблямъ; но это будетъ почти невозможно безъ того, чтобы они не смѣшались со сражающимися кораблями. Предполагая,

что непріятельскій флотъ состоитъ будетъ изъ 46 кораблей, а британскій изъ 40 кораблей; если одинъ изъ нихъ менѣе, въ такомъ случаѣ, только должно быть отрѣзано пропорціональное число непріятельскихъ кораблей, и англійскихъ должно быть одной четвертью болѣе отрѣзаннаго числа.

Надобно, однако-же предоставить нѣчто и случаю; въ морскомъ сраженіи ничто не можетъ быть вѣрно у однихъ предъ другими; ядра одинаково избиваютъ мачты и реи, какъ на своихъ корабляхъ, такъ и у враговъ; но я съ увѣренностью смотрю на побѣду, прежде нежели авангардъ ихъ можетъ подать помощь арьергарду своему, и тогда многіе изъ кораблей британскаго флота будутъ уже готовы встрѣтить 20 непріятельскихъ, или преслѣдовать ихъ, когда они вознамѣрятся спасаться бѣгствомъ. Если авангардъ непріятельскаго флота поворотитъ оверштагъ, взятые въ плѣнъ корабли должны удалиться подъ вѣтеръ британскаго флота; если-же непріятель поворотитъ черезъ фордевиндъ, британскіе корабли должны поставить себя между имъ и плѣнными, и когда непріятель пожелаетъ приблизиться, то я не опасаюсь слѣдствій. Второй флагманъ, во всѣхъ случаяхъ, долженъ будетъ управлять движеніемъ своей линіи, стараясь имѣть ее столь соединенною, сколько позволяютъ обстоятельства. Капитаны должны наблюдать и согласоваться

съ движеніемъ линіи, въ которой они находятся; но въ томъ случаѣ, когда сигналы не могутъ быть видимы, или совершенно понятны, ни одинъ капитанъ не сдѣлаетъ большой ошибки, если поставитъ свой корабль бортъ о бортъ съ непріятелемъ. Въ случаѣ атаки съ навѣтра онъ прилагаетъ при своемъ приказѣ и чертежъ.

Английскій флотъ долженъ начать арьергардъ союзнаго флота и расположиться тремя дивизіями. Дивизіоны британскаго флота подведены будутъ сначала почти на пушечный выстрѣлъ къ срединѣ непріятельскаго флота, и тогда, вѣроятно, послѣдуетъ отъ меня сигналъ: подвѣтренной линіи спуститься всѣмъ вдругъ и поставить всѣ паруса, даже лисели. Дабы сколь возможно

скорѣе подойти къ непріятельской линіи и прорѣзать ее, начиная съ 12 корабля отъ самаго задняго, иными кораблями, быть можетъ, не удастся пройти сквозь назначенныя для нихъ мѣста; однакоже, во всякомъ случаѣ, они будутъ весьма близко для доставленія помощи своимъ, и если нѣкоторые изъ нихъ будутъ принуждены обойти аррьергардъ непріятеля сзади, то они довершатъ успѣхъ нападенія на 12 кораблей. Если непріятель поворотитъ чрезъ фордевиндъ весь вдругъ, или спустится и пойдетъ по вѣтру, то и тогда 12 кораблей, составляющихъ, какъ предполагается, непріятельскій аррьергардъ, должны быть предметомъ нападенія подвѣтренной линіи, покуда главнокомандующій не сдѣлаетъ ей другого назначенія, чего едва-ли можно ожидать, потому что главнокомандующій, сообщивъ теперь свои намѣренія, располагаетъ предоставить полное управленіе подвѣтренной линіей на благоусмотрѣніе адмирала, главнокомандующаго этою линіею. На остальную часть непріятельскаго флота, изъ 34 кораблей, сдѣлаетъ нападеніе главнокомандующій, который будетъ стараться, чтобы движеніе второго флагмана встрѣчали какъ можно менѣе препятствій."

Достаточно прочесть этотъ приказъ, чтобы убѣдиться, что вся мысль Нельсона при этой атакѣ слѣдовала указаніямъ, даннымъ еще Джономъ Клеркомъ,

а способы его нападенія съ навѣтра, тоже въ точь, такіе-же какіе указаны Клеркомъ въ его сочиненіи.

Вильневъ, со своей стороны, тоже готовился къ бою и составлялъ планъ, какимъ образомъ отразить атаку. И вотъ, здѣсь оказалось, что Вильневъ былъ далеко не плохимъ тактикомъ. Оказывается, что онъ угадалъ намѣреніе Нельсона. Въ то время какъ Нельсонъ писалъ свой приказъ, на военномъ совѣтѣ, собравшемся на флагманскомъ кораблѣ въ Кадиксѣ, Вильневъ говорилъ такъ: „Нельсонъ навѣрное не ограничится артиллерійскимъ боемъ въ линіи баталіи параллельной нашей. Онъ постарается окружить нашъ аррьергардъ, прорѣзать нашу линію, и направить на отрѣзанные корабли превосходные силы". Чтобы противодѣйствовать такому плану, онъ рѣшилъ поставить въ линіи баталіи столько кораблей, сколько ихъ было у англичанъ, а оставшіеся корабли должны были составить летучую эскадру подъ начальствомъ адмирала Гравина. На обязанности этого отряда лежало поданіе помощи туда, куда будутъ направлены главные силы непріятеля. И, конечно, это было-бы вполнѣ разумно, такъ какъ могло-бы парировать удары Нельсона. Но сейчасъ является у Вильнева сомнѣніе. Можно-ли надѣяться на командировъ этого отряда, что они сумѣютъ управиться въ новыхъ для

ныхъ обстоятельствахъ, слѣдовать такой непривычной тактикѣ? Онъ не рѣшается этого сдѣлать и ставитъ этотъ отрядъ въ авангардъ, потому что изъ авангарда легче подать помощь арьергарду. При этомъ онъ объясняетъ свое распоряженіе тѣмъ, что у него нѣтъ ни средствъ, ни времени приготовиться къ какому нибудь новому тактическому маневру съ тѣми командирами, которымъ ввѣрены суда его эскадры. „Я надѣюсь, что всѣ будутъ храбро защищаться, но ни отъ одного нельзя ожидать иниціативы и какого-нибудь смѣлаго маневра." Затѣмъ приказъ Вильнева передъ выходомъ въ море характеренъ тѣмъ, что онъ вполнѣ осуждаетъ собственное его поведеніе при Абукирѣ: „Всѣ усилія нашихъ кораблей," пишетъ Вильневъ, „должны быть направлены къ тому, чтобы подавать помощь своимъ атакованнымъ товарищамъ, слѣдуя за адмиральскимъ кораблемъ, который первый подастъ этому примѣръ.... Каждый командиръ долженъ больше сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ своею храбростью и жаждою славы, нежели съ сигналами адмирала, который самъ, участвуя въ бою и окружённый дымомъ, не всегда въ состояніи будетъ указать каждому его мѣсто.... Всякій командиръ, который не въ огнѣ, находится не на своемъ мѣстѣ, и безчестіе тому, кому придется напомнить объ этомъ сигналомъ."

И вотъ не смотря на такой приказъ,

все-таки въ Трафальгарскомъ бою французскіе командиры его не исполнили. Да оно и понятно. Такая тактика для французскихъ командировъ оказалась совершенною новостью, они не были воспитаны въ этихъ понятіяхъ, не были убѣждены въ силѣ такого способа дѣйствій, который рекомендовалъ Вильневъ, и, когда пришло время дѣйствовать, его совѣтамъ не послѣдовали.

Въ первый день выхода въ море союзники не видали англичанъ, но въ ночь на 21 октября въ различныхъ частяхъ горизонта показались сигнальные огни и слышались пушечные выстрѣлы. Очевидно непріятель былъ близко и надо было приготовиться къ сраженію, вслѣдствіе чего въ 10 часовъ вечера Вильневъ приказалъ выстроить линію баталіи.

Съ утра 21 октября дулъ самый слабый вѣтеръ отъ W.N.W, но сильная зыбь, идущая съ запада, предвѣщала свѣжую погоду. Яркіе лучи восходящаго солнца освѣтили безпорядочную линію союзныхъ судовъ, растянувшихся на разстояніе 6 миль. Подъ вѣтромъ, въ 10 миляхъ, находился мысъ Трафальгаръ, и почти въ такомъ же разстояніи на вѣтрѣ виднѣлись англійскіе корабли, направлявшіеся, съ попутнымъ вѣтромъ, подъ марселями съ обѣихъ на союзниковъ.

Въ 8 часовъ утра Адмиралъ Вильневъ, считая сраженіе неизбѣжнымъ, сдѣлалъ сигналъ повернуть всѣмъ вдругъ

черезъ фордевиндъ, и направилъ курсъ на сѣверъ. Не надѣясь на удачный исходъ боя, онъ хотѣлъ имѣть подъ вѣтромъ Кадиксъ, куда могли-бы укрыться поврежденные корабли. Тихій вѣтеръ и крупная зыбь очень затрудняли исполненіе этого маневра и только къ 10 часамъ утра онъ былъ конченъ, причемъ линія оказалась чрезвычайно неправильной; большая часть судовъ шли по два и даже по три въ рядъ, а въ центрѣ линіи оставался широкій интервалъ.

Кромѣ того, вслѣдствіе этого маневра, отдѣльный отрядъ Адмирала Гравины оказался въ арьергардѣ, а потому, конечно, никому не могъ подать помощи, такъ какъ весь флотъ находился у него на вѣтрѣ.

Увидѣвъ куда направился непріятель, Нельсонъ рѣшился, во что-бы то ни стало, помѣшать Вильневу укрыться въ Кадиксъ, до котораго оставалось всего девять миль. Слабый вѣтеръ не давалъ надежды выполнить вполнѣ первоначальный планъ, и потому Нельсонъ рѣшилъ идти на пересѣчку курса союзника и прорѣзать ихъ линію, спускаясь на нихъ подъ прямымъ угломъ. Конечно онъ не менѣе чѣмъ кто-нибудь другой понималъ всю опасность такого способа нападенія, и считай онъ своего противника болѣе искуснымъ, онъ никогда-бы на это не рѣшился, а тутъ онъ былъ твердо увѣренъ, что союзники

будутъ стрѣлять плохо, и сильно подстав-
лялъ свои корабли ихъ продольнымъ вы-
стрѣламъ.

Англійскій флотъ спускался на не-
пріятеля двумя колоннами; южную
колонну, состоявшую изъ 15 кораблей, велъ
Коллингвудъ на кораблѣ „Роялъ Соверенъ",
а сѣверную — Нельсонъ, имѣвшій флагъ
на кораблѣ „Виктори"; такимъ обра-
зомъ самому страшному продольному
огню должны были подвергнуться оба
адмирала, причемъ опасность еще уве-
личивалась отъ тихаго хода, такъ какъ
подъ лиселями англичане едва ползли
около двухъ узловъ. Еще одинъ англійскій
корабль, отдѣлившійся ночью отъ флота,
находился далеко къ сѣверу и направлял-
ся на соединеніе съ сѣверной колонной.

Въ 11 час. утра Нельсонъ сдѣлалъ
свои послѣднія распоряженія: „Я на-
мѣренъ" сообщилъ онъ сигналомъ Коллинг-
вуду „прорѣзать непріятельскій аван-
гардъ, чтобы лишить союзниковъ воз-
можности войти въ Кадиксъ. Вы про-
рѣжете арьергардъ у двѣнадцатаго ко-
рабля съ хвоста." Кромѣ того, предвидя
свѣжую погоду, онъ приказалъ, въ виду
близости берега подъ вѣтромъ, всѣмъ
кораблямъ приготовиться стать на
якорь передъ наступленіемъ темноты.
Наконецъ на брамъ-стеньгѣ „Виктори"
взвился послѣдній сигналъ Нельсона —
„Англія ожидаетъ, что каждый испол-
нитъ свой долгъ", возбудивъ страшный

энтузiазмъ на англiйскихъ корабляхъ, команды которыхъ встрѣтили громкими „ура" воззванiе любимаго начальника.

Былъ полдень когда раздался первый выстрѣлъ по кораблю „Роялъ Соверенъ", подошедшему на пушечный выстрѣлъ къ непрiятелю. Мгновенно всѣ суда подняли свои флаги, а каждый испанскiй корабль вывѣсилъ, кромѣ того, на концѣ гика деревянный крестъ.

Не отвѣчая на плохо направляемый огонь, „Роялъ Соверенъ" тихо подвигался впередъ, правя подъ корму испанскаго трехдечнаго корабля „Санта Анна", подъ флагомъ Вице-Адмирала Алава. Во избѣжанiе излишней потери людей, вся команда лежала на палубѣ и дѣйствительно, кромѣ нѣсколькихъ перебитыхъ снастей, корабль Коллингвуда дошелъ совершенно цѣлымъ до непрiятеля. Обрѣзавши вплотную корму испанскаго адмирала, „Роялъ Соверенъ" далъ ему страшный залпъ со всего лѣваго борта, причемъ орудiя были заряжены двумя и тремя ядрами, и привелъ затѣмъ къ вѣтру; послѣдствiе залпа оказались ужасны: около 400 человѣкъ легло убитыми и ранеными и 14 орудiй было подбито. Но тутъ „Роялъ Соверенъ", въ свою очередь оказался окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, между тѣмъ какъ заднiй его мателотъ, отсталъ отъ него почти на цѣлую милю. Около четверти часа Коллингвудъ съ успѣхомъ отбивался отъ много-

численныхъ противниковъ, пока къ нему не подоспѣли на помощь его суда; послѣ чего бой въ арьергардѣ сдѣлался общимъ.

Между тѣмъ Нельсонъ, корабль котораго ходилъ гораздо хуже чѣмъ „Роель Соверенъ", едва-едва двигался къ центру непрiятельской линiи прямо въ промежутокъ между кораблями: „Буцентавръ", на которомъ находился Вильнёвъ и „Сантиссима Тринидадъ" подъ флагомъ испанскаго Контръ-Адмирала Циснероса. Первымъ открылъ огонь „Буцентавръ", но ядра его не приносили никакого вреда. Затѣмъ на двѣ или три минуты наступаетъ мертвая тишина: комендоры повѣряютъ прицѣлъ и вдругъ, какъ по сигналу, съ нѣсколькихъ кораблей, окружавшихъ Вильнёва, открылся страшный огонь противъ „Викторiи", который еще не имѣетъ поврежденiй, хотя находится всего въ разстоянiи 2 кабельтововыхъ. Наконецъ, одно ядро сбиваетъ крюйсъ-стеньгу; другое разбиваетъ въ щепки штурвалъ, такъ что рулемъ приходится править въ констапельской; книппель убиваетъ восемь солдатъ на ютѣ, такъ какъ Нельсонъ оказался не такъ предусмотрителенъ, какъ Коллингвудъ, и не распорядился, чтобы команда легла на палубу. Новое ядро, сорвавъ корму барказа на ростпрахъ и раздробивъ кнехтъ, пролетаетъ между Нельсономъ и командиромъ „Викторiи", причемъ съ башмака послѣдняго осколокъ кнехта срываетъ пряжку.

Помощникъ Начальника Академiи Генералъ-Маiоръ Павлиновъ

„Дѣло становится жарко" заметилъ Нельсонъ съ улыбкой, „слишкомъ жарко, чтобы оно могло продолжаться долго."

Но такъ плохо все-таки стрѣляли союзные корабли, что почти $\frac{3}{4}$ часа по кораблю Нельсона стрѣляло болѣе двухсотъ орудій, и все-таки онъ дошелъ до непріятельской линіи, имѣя всего 50 человѣкъ выбывшими изъ строя.

Въ часъ пополудни „Викторй" тихо прошелъ подъ кормою „Буцентавра", такъ близко, что нокъ его грота-рея задѣлъ за эрёнсъ-бакштаги послѣдняго, и далъ ему губительный продольный залпъ, положившій на мѣстѣ около 400 человѣкъ и подбившій около 20 орудій.

Слѣдующій французскій корабль „Редутабль" такъ близко шелъ за своимъ флагманомъ, что командиру „Викторй" не оставалось ничего болѣе, какъ свалиться съ нимъ на абордажъ, что онъ и сдѣлалъ. Оба сцѣпившіеся корабли начали дрейфовать подъ вѣтеръ, причемъ между ними открылась отчаянная ружейная перестрѣлка, перевѣсъ въ которой скоро оказался на сторонѣ французовъ, благодаря тому, что на ихъ марсахъ имѣлось кромѣ стрѣлковъ еще два небольшихъ орудія; тогда какъ у англичанъ на марсахъ стрѣлковъ не полагалось, изъ опасенія пожара. Въ нѣсколько минутъ мостикъ и верхняя палуба „Викторй" покрылась убитыми и ранеными; изъ 110 человѣкъ находившихся наверху, не

болѣе 20 въ состояніи продолжать сраженіе. Посреди этого царства смерти, Нельсонъ продолжаетъ спокойно ходить рядомъ съ командиромъ взадъ и впередъ по правымъ шканцамъ, какъ вдругъ пуля съ крюйсъ марса „Редутабле" пробиваетъ его лѣвый эполетъ и, пройдя сквозь грудь засѣдаетъ въ спинномъ хребтѣ. Упавшаго адмирала подхватываютъ двое матросовъ и несутъ въ кубрикъ, гдѣ кладутъ его посреди массы другихъ раненыхъ. Между тѣмъ съ марсовъ „Редутабле" даютъ знать внизъ командиру, что палуба „Викторіи" опустѣла, вслѣдствіе чего вызываются абордажныя партіи. Однако тщетно стараются французы добраться до непріятельской палубы: бортъ „Викторіи" на цѣлый декъ выше чѣмъ „Редутабле", и кромѣ того большая погибь бортовъ внутрь и сильная зыбь дѣлаютъ абордажъ невозможнымъ. Тогда командиръ французскаго корабля отдаетъ приказаніе спустить грота-рей, который долженъ служить перекиднымъ мостомъ для абордажныхъ партій, какъ вдругъ страшный градъ ядеръ и картечи очищаетъ палубу отъ людей: это задній мателотъ англійскаго адмирала „Темереръ" проходитъ у „Редутабле" подъ носомъ, даетъ ему страшный продольный залпъ и сваливается съ нимъ съ другой стороны. Французскому двухъ-дечному кораблю, сжатому между двумя трехъ-дечными противниками, приходится плохо; англичане, чтобы не попадать другъ въ друга, заряжаютъ

орудіе тремя ядрами съ уменьшеннымъ зарядомъ и даютъ имъ уголъ сниженія; такъ какъ стрѣльба идетъ въ упоръ и пламя выстрѣловъ то и дѣло зажигаетъ непріятельскій бортъ, пожарныя партіи сквозь порта поливаютъ водой непріятельскія пробоины послѣ каждаго выстрѣла. При такихъ условіяхъ сопротивленіе было невозможно и „Редутабль" долженъ былъ сдаться своимъ могущественнымъ противникамъ. Въ это время въ „Темерерь" съ другой стороны врѣзался носомъ одинъ изъ французскихъ кораблей, причемъ англичанамъ удалось принайтовить его къ себѣ за фоковые ванты и дать по нему продольный залпъ съ праваго борта, послѣ этого туда быстро были направлены абордажныя партіи, которыя и завладѣли кораблемъ. Окончимъ на этомъ описаніе дѣйствій отдѣльныхъ кораблей и перейдемъ къ общему ходу сраженія:

Благодаря совсѣмъ стихшему вѣтру, къ 3 часамъ пополудни только 14 англійскихъ кораблей (5 - сѣверной колонны и 9 - южной) прорѣзали непріятельскую линію и вступили въ бой. Исключивъ 10 авангардныхъ союзныхъ кораблей, не имѣвшихъ противниковъ, англичанамъ приходилось сражаться съ 23 кораблями. Такимъ образомъ, благодаря способу нападенія, они были поставлены какъ разъ въ то положеніе, въ которое хотѣли поставить непріятеля, а именно оказались окруженными почти вдвое превосходившими

ихъ числомъ врагами. Казалось-бы что дѣло англичанъ должно быть проиграно, но настолько лучше они маневрировали и стрѣляли, настолько командиры ихъ стремились подавать помощь другъ-другу, что къ 3 часамъ дня союзный аррьергардъ былъ совершенно разбитъ, а центръ едва-едва держался. Въ аррьергардѣ 9 кораблей Коллингвуда взяли уже къ этому времени 7 французскихъ и 5 испанскихъ кораблей, но сами они жестоко пострадали, плавая большею частью въ видѣ инертныхъ массъ, почти безъ рангоута, среди побѣжденныхъ или такихъ-же массъ. Въ это время Адмиралъ Гравина, опасно раненый, вышелъ изъ строя, собралъ вокругъ себя уцѣлѣвшіе корабли и направился съ ними въ Кадиксъ. Конечно, англичане не могли его преслѣдовать, такъ какъ подошедшіе свѣжіе корабли колонны Коллингвуда должны были заняться взятіемъ призовъ, такъ какъ передовые корабли на это уже были неспособны и сами нуждались въ помощи.

И вотъ, здѣсь то и видна разница въ духѣ того и другого противника. Послѣ двухчасоваго боя, въ тѣхъ группахъ гдѣ собственно онъ и сосредоточивался и та и другая стороны пришли въ полную невозможность что либо дальше предпринять. Какъ союзные корабли, такъ и англійскіе оказались почти всѣ лишенными мачтъ, съ массой убитыхъ и

раненыхъ и, становясь простою игрушкою волнъ, носились какъ совершенно инертныя массы. Разница въ духѣ выразилась тѣмъ, что хотя какъ англійскіе, такъ и союзные корабли одинаково могли разсчитывать на поддержку, а результаты были различные: одни начали сдаваться, а другіе ждали пока къ нимъ подойдутъ на помощь. Ни одинъ англійскій корабль, потерявшій даже всѣ три мачты не сдавался. Всѣ союзные корабли: французскіе и испанскіе, находившіеся точно въ такомъ же положеніи, спускали свои флаги передъ противниками, которые не имѣли даже ни одной шлюпки, чтобы ихъ взять.

Одинъ изъ военныхъ писателей говоритъ: „собственно говоря, вся разница между побѣдителемъ и побѣжденнымъ въ концѣ боя заключается въ различномъ ихъ моральномъ настроеніи. Потери, большею частью, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, къ концу боя, одинаковы. Спрашивается отчего-же одинъ побѣдитель, другой - побѣжденный? У одного убитъ его духъ и онъ бѣжитъ, а у другого этотъ духъ высоко поднятъ."

Справедливость этой мысли ярко сказалось въ Трафальгарскомъ сраженіи.

Союзный авангардъ, подъ флагомъ Контръ-Адмирала Дюмануара, изъ 10 кораблей продолжалъ идти впередъ, съ самаго начала сраженія до 3 часовъ не имѣя противника, и не сдѣлавши никакой

попытки помочь атакованному центру и арьергарду. Въ это время съ сѣвера шелъ одинъ изъ англійскихъ кораблей, отдѣлившійся отъ эскадры и теперь шедшій на соединеніе съ сѣверной колонною. И вотъ весь авангардъ изъ 10 кораблей занялся этимъ однимъ кораблемъ. Только тогда, когда Дюмануаръ увидѣлъ, что корабли центра начинаютъ спускать свои флаги, онъ рѣшился поворотить назадъ, чтобы идти имъ на помощь и одновременно съ этимъ совпалъ сигналъ адмирала Вильнева: „авангарду поворотить всѣмъ вдругъ". Положимъ, что Вильневъ утверждаетъ, что этотъ сигналъ поднятъ былъ гораздо раньше, а Дюмануаръ говоритъ, что онъ началъ поворачивать раньше сигнала. Положимъ, что это было въ одинъ и тотъ-же моментъ и все-таки было уже поздно. Вѣтеръ все продолжалъ стихать. Раньше можно было поворотить, а теперь пришлось спускать шлюпки и поворачивать корабли съ ихъ помощью, при этомъ повороты были сдѣланы не всѣми одинаково. Пять кораблей, подъ предводительствомъ Дюмануара, повернули оверштагъ и пошли съ навѣтренной стороны сражающихся, а остальные пять повернули черезъ фордевиндъ и прямо спустились къ центру. Однако какъ тѣ, такъ и другіе, пришли слишкомъ поздно: „Буцентавръ" и „Сантиссима Тринидадъ", лишенные всякой возможности защищаться, и нуждены были сдаться и Вильневъ, жизнь

котораго попадила судьба, уже был переведен на английский корабль. Подоспѣвшие свѣжие английские корабли собрались около призов и готовились дать сильный отпор приближавшемуся неприятелю и дѣйствительно еще два корабля, изъ спустившихся на фордевиндъ, попали въ руки англичан.

Дюмануаръ, подойдя къ мѣсту сражения, нашел, что помощь его не принесет никакой пользы, а потому привел къ вѣтру и ушел въ море, причем задний корабль его был отрѣзан двумя послѣдними кораблями сѣверной английской колонны и взят.

Такимъ образомъ, изъ 18 французскихъ и 15 испанскихъ кораблей, къ 5 часамъ вечера было взято въ плѣнъ 9 испанскихъ и 9 французскихъ кораблей и один французский корабль взлетѣлъ на воздухъ; 11 кораблей бѣжали съ Гравиной въ Кадиксъ и 4 корабля съ Думануаромъ - въ море. Кромѣ того въ плѣнъ было взято 2 французскихъ и 2 испанскихъ адмирала, но и англичане понесли страшную потерю лишившись Нельсона, который скончался передъ концомъ сражения.

Насколько пострадали сами англичане въ этомъ бою, видно будетъ изъ краткаго описания событий, послѣдовавшихъ за знаменитымъ днемъ 21 октября.

Передъ самой смертью Нельсонъ не переставалъ повторять командиру „Викторй",

чтобы флотъ послѣ сраженія сталъ на якорь, но это оказалось не такъ легко исполнить, такъ какъ у большей части кораблей якоря и канаты оказались перебитыми. Между тѣмъ крупная зыбь влекла побѣдителей вмѣстѣ съ ихъ призами къ трафальгарскимъ мелямъ. Въ полночь разразилась буря, которую предвидѣлъ Нельсонъ, но, къ счастью для англичанъ, вѣтеръ перешелъ къ SSW и вынесъ корабли ихъ въ море. Пользуясь свѣжей погодой, команды двухъ французскихъ взятыхъ кораблей подняли вновь свои флаги и направились въ Кадиксъ, три-же другихъ приза погибли.

Англичане такъ бѣдствовали съ своими призами, что пять союзныхъ кораблей 23 октября вышли изъ Кадикса и отобрали назадъ еще два испанскихъ корабля и доставили ихъ благополучно въ портъ, хотя вслѣдствіе свѣжаго вѣтра нѣкоторые изъ вышедшихъ кораблей выбросило на берегъ. Опасаясь новаго нападенія, Коллингвудъ принужденъ былъ сжечь и потопить еще 4 приза и еще 2 было выброшено на берегъ.

Такимъ образомъ изъ 17 взятыхъ кораблей, англичане привели въ Гибралтаръ только четыре испанскихъ судна.

Однако судьба продолжала преслѣдовать французовъ. Дюмануаръ, со своими 4 кораблями, черезъ двѣ недѣли послѣ трафальгарскаго боя, встрѣтился съ англійскимъ отрядомъ изъ 4 кораблей

и 4 фрегатовъ и, послѣ упорнаго боя, всѣ корабли его принуждены были сдаться.

25 октября въ Кадиксъ прибылъ Вице-Адмиралъ Розили. Изъ 33 судовъ, надъ которыми онъ долженъ былъ принять команду, оказалось на лицо всего 5 французскихъ и 3 испанскихъ корабля. Ни одному изъ кораблей эскадры Вильнева не суждено было возвратиться на родину. Блокируемые англичанами они оставались въ Кадиксѣ до 1808 года, послѣ чего попали въ руки испанскихъ бунтовщиковъ.

Весною 1806 года Вильневъ былъ отпущенъ изъ плѣна, на честное слово, во Францію, ~~чтобы~~ оправдаться передъ ~~Наполеономъ~~, но не доѣхавъ до Парижа, онъ ~~окончилъ~~ свою жизнь самоубійствомъ въ ~~мѣстечкѣ~~ Реннѣ.

Посмотримъ теперь, какую роль играли при Трафальгарѣ основные принципы боя. Мы видѣли уже, что планъ Нельсона былъ обдуманъ со всѣхъ сторонъ и при составленіи его онъ безспорно руководился тѣми-же идеями, которые пропавѣдовалъ Джонъ Клеркъ, на которыхъ основана была атака Джервиса при С. Винцентѣ, и которыми, наконецъ, пропитаны были дѣйствія самого Нельсона при Абукирѣ, и приказъ его, когда онъ командовалъ оборонительной эскадрой въ Ламаншѣ. Конечно эскадра его обладала большими преимуществами передъ союзниками, главнымъ образомъ въ боевомъ образованіи командъ, но тщательно

составленные планы Нельсона показываютъ, что онъ не считалъ эти преимущества единственнымъ залогомъ успѣха. Но когда онъ увидѣлъ, что вслѣдствіе благопріятныхъ для непріятеля обстоятельствъ, близости Кадикса, послѣдній можетъ отъ него уйти если онъ будетъ въ точности слѣдовать своему плану, Нельсонъ не задумывается этимъ планомъ пожертвовать и броситься въ атаку гораздо менѣе выгоднымъ для себя способомъ, надѣясь уже, главнымъ образомъ, на превосходство своихъ кораблей и экипажей и на то, что непріятель не съумѣетъ воспользоваться выгодами своего положенія. Онъ прекрасно зналъ своего врага, имѣлъ полное право расчитывать на его недостатки, и можно быть увѣреннымъ, что, имѣй Нельсонъ дѣло съ болѣе опытнымъ противникомъ, онъ никогда на такой способъ атаки не рѣшился бы. Расчетъ его, главнымъ образомъ, былъ на плохую стрѣльбу союзниковъ и на отсутствіе между ними взаимной поддержки, и дѣйствительно онъ не ошибся. Благодаря плохой стрѣльбѣ кораблей Вильнева, англичане подошли къ его линіи почти безъ поврежденій, а благодаря отсутствію у союзниковъ взаимной поддержки, они смогли сосредоточить всѣ свои силы противъ двухъ пунктовъ непріятеля. Дѣйствительно, въ концѣ боя, исключивъ у союзниковъ 10 кораблей Дюмануара и 11 кораблей ушедшихъ съ

Гравиной, 27 англійскихъ кораблей окружали 12 непріятельскихъ, совершенно избитыхъ, тогда какъ половина англичанъ были почти безъ поврежденій. Поэтому понятно, что когда 5 кораблей Дюмануара спустились, то они только увеличили число призовъ англичанъ. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ, отъ чего-бы это ни произошло, побѣда осталась за англичанами, вслѣдствіе того, что они сосредоточили свою силу противъ части непріятеля и оказывали другъ другу самую энергичную поддержку. И это сосредоточеніе силъ было не случайнымъ, а было предвидѣно Нельсономъ и расчетъ у него былъ совершенно вѣрный, при такомъ, повидимому, безумномъ нападеніи.

Вильневъ, съ своей стороны, дѣлалъ попытки къ составленію плана, основаннаго на вѣрныхъ принципахъ, и выразилъ ихъ въ своемъ приказѣ, но долженъ былъ отъ этого отказаться, такъ какъ созналъ, что не принесетъ это никакой пользы при томъ составѣ командировъ, которые были у него подъ командой. Нельзя руководствоваться въ бою тѣмъ, что стало извѣстно лишь за день до сраженія, что совсѣмъ не продумано, не прочувствовано и въ чемъ нѣтъ глубокаго личнаго убѣжденія. И онъ оказался вполнѣ правъ. Атакованные его корабли, не надѣясь на поддержку своихъ товарищей, спускали флаги передъ противниками настолько-же избитыми и не имѣвшими ни

одной шлюпки, чтобы послать овладѣть взятымъ кораблемъ; и командиры этихъ кораблей были правы, такъ какъ дѣйствительно остальные корабли имъ никакой поддержки и не оказали. А между тѣмъ, оставивъ въ сторонѣ плохую стрѣльбу, руководясь только союзники принципами противуположными, англичанамъ могло-бы прійтись плохо.

Дюмануару слѣдовало, какъ только для него выяснилось намѣреніе противника, а это было ясно въ самомъ началѣ боя, спуститься, но не поворачивая оверштагъ, а съ подвѣтренной части сражающихся. Дѣйствительно, въ первомъ случаѣ, онъ долженъ былъ столкнуться со свѣжими силами противника, подходившими къ мѣсту боя и силы союзниковъ оказались-бы разбросанными, а во второмъ, онъ явился-бы на мѣсто боя, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда передовые англійскіе корабли были совершенно избиты, а задніе были еще далеко. Тогда онъ завладѣлъ-бы ими также легко, какъ завладѣли избитыми французскими кораблями подоспѣвшіе свѣжіе англійскіе суда. Кромѣ того, онъ могъ-бы второй маневръ выполнить скорѣе и въ результатѣ получилось-бы сосредоточеніе всего союзнаго флота противъ передовыхъ англійскихъ кораблей.

Конечно, если-бы все это было сдѣлано, на сторонѣ англичанъ все-же оставалось-бы преимущество въ стрѣльбѣ, и

можетъ быть они и тутъ оказались-бы побѣдителями, но тогда побѣда обошлась-бы имъ несравненно дороже и они также поплатились-бы за нее не малымъ количествомъ кораблей. Однимъ словомъ результатъ былъ-бы такой, о которомъ было уже говорено выше, при разсмотрѣніи случая, когда оба противника одинаково искусно ведутъ бой.

Афонское сраженіе.

Обратимся теперь опять къ русскому флоту и посмотримъ, что дѣлалось тамъ съ новыми идеями веденія морскаго боя, которымъ начало положилъ Ѳ. Ѳ. Ушаковъ. Здѣсь его послѣдователемъ явился его постоянный сподвижникъ и ученикъ — Дмитрій Николаевичъ Сенявинъ.

Въ 1805 году осенью Сенявинъ съ эскадрою вышелъ изъ Кронштадта и въ слѣдующемъ Январѣ принялъ въ Средиземномъ морѣ начальство надъ соединенными морскими и сухопутными силами Россіи.

Изложеніе блестящей дѣятельности Сенявина въ этотъ періодъ, выясненіе его выдающихся дипломатическихъ и стратегическихъ способностей, завело-бы насъ очень далеко и лучше не говорить объ этомъ ничего, чѣмъ говорить коротко — это-бы значило съ неуваженіемъ отнестись къ памяти одного изъ величайшихъ русскихъ адмираловъ.

Возьмемъ только одинъ эпизодъ изъ

этого времени, приведшiй къ морскому бою при Афонѣ.

Въ 1807 году въ виду разрыва съ Турцiей, Сенявинъ получилъ приказанiе идти къ Дарданелламъ, гдѣ онъ долженъ быль соединиться съ англiйской эскадрой подъ начальствомъ Вице-Адмирала Дукворта, чтобы совмѣстно съ нею прорваться черезъ Дарданеллы и напасть на Константинополь.

Прiйдя къ острову Тенедосу, Сенявинъ засталъ тамъ Дукворта, только что возвратившагося изъ Константинополя. Дукворть, по требованiю англiйскаго посланника въ Турцiи, не дождавшись прибытiя Сенявина, прорвался черезъ Дарданеллы, при чемъ имѣлъ крайне небольшiя потери и поврежденiя, и явился предъ Константинополемъ. Начались переговоры, которые турки нарочно затягивали, а англiйская эскадра на это время ушла къ Принцевымъ островамъ, турки же между тѣмъ дѣйствительно укрѣпляли Дарданеллы. Дукворть, узнавъ объ этомъ черезъ десять дней, долженъ былъ думать уже не о бомбардированiи Константинополя, а о спасенiи своей эскадры, вслѣдствiе чего и рѣшилъ прорваться обратно, что ему удалось уже не столь безнаказанно какъ первый разъ. Потери его были большiя - 600 человѣкъ выбыло изъ строя; Сенявинъ предложилъ Дукворту прорваться вторично, но послѣднiй не соглашался.

Пробиваться одному при такихъ условіяхъ было-бы безумiемъ, а потому Сенявинъ рѣшилъ тѣсно блокировать Дарданеллы, чтобы прекратить подвозъ въ Константинополь съѣстныхъ припасовъ и для того, чтобы имѣть близко къ проливу удобную стоянку для флота, занялъ силою О. Тенедосъ. Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ скоро далъ себя почувствовать въ столицѣ; начались волненія черни, за ними последовало общее возстаніе и дѣло окончилось сверженіемъ съ престола султана Селима 3, мѣсто котораго занялъ Мустафа 4. Понятно поэтому, что турки употребляли отчаянные усилія, чтобы заставить Сенявина снять блокаду. Нѣсколько разъ турецкій флотъ выходилъ изъ Дарданеллъ съ цѣлью отнять у русскихъ Тенедосъ, но каждый разъ попытки его кончались ничѣмъ, и Сенявинъ принуждалъ турокъ скрываться подъ защиту дарданельскихъ укрѣпленій.

При этомъ, конечно, Сенявинъ отлично понималъ, что главной угрозой Тенедосу являетса именно турецкій флотъ, и потому онъ стремился всѣми силами его уничтожить; но, какъ было сказано выше, турки сейчасъ-же укрывались подъ защиту укрѣпленій, какъ только Сенявинъ снимался съ якоря, а потому добиться рѣшительнаго съ ними боя ему не удавалось, все дѣло

ограничивалось простыми перестрѣлками.

Въ ожиданіи боя съ турецкимъ флотомъ, Сенявинъ изложилъ свой планъ, по выраженію очевидца совсѣмъ новый, въ слѣдующемъ приказѣ: „Обстоятельство обязываютъ насъ дать рѣшительное сраженіе, но покуда флагманы непріятельскіе не будутъ разбиты сильно, до тѣхъ поръ ожидать должно сраженія весьма упорнаго, посему сдѣлать нападеніе слѣдующимъ образомъ: по числу непріятельскихъ Адмираловъ, чтобы каждаго атаковать двумя нашими, назначаются корабли: „Рафаилъ" съ „Сильнымъ", „Селафаилъ" съ „Уріиломъ" и „Мощный" съ „Ярославомъ". По сигналу (№ 3, при французскомъ гюйсѣ) немедленно спускаться симъ кораблямъ на флагмановъ непріятельскихъ и атаковать ихъ со всевозможною рѣшительностью, какъ можно ближе, отнюдь не боясь, чтобы непріятель пожелалъ зажечь себя. Прошедшее сраженіе 10 мая показало, чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ отъ него менѣе вреда, слѣдовательно если бы кому случилось и свалиться на абордажъ, то и тогда можно ожидать вящаго успѣха. Пришедъ на картечный выстрѣлъ, начинать стрѣлять. Если непріятель подъ парусами, то бить по мачтамъ, если-же на якорѣ, то по корпусу. Нападать двумъ съ одной стороны, но не съ обоихъ бортовъ, если случится дать мѣсто другому кораблю; то ни въ какомъ

Помощникъ Начальника Академіи Генералъ-Маіоръ Воиновъ

случаѣ не отходить далѣе картечнаго выстрѣла.

Съ кѣмъ начато сраженіе, съ тѣмъ и кончить или потопленіемъ, или покореніемъ непріятельскаго корабля.

Какъ по множеству непредвидимыхъ случаевъ не возможно сдѣлать на каждый положительныхъ постановленій, я не распространяю оныхъ болѣе; надѣюсь, что каждый сынъ отечества почтится выполнить долгъ свой славнымъ образомъ.

Корабль „Твердый".
Дмитрій Сенявинъ.

Здѣсь идея сосредоточенія силъ выражена совершенно ясно, причемъ Сенявинъ для этого обращается къ совершенно новому пріему - постановкѣ двухъ кораблей противъ одного непріятельскаго, съ одного борта. Хотя, конечно, такой маневръ очень труденъ и требовалъ прекраснаго управленія, но нельзя не согласиться, что онъ гораздо дѣйствительнѣе постановки непріятеля между двухъ огней, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ тотъ можетъ дѣйствовать съ двухъ бортовъ и перевѣса въ силѣ собственно не получается, и кромѣ того два корабля, имѣя непріятеля между собою, легко могутъ повредить выстрѣлами другъ друга.

Затѣмъ, въ концѣ приказа, Сенявинъ совершенно разумно заявляетъ о невозможности предвидѣть всѣхъ мелочей, и не желая этими мелочами стѣснять своихъ командировъ, онъ вполнѣ полагается

на ихъ инициативу.

Чтобы выманить турокъ въ открытое море, Сенявинъ рѣшилъ употребить хитрость, для чего 1 іюня отправилъ Контръ-Адмирала Грейга съ 5 кораблями къ Лемносу, чтобы соблазнить турокъ къ выходу раздѣленіемъ нашихъ силъ.

Дѣйствительно, 10 іюня поутру, телеграфъ далъ знать, что непріятельская эскадра снимается съ якоря, и къ вечеру турки стали на якорь у О. Имбро. Но эскадра наша была уже вся въ сборѣ и тоже снялась съ якоря, но сѣверный вѣтеръ и теченіе изъ пролива не позволили Сенявину приблизиться къ туркамъ, которые все время отъ пролива не удалялись, чтобы имѣть возможность туда скрыться, если перемѣнится вѣтеръ. 15 іюня видя, что при этомъ вѣтрѣ и теченіи невозможно отрѣзать турецкую эскадру отъ крѣпостей, и что, судя по его движеніямъ, непріятель не показывалъ желанія напасть самъ, Сенявинъ рѣшилъ, съ наступленіемъ темноты, спуститься къ западу отъ О. Имбро, обойти его съ сѣверной стороны, пользуясь, что теченіе тамъ не такъ сильно, и такимъ образомъ выйти у непріятеля на вѣтеръ. Маневръ этотъ вполнѣ удался. Видя что русскій флотъ скрылся, оставивъ Тенедосъ безъ защиты, турки воспользовались попутнымъ вѣтромъ, и въ числѣ 10 кораблей, 9 фрегатовъ и 70 гребныхъ судовъ, спустились къ крѣпости

защищавшей островъ. Между тѣмъ вѣтеръ перешелъ къ востоку и эскадрѣ нашей пришлось очень долго вылавировывать между О. Имбро и Самандраки; подойдя 17 іюня къ европейскому берегу пролива, Сенявинъ узналъ о томъ куда направились турки, и сейчасъ-же спустился вслѣдъ за ними, опасаясь чтобы они въ эти два дня не овладѣли-бы Тенедосомъ, гарнизонъ котораго не могъ-бы долго сопротивляться превосходнымъ турецкимъ силамъ. И дѣйствительно было время: Турки высадили на островъ 10000 десантныхъ войскъ и какъ съ берега, такъ и съ моря, два дня громили крѣпость, гарнизонъ которой отчаянно защищался, но долго держаться-бы не могъ, такъ какъ боевые припасы оказались на исходѣ. Особенно открыта была крѣпость съ моря и устоять ей противъ сильнаго турецкаго флота было невозможно. Но какъ только увидѣли турки приближавшійся нашъ флотъ, сейчасъ-же бросили крѣпость и съ попутнымъ вѣтромъ спустились къ югу. Сенявинъ было хотѣлъ сейчасъ-же за ними гнаться, но получивъ извѣстіе изъ крѣпости, что она безъ припасовъ дольше держаться не можетъ, онъ долженъ былъ стать противъ крѣпости на якорь, и всѣ шлюпки съ эскадры были заняты свозомъ на берегъ всего нужнаго. Въ этотъ-же день мелкіе парусные суда и вооруженные пушками баркасы, напали на гребную непріятельскую флотилію, стояв-

шую у матерого берега; двѣ лодки были взяты, нѣсколько было потоплено и сожжено, а остальныя бѣжали къ югу. Такимъ образомъ турецкій десантный корпусъ оказался отрѣзаннымъ, но заняться его истребленіемъ или принужденіемъ къ сдачѣ Сенявинъ времени не имѣлъ, надо было спѣшить въ погоню за турецкимъ флотомъ, который могъ опять укрыться въ Дарданеллы. Поэтому 18 іюня, рано утромъ, эскадра наша, состоявшая изъ 10 кораблей, пустилась искать непріятеля, оставивъ у крѣпости фрегаты и мелкія суда. Такимъ образомъ, преслѣдуя турецкій флотъ, Сенявинъ все время долженъ былъ думать о Тенедосѣ, гдѣ оставалось большое количество непріятельскихъ войскъ, которые продолжали осаждать крѣпость.

Пройдя по южную сторону Тенедоса, Сенявинъ увидѣлъ, что турки уже скрылись, и думая, что они побѣжали къ Дарданелламъ, направился вслѣдъ за ними къ острову Имбро, гдѣ и продержался до полночи подъ малыми парусами. Не встрѣтивъ и здѣсь турецкій флотъ, предположеніе о направленіи его къ Дарданелламъ было оставлено и Сенявинъ направился къ О. Лемносу, и дѣйствительно, на разсвѣтѣ 19 іюня, турки открылись стоящими на якорѣ у крѣпости Ликадіи, находящейся на западномъ берегу этого острова.

Турки поспѣшно снялись съ якоря

и выстроили линію баталіи на правомъ галсѣ, Сенявинъ-же дѣлалъ сигналъ „поставить всѣ паруса и спуститься на непріятеля". Другихъ распоряженій ему никакихъ дѣлать было не нужно, такъ какъ планъ его, какъ мы видѣли выше, былъ уже составленъ давно, и былъ извѣстенъ всѣмъ командорамъ.

Турецкій флотъ состоялъ изъ 10 кораблей, изъ которыхъ одинъ былъ 120 пушечный, шесть-84 пушечныхъ и три 74 пушечныхъ; кромѣ того у нихъ имѣлось 5 фрегатовъ (четыре 50 пушечныхъ и одинъ 44 пушечн.), три шлюпа (52, 32 и 28 пушечн.) и два брига.

Эскадра Сенявина состояла тоже изъ 10 кораблей, изъ которыхъ 84 пушечный былъ только одинъ, восемь были 74 пушечн. и одинъ имѣлъ всего 64 орудія. Всѣ меньшія суда, какъ было уже указано, были оставлены у Тенедоса. Особенно ярко явствуетъ разница въ матеріальной силѣ флотовъ, если сравнить ихъ по числу орудій.

На 1196 турецкихъ пушекъ мы имѣли всего 754.

Турки устроили свою линію такъ: всѣ три адмиральскихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ сильныхъ корабля, были поставлены въ середину и составляли кордебаталію, авангардъ составляли три, а арьергардъ четыре корабля. Фрегаты составляли вторую линію подъ вѣтромъ. Поэтому наши 6 кораблей, назна-

ченные для атаки на турецкіе адмиральскіе суда, спустились на непріятельскій центръ, а самъ Сенявинъ, съ остальными четырьмя кораблями, обрушился на авангардъ, имѣя намѣреніе преградить ему дорогу и тѣмъ принудить турокъ къ рѣшительному бою.

Конечно, пока наши корабли приближались къ непріятельской линіи, они подвергались продольнымъ выстрѣламъ, въ то время какъ сами отвѣчать не могли, но разъ можно было надѣяться, вслѣдствіе плохой стрѣльбы турокъ, до нихъ добраться, наши 10 кораблей оказывались сосредоточенными противъ шести. Дѣйствительно, сильно поврежденнымъ оказался только передовой корабль „Рафаилъ", который, имѣя задніе паруса обитые, уваливался подъ вѣтеръ, прорѣзавъ турецкую линію между двумя адмиральскими кораблями и продолжалъ бой уже находясь у непріятеля подъ вѣтромъ. Прочіе-же корабли, подойдя на пистолетный выстрѣлъ, привели къ вѣтру и сомкнули линію такъ тѣсно, что бушприты почти лежали на сѣткахъ передовыхъ кораблей, образовавъ, такимъ образомъ, сплошную стѣну противъ трехъ турецкихъ адмираловъ.

Между тѣмъ Сенявину дѣйствительно удалось преградить дорогу турецкому авангарду, который долго не могъ выдержать мѣткой стрѣльбы съ нашихъ судовъ, и принужденъ былъ спуститься,

что дало возможность нашимъ передовымъ кораблямъ принять участіе въ сраженіи съ турецкими адмиралами и тѣмъ сосредоточить противъ нихъ еще большую силу.

Между тѣмъ турецкій аррьергардъ, еще не участвовавшій въ бою и не имѣвшій еще поврежденій, выдвинулся впередъ и могъ придти на помощь своимъ адмираламъ. Но этотъ фактъ не ускользнулъ отъ вниманія Сенявина, который въ это время уже покончилъ съ авангардомъ; онъ со своимъ кораблемъ „Твердый" немедленно поворотилъ и преградилъ передовому кораблю турецкаго аррьергарда дорогу, а за нимъ остановились и остальные турецкіе корабли. Въ это время уже побѣда рѣшительно склонилась на нашу сторону: вслѣдъ за авангардомъ спустился и турецкій центръ, а потому его примѣру пришлось послѣдовать и аррьергарду, который иначе оказался-бы окруженнымъ всей нашей эскадрой. Въ это время вѣтеръ почти стихъ, а потому, по выраженію очевидца, дабы не подвергнуть не столь быстрые корабли быть атакованными превосходною силою, а поврежденные не оставить внѣ дѣйствительныхъ выстрѣловъ, Адмиралъ счелъ за благо остановить эскадру на мѣстѣ, осмотрѣться хорошо и потомъ опять ударить на непріятеля, почему и приказалъ всѣмъ придержаться къ вѣтру.

Между тѣмъ вѣтеръ стихъ совершенно

и началъ задувать съ противуположной стороны, такъ что турки оказались на вѣтрѣ, чѣмъ они и воспользовались и держали въ самый крутой бейдевиндъ, не выказывая ни малѣйшаго желанія вступить во вторичный бой. Къ вечеру отъ турецкой эскадры началъ отставать 84. пушечный корабль „Седель-Бахръ", на которомъ имѣлъ свой флагъ Капитанъ-Бей (полный адмиралъ) Бекиръ-Бей; онъ былъ страшно избитъ, мачты на немъ стояли какъ голыя деревья безъ реевъ и парусовъ, а потому его вели на буксирѣ и конвоировали одинъ корабль и два фрегата. Сенявинъ приказалъ тремъ кораблямъ отрѣзать эту группу, причемъ, когда наши суда стали къ ней приближаться, конвоиры бросили своего адмирала, который и былъ ночью нами взятъ, вмѣстѣ съ находившимся на немъ Капитанъ-Беемъ.

20 іюня поутру, турецкая эскадра была у насъ на вѣтрѣ и держала къ острову Тассо, но конвоировавшие наканунѣ Капитанъ-Бея корабль и два фрегата оказались отставшими и находились у Афонскаго мыса. Въ погоню за ними Сенявинъ отправилъ Контръ-Адмирала Грейга съ 3 кораблями, но въ 4 ч. пополудни 21 іюня, турки, уходя все дальше отъ нашихъ кораблей вглубь залива, поспѣшили поставить всѣ три судна на мель, свести съ нихъ команду и зажечь. На слѣдующій день, около острова Тассо, турки сожгли еще одинъ корабль и фре-

гать, не бывшіе въ состояніи слѣдовать за эскадрой. Затѣмъ около острова Самондраки затонуло еще два линейныхъ.

Теперь для Сенявина является вопросъ, преслѣдовать-ли разбитый турецкій флотъ, или идти къ крѣпости на Тенедосъ, которую онъ оставилъ четыре дня тому назадъ осажденную турками.

Не зная точно всѣхъ обстоятельствъ, трудно теперь судить о томъ, что именно слѣдовало предпринять, а потому мы предоставимъ въ этомъ случаѣ слово очевидцу этихъ событій.

„Послѣ столь совершенной побѣды, истребивъ у непріятеля два корабля и три фрегата и взявъ въ плѣнъ полнаго Адмирала; Сенявину предстоялъ выборъ самый затруднительный. Гнаться-ли за остатками, или возвратиться въ Тенедосъ, спасти гарнизонъ отъ плѣна неминуемаго и жестокаго и отказаться отъ рѣдкаго случая быть истребителемъ всего Турецкаго флота. Въ семъ случаѣ Сенявинъ не усомнился пожертвовать славою и честолюбіемъ любимымъ спасенію братій своихъ, оставленныхъ, и осажденныхъ силою чрезмѣру превосходною, о участи которыхъ соболѣзнуя, доброе его сердце не могло чувствовать сладкихъ ощущеній побѣдителя. Таковой выборъ удивилъ всѣхъ тѣхъ, которые не могли быть, подобно Сенявину, въ торжествѣ умѣренными, въ славѣ скромными и къ истинной пользѣ отечества ревнительными.

Сіе объяснить может простое разсужденіе.

После сраженія, во все дни, вѣтры были тихіе, перемѣнные, всегда почти противные и штили. Слѣдственно, гнавшись за непріятелемъ, Тенедосъ былъ-бы потерянъ, и тогда истребленіе сего непріятельскаго флота принесло-бы намъ гораздо меньше пользы. Не имѣя столь удобнаго пристанища близь Дарданеллъ, никакого средства вознаградить потерю въ людяхъ и исправить свои поврежденные въ сраженіи корабли, мы могли-бы только сжечь турецкіе и, можетъ быть нѣсколько своихъ, и принуждены были-бы оставить блокаду Дарданеллъ, или, удалясь отъ оныхъ, ослабить оную, и тѣмъ уничтожить главную цѣль: присутствіемъ Русскаго флота въ Архипелагѣ лишить Константинополь подвоза съѣстныхъ припасовъ съ моря. Тогда слава истребителя Оттоманской морской силы было-бы одно лестное для личности стяжаніе. Сверхъ того Адмиралъ надѣялся, подавъ помощь крѣпости, упредить непріятеля, стать передъ Дарданеллами или идти паки ему на встрѣчу." 25 іюня около полдня Сенявинъ прибылъ къ Тенедосу, а 26 остатки турецкой эскадры вошли въ Дарданеллы.

Разбитіе турецкой эскадры въ Афонскомъ сраженіи очевидно надо приписать тому, что Сенявину удалось сосредоточить всю свою силу противъ части турецкаго флота, и нарушить у него взаимную поддержку, причемъ онъ нисколько не

заботился о сохранении строя, и самъ выходилъ изъ линіи, когда это нужно было по обстоятельствамъ дѣла. Маневръ-же постановки двухъ кораблей противъ одного непріятельскаго съ одного борта на половинной дистанціи, былъ впервые примѣненъ въ морскомъ бою и честь этого пріема вполнѣ принадлежитъ Сенявину. Правда, можно было упрекнуть этотъ пріемъ, имѣя командировъ, которые долго плавали въ эскадрѣ и прекрасно управлялись, но именно Сенявинъ и былъ въ такомъ положеніи.

Описаніе періода парусного флота явилось-бы слишкомъ неполнымъ, если не будетъ посвящено нѣсколько строкъ главному дѣятелю этого періода Адмиралу Нельсону.

Приведемъ мнѣніе нѣкоторыхъ изъ морскихъ писателей объ этомъ величайшемъ изъ военныхъ моряковъ.

„Наглость Нельсона" писалъ Адмиралъ Декре (*) къ Наполеону; „равняется его неспособности (ineptie); но онъ обладаетъ рѣдкимъ качествомъ — не имѣть въ отношеній къ своимъ капитанамъ никакихъ притязаній, кромѣ развѣ на храбрость и счастіе. Отъ этого выходитъ, что онъ доступенъ для совѣтовъ, и что въ трудныхъ обстоятельствахъ онъ командуетъ только по имени, а на дѣлѣ за него управляетъ другой."

(*) Французскій морской министръ въ 1805 году.

„Нельсонъ", говоритъ Жюрьенъ-де-ла-Гравьеръ, „былъ, безъ сомнѣнія, величайшій изъ Англійскихъ адмираловъ; но немного менѣе счастія и его соотечественники, сами столько-же строгіе, какъ и адмиралъ Декре, провозгласили-бы его самымъ неспособнымъ. Въ самомъ дѣлѣ," продолжаетъ тотъ-же писатель, „Нельсонъ былъ одинаково дерзокъ, одинаково пренебрегалъ всѣми правилами, какъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ торжествовалъ, такъ и въ тѣхъ гдѣ фортуна ему измѣняла. При Абукирѣ, подъ Копенгагеномъ и Булонью, тактика его была одна и таже; разница только въ успѣхѣ. Вездѣ та-же смѣлость, то-же увлеченіе, та-же наклонность испытывать невозможное. Вся тактика Нельсона со всѣмъ ея величіемъ и ея ошибочностью, заключается въ одномъ правилѣ: бросаться съ рѣшимостью въ самый пылъ опасности и надѣяться на товарищей, чтобы выйти изъ нея побѣдителемъ. Это правило внушалъ онъ капитанамъ своимъ подъ Булонью, — это правило выполнялъ онъ на дѣлѣ, до послѣдней минуты жизни. Слѣдуя за нимъ на поле битвы, изучивъ средства и ихъ результаты въ великихъ событіяхъ имъ совершенныхъ, чувствуешь невольное желаніе, вопреки принятымъ идеямъ, приложить къ нему мнѣніе Джервиса о побѣдителѣ при Кампердоунѣ." „Это былъ храбрый офицеръ, мало постигавшій тонкости так-

тики, въ которыхъ онъ скоро-бы запутался. Увидя непріятеля, онъ поспѣшилъ къ нему, не заботясь о томъ какой выстроить ордеръ баталіи. Чтобы побѣдить, онъ расчитывалъ на мужественный примѣръ, какой онъ хотѣлъ подать своимъ капитанамъ, и результатъ соотвѣтствовалъ его надеждамъ." И вообще въ морской литературѣ часто случается встрѣчать мнѣніе, что всѣ побѣды Нельсона не болѣе, какъ результатъ случайнаго благопріятнаго стеченія обстоятельствъ, результатъ счастливой его дерзости. Пускай такъ, но нельзя не признать, что дерзость эта всегда покоилась на глубокомъ расчетѣ, и являлась какъ-бы рѣшительнымъ ударомъ въ пытки тщательно подготовленной атаки.

Выше было уже, по возможности, выяснено, насколько его планы атаки при Абукирѣ и Трафальгарѣ были разработаны впередъ, настолько разработаны, что уже въ самомъ бою каждый командиръ самъ развивалъ этотъ планъ, примѣняясь со встрѣтившейся обстановкой, не нуждаясь ни въ какихъ сигналахъ. Также было указано, что каждый изъ этихъ плановъ былъ построенъ на истинныхъ принципахъ веденія морского боя. Вообще ни одно дѣйствіе Нельсона никогда не противорѣчило въ своей основной идеи твердо установившимся тогда принципамъ морской стратегіи и морской тактики.

Мы достаточно подробно останавливались на передвиженіяхъ его эскадры до Бае, чтобы вывести отсюда заключеніе, что онъ всегда и всюду считалъ главною для нея цѣлью - истребленіе морской силы непріятеля, считая всѣ остальныя цѣли второстепенными. Чѣмъ-же иначе, какъ не стремленіемъ къ этой цѣли можно объяснить его страстную погоню за эскадрами Брюэса и Вильнева, его отчаянную рѣшимость подъ Копенгагеномъ, наконецъ его экскурсію въ Ревель. Правда, при преслѣдованіи своей цѣли, онъ часто выбиралъ очень рискованный, опасный путь, но это вѣдь часто зависѣло не отъ него, а отъ обстановки, съ которой необходимо считаться. Бросившись въ погоню за Вильневымъ черезъ океанъ, онъ оставлялъ minimum на 4 мѣсяца беззащитнымъ Средиземное море, но онъ безъ колебанія беретъ на себя тяжелую отвѣтственность въ такомъ рѣшеніи, ничего не видя передъ собою кромѣ этой непріятельской эскадры, которую нужно истребить.

Передъ Копенгагеномъ онъ, конечно, сознаетъ тотъ громадный рискъ, которому онъ подвергаетъ свою эскадру, ринувшись съ ней въ королевскій проходъ, но вѣдь отъ истребленія датской эскадры зависѣлъ весь ходъ кампаніи. Не покончивъ съ этимъ нельзя было сдѣлать ни одного шага впередъ; или надо было истребить датскую эскадру, или отказаться совершенно отъ всей кампаніи, и нельзя также было

и много думать, такъ какъ освобожденіе отъ льда русскихъ и шведскихъ береговъ сейчасъ-же привело-бы на помощь къ датчанамъ двѣ эскадры.

Поэтому надо согласиться съ тѣмъ, что, какъ ни рискованъ былъ здѣсь поступокъ Нельсона, рискъ этотъ былъ вполнѣ цѣлесообразенъ - иначе поступить было нельзя - этого требовалъ стратегическій расчетъ.

Но кромѣ того Нельсонъ поступалъ иногда повидимому рискованно и даже дерзко и при самомъ веденіи боя, т. е. и здѣсь для достиженія вѣрно поставленной себѣ цѣли выбиралъ путь очень опасный.

И это кажется страннымъ и непонятнымъ только до тѣхъ поръ, пока мы не представимъ себѣ ту обстановку, въ которой приходилось дѣйствовать Нельсону. Чтобы понять Нельсона, сражающагося съ такой по-истинѣ счастливой дерзостью, надо прослѣдить за Нельсономъ воспитывающимъ свою эскадру и готовящимъ ее для этого счастливаго боя.

Поставивъ себѣ вѣрно цѣль, англичане, даже идя къ ней по необходимости опаснымъ путемъ, все-таки ее достигали, потому-что эскадры ихъ были лучше выучены и лучше дисциплинированы, чѣмъ у ихъ противниковъ. Превосходство это - дѣло Джервиса и Нельсона и вотъ этотъ-то скрытый и медленный трудъ надо изучать, чтобы понять ихъ способъ дѣйствій.

Типо-Литографія К. Биркенфельда (В. О. 8 л. №1)

Нельсонъ, любимый ученикъ Джервиса, страстный его поклонникъ, выучился отъ него сохранять здоровье экипажей не прекращая крейсерства, держать корабли круглый годъ въ морѣ, не отсылая ихъ въ портъ, а главное - обращать вниманіе на дисциплину и военное обученіе личнаго состава.

Затѣмъ, благодаря своему счастливому характеру, ему удалось изъ своей эскадры, уже крѣпко связанной дисциплиной, сдѣлать еще кромѣ того и тѣсный кружокъ братьевъ-товарищей. Такой-же счастливой способностью обладалъ и Коллингвудъ. Они умѣли дѣйствовать на массы энергіей безъ суровости, убѣжденіемъ безъ слабости, и дѣйствовали болѣе посредствомъ окружавшаго ихъ обаянія, нежели посредствомъ находившейся въ ихъ рукахъ власти.

Въ глазахъ Нельсона первою обязанностью адмирала было заботливое о матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи своихъ подчиненныхъ.

Наканунѣ Трафальгарскаго сраженія, онъ обдумывалъ средства обезпечить точную раздачу на суда флота зелени, привезенной изъ Гибралтара, и рекомендовалъ командирамъ устраивать на судахъ театры, потому что онъ всего болѣе опасался для матросовъ однообразія продолжительныхъ блокадъ и опасныхъ искушеній, какія влечетъ за собою праздность. Вотъ напр. съ какимъ письмомъ

обратились къ нему его катерные гребцы, когда онъ, после экспедиціи въ Ревель, покидалъ свою эскадру, чтобы возвратиться въ Англію. „Милордъ, мы были съ Вами во всѣхъ вашихъ сраженіяхъ и на морѣ и на сушѣ. Мы ваши катерные гребцы и слѣдовали за вами уже на многія суда. Если вы возвращаетесь въ Англію, то позвольте и намъ за вами послѣдовать. Извините намъ нашъ рѣзкій слогъ; мы моряки и совсѣмъ не умѣемъ писать, но тѣмъ не менѣе имѣемъ честь быть вашими вѣрными и почтительными слугами."

Въ то время, когда почти каждый англійскій матросъ носилъ на плечахъ слѣды кошки, Нельсонъ и Коллингвудъ питали отвращеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ.

Оба, обожаемые своими экипажами и своими офицерами, жили среди своей морской семьи въ полной увѣренности, что никогда ихъ власть не потерпитъ отъ близости этихъ сношеній. Счастливы тѣ энергическіе люди, которыхъ снисходительность нельзя назвать слабостью, и которые могутъ безнаказанно оставаться человѣколюбивыми и добродушными.

„Могу похвалиться", говоритъ Нельсонъ, „что я исполнилъ мой долгъ также хорошо, какъ и самый строгій изъ этихъ господъ и что вмѣстѣ съ тѣмъ я не потерялъ любовь моихъ подчиненныхъ."

За то, когда возмущеніе глухо гремѣло

въ Кадикской эскадрѣ, корабль подъ флагомъ Нельсона не видалъ на шканцахъ своихъ ни одной военно-судной коммисіи. Между тѣмъ, корабль „Тезей" былъ однимъ изъ тѣхъ, которыхъ экипажи принимали наибольшее участіе въ послѣднихъ безпорядкахъ. Но не прошло нѣсколькихъ недѣль, какъ Нельсонъ поднялъ на немъ свой флагъ и уже найдена была имъ на шканцахъ слѣдующая записка:

„Слава адмиралу Нельсону. Да благословитъ Богъ капитана Миллера. Благодареніе имъ за офицеровъ, которыхъ они намъ дали. Мы гордимся счастіемъ служить подъ ихъ начальствомъ, и прольемъ послѣднюю каплю нашей крови, чтобы имъ это доказать. Имя „Тезей" будетъ такъ-же безсмертно, какъ и имя корабля „Капитенъ".

Кумиръ своихъ матросовъ, Нельсонъ умѣлъ въ той-же степени заслужить и любовь своихъ офицеровъ. Нельсонъ изъ всѣхъ Англійскихъ Адмираловъ былъ лучше другихъ поддерживаемъ своими капитанами, но онъ обязанъ былъ этимъ не фортунѣ, но собственно себѣ и тому ревностному повиновенію, какое внушаютъ не неумолимо строгія постановленія, но добровольная преданность. Вотъ отчего его смѣлость и его усердіе дѣлались заразительны; вотъ отчего въ его эскадрахъ, испытавшихъ такія долгія и трудныя крейсерства, видѣли всегда (чего, можетъ быть, не нашли-бы во флотѣ

Джервиса), довольные, веселые лица, и тот наружный вид благоденствия, который всегда радует сердце начальника.

После побѣды, Нельсонъ всегда великодушно слагалъ часть ее на своихъ капитановъ. Всегда готовый признать услугу, оказанную въ онѣ, онъ при Абукирѣ звалъ къ себѣ командира корабля „Минотавръ", чтобы отблагодарить его за помощь, поданную во время сраженія.

Въ другомъ, менѣе блистательномъ днѣ, будучи еще только капитаномъ корабля „Агамемнонъ", онъ относилъ къ своему старшему лейтенанту всѣ похвалы, какими осыпали дѣйствія его корабля. „Никогда", писалъ онъ „ни одинъ офицеръ, не подавалъ лучшаго совѣта въ болѣе благопріятную минуту". Геройское сердце этого человѣка чувствовало, что между имъ и его офицерами преданность должна быть взаимна, и дѣйствительно, во всѣхъ случаяхъ онъ защищаетъ ихъ интересы съ тѣмъ-же рвеніемъ, съ какимъ они старались содѣйствовать его славѣ.

Съ этимъ похвальнымъ усердіемъ Нельсонъ соединялъ простоту обращенія, которая всегда такъ обольстительна въ людяхъ высокаго достоинства. Онъ не боялся унизить свое званіе, показывая себя обходительнымъ съ окружающими его и охотно признавалъ превосходство ихъ во многихъ изъ тысячи мелочныхъ подробностей, которыми изобилуетъ

морское дѣло. Такимъ образомъ онъ отдавалъ справедливость специальнымъ достоинствамъ, и умѣлъ вызывать, какъ говоритъ Декре, совѣты, которые часто неожиданнымъ свѣтомъ озаряли его соображение. Впрочемъ, онъ думалъ, что это участие каждаго въ окончательномъ планѣ, должно облегчить его выполнение. Увѣренный, что не должно быть ничего безусловнаго въ предначертанномъ заранѣе планѣ, онъ требовалъ не столько точнаго исполнения своихъ приказаний, сколько искренняго и усерднаго содѣйствия. Но этого было ему мало: ему надо было, чтобы не онъ одинъ былъ предметомъ этого чувства, а чтобы между всѣми людьми, назначенными сражаться подъ однимъ флагомъ, царствовали взаимное любовь и взаимное довѣрие — этого онъ и добивался, сознавая, какъ великий психологъ, всю важность такого положения. Въ какихъ-бы онъ не находился критическихъ обстоятельствахъ, даже наканунѣ сражения, среди важнѣйшихъ занятий, онъ находилъ время входить во всѣ мелочи личныхъ отношений своихъ подчиненныхъ. Вмѣсто того, чтобы держать себя далеко отъ всѣхъ, подъ предлогомъ какого-то ошибочнаго понятия о своемъ достоинствѣ, Нельсонъ напротивъ, всѣми силами вмѣшивался въ частную жизнь своихъ подчиненныхъ, такимъ образомъ онъ скоро сдѣлался самъ центромъ этой жизни, и,

привлекая къ себѣ всѣ эти готовыя подняться одна на другую волны, онъ соединялъ ихъ въ одну мысль, заставлялъ ихъ стремиться къ одной общей цѣли — къ уничтоженію французскихъ эскадръ. Онъ вникалъ въ мелочныя распри, доходилъ до самой мелочной заботливости въ примиреніи сторонъ, и всегда вѣрною рукой удерживалъ готовое возникнуть несогласіе. Онъ никогда не осуждалъ офицера, которому не посчастливилось — по его мнѣнію, дѣятельный капитанъ былъ всегда правъ. Потерявъ судно, онъ заслуживалъ, чтобы ему дали другое.

Вотъ что онъ пишетъ въ Адмиралтейство по этому поводу.

„Я не принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые боятся земли. Тѣ, кто опасаются приблизиться къ берегу, рѣдко совершатъ какой нибудь великій подвигъ. Въ потерѣ судна утѣшиться легко, но потеря самаго храбраго офицера, была-бы, по моему мнѣнію, потеря національная. И позвольте Вамъ замѣтить Милорды, что если-бы меня самого судили всякій разъ, когда я ставилъ въ опасное положеніе мой корабль, или мою эскадру, то вмѣсто того, чтобы засѣдать въ палатѣ Пэровъ, я давно-бы уже долженъ былъ быть исключенъ изъ службы."

Вотъ какими средствами Нельсонъ создалъ капитановъ, способныхъ содѣйствовать ему въ его дерзкихъ предпріятіяхъ.

своимъ личнымъ примѣромъ, своими наставленіями, своимъ дѣятельнымъ сочувствіемъ къ славному несчастію, онъ научилъ ихъ считать сбереженіе судна вещью второстепенною, а первою, главною обязанностью почитать исполненіе получаемыхъ приказаній.

Кромѣ того въ англійскомъ флотѣ былъ сознанъ и проведенъ еще одинъ важный принципъ, относящійся до главнаго объекта дѣйствія - артиллеріи. Исходя изъ того, что человѣкъ есть главный боевой элементъ, прямо слѣдуетъ, что главною цѣль оружія, т.е. въ то время артиллеріи, есть уничтоженіе этого боевого элемента. Это влекло за собою стрѣльбу по корпусу, такъ какъ это ближе всего вело къ уничтоженію личнаго состава и къ уничтоженію артиллеріи, потеря которой, очевидно, убивала духъ этого личнаго состава. Для убиванія все того-же духа слѣдуетъ не защищаться, а нападать. Такъ и поступали англичане. Французскіе-же комендоры, кромѣ того, что они были вообще гораздо хуже англійскихъ, еще воспитывались въ невѣрномъ принципѣ: имъ предписывалось стрѣлять въ рангоутъ, т.е. въ движущую силу, которая является боевымъ элементомъ второстепеннымъ.

Все это прекрасно зналъ Нельсонъ, противникъ имъ былъ изученъ вполнѣ, и вотъ почему онъ въ исключительныхъ случаяхъ подчиняясь обстановкѣ для выполненія своихъ плановъ выбиралъ опасный,

рискованный путь - самые-же планы его никогда опасными и рискованными не были.

Конечно, обладай французскіе командиры большимъ стремленіемъ, напр.: къ взаимной поддержкѣ, стрѣляй лучше французскіе командоры, причемъ стрѣляй они по корпусу, дерзкія атаки Нельсона быть можетъ-бы и не удались. Но надо думать тогда Нельсонъ никогда и не нападалъ-бы такъ дерзко, выбиралъ-бы другіе пути для достиженія поставленныхъ себѣ цѣлей, но самыхъ цѣлей-бы не измѣнилъ.

Вѣдь если атаки Нельсона считать одною счастливою дерзостью, то отчего напр. при Абукирѣ онъ не растянулъ свой флотъ по всей непріятельской линіи, или не напалъ на аррьергардъ, вѣдь это было-бы еще болѣе дерзко. Отчего напр. тогда онъ, при Трафальгарѣ, не спустился фронтомъ на всю линію непріятеля, какъ это хотѣлъ сдѣлать Дункан при Кампердоунѣ, отчего онъ не атаковалъ авангардъ союзниковъ, вѣдь это было-бы еще болѣе дерзко. Но въ томъ-то и дѣло, что тогда въ этихъ атакахъ, кромѣ смѣлости, онъ выказалъ-бы пренебреженіе основными принципами боя, а въ этомъ Нельсонъ не грѣшилъ никогда.

Бо́льшая или ме́ньшая смѣлость можетъ зависѣть отъ обстановки, напр. ошибки французскаго распоряженія и благопріятный вѣтеръ при Абукирѣ, - нежеланіе упустить непріятеля и плохая его стрѣльба при Трафальгарѣ, -

но слѣдованіе основнымъ принципамъ боя, постановка себѣ вѣрныхъ цѣлей, ни отъ какой обстановки не зависитъ - обстановка влiяетъ только на способъ достиженія этихъ цѣлей. Какъ разъ теперь, въ эпоху возрожденія тактики, въ эпоху возвращенія къ забытымъ было принципамъ, мы присутствуемъ напр. при паденіи значенія тяжелой артиллеріи, уступающей свое мѣсто артиллеріи среднихъ калибровъ, но только скорострѣльной. Если мы внимательно всмотримся въ это явленіе, разберемъ какая была цѣль появленія громадныхъ пушекъ, то увидимъ, что никоимъ образомъ эта цѣль не была истребленіе личнаго состава.

Двигательная сила, возвышавшаяся прежде высоко надъ палубой, ушла подъ воду и прикрылась броней; чтобы до нее добраться потребовались пушки большаго калибра, которыя прямо уже, по своей природѣ, для истребленія личнаго состава не годились, слишкомъ ужъ они рѣдко стрѣляютъ. Съ тѣми-же орудіями двухъ цѣлей добиться нельзя и вотъ остановились на второстепенной - уничтоженіи движущей силы; отсюда предпочтеніе, которое оказывалось орудіямъ большаго калибра.

Теперь движущая сила защищена еще лучше чѣмъ прежде, а между тѣмъ фактъ, что калибръ орудій замѣтно уменьшается и уступаетъ мѣсто числу орудій и ихъ скорострѣльности, т.е. тѣмъ

свойствами главнаго оружія, которые служатъ для уничтоженія личнаго состава и его моральнаго состоянія. Такимъ образомъ является вѣрный принципъ, что главный боевой элементъ есть человѣкъ, а не матеріальная часть и сейчасъ-же и матеріальная часть подчиняется этому принципу и развивается уже въ другомъ направленіи. Сраженіе при Ялу подтвердило и на практикѣ вѣрность этого принципа: какъ и сто лѣтъ тому назадъ, артиллерія, преслѣдующая истребленіе личнаго состава, оказалась побѣдительницей.

На этомъ мы закончимъ историческій очеркъ морской тактики, который, какъ было указано выше, имѣлъ главною цѣлью выясненіе основныхъ принциповъ, ихъ неизмѣнности и полной независимости отъ обстановки, т. е. отъ времени, мѣста, отъ типа судовъ, отъ системы его двигателя, отъ системы его вооруженія и т. д. . .

Итакъ изъ историческаго очерка тактики мы вывели, что:

1.) Искусство веденія морскаго боя основано на неизмѣнныхъ началахъ или принципахъ.

2.) Что принципы эти такіе:

Сосредоточеніе силъ.

Взаимная поддержка.

Внезапность.

Подставленіе сильной своей стороны и уклоненіе слабой.

Получили мы пока эти выводы путемъ аналитическимъ, индуктивнымъ, а затѣмъ,

для усиленія своего убѣжденія въ вѣрности выводовъ, прибѣгали и къ аналогіи.

Дѣйствительно, мы сначала разобрали рядъ фактовъ, дѣлая изъ каждаго изъ нихъ свой выводъ — это анализъ, или такъ называемая индукція; отъ частностей мы шли здѣсь къ общему. Затѣмъ мы сравнили выводы изъ различныхъ этихъ фактовъ, нашли между этими выводами общее — это уже сопоставленіе фактовъ, или аналогія.

Выводъ основныхъ принциповъ изъ свойства главнаго боеваго элемента-человѣка.

Но въ введеніи было упомянуто, что есть еще третій путь доказательства — путь синтетическій, или дедукціи, гдѣ отъ общаго переходятъ къ частному. При этомъ было указано, что надо стремиться всякое явленіе изслѣдовать всѣми тремя способами — и только тогда, когда по всѣмъ тремъ способамъ результатъ получится одинаковый, можно почти быть увѣреннымъ, что результатъ этотъ вѣренъ.

Трудно очень дѣлать это въ данномъ случаѣ, но попытаться все-таки слѣдуетъ.

Но для того, чтобы идти отъ общаго начала къ частностямъ, надо установить это общее начало, надо найти ту аксіому, на которой можно строить свои выводы.

Мы хотимъ вывести основы боя, а потому понятно эти основы могутъ быть лишь слѣдствіемъ природы, самой сущности входящихъ въ бой элементовъ. Если элементовъ этихъ нѣсколько, надо выбрать главный изъ нихъ, доминирующій надъ другими, если таковой имѣется на лицо.

Повидимому не можетъ быть спора, что въ нашемъ вопросѣ таковой элементъ имѣется — это человѣкъ. Всѣ остальные элементы боя - созданіе рукъ человѣческихъ и служатъ лишь средствами въ его рукахъ. А слѣдовательно основы боя должны вытекать изъ свойствъ человѣка; — природа человѣка со всѣми ея достоинствами и слабостями вотъ то начало, отъ котораго мы пойдемъ къ частностямъ для примѣненія дедуктивнаго метода. Природа человѣка раздѣляется на физическую и духовную — на тѣло и духъ.

Тѣло — это олицетвореніе жизни и главный врагъ его смерть и противъ этой смерти тѣло будетъ бороться до послѣдней крайности.

Поэтому бой, являющійся для человѣка рискомъ умереть, всегда будетъ противуестественнымъ физической природѣ человѣка, т. е. его тѣлу. Что-же заставляетъ тѣло, боящееся смерти, идти на этотъ рискъ - идти въ бой? Дѣлаетъ это духъ, управляющій тѣломъ, заставляющій его выдерживать эту противоестественную тѣлу обстановку. Храбрость, хладнокровіе, трусость- это различные состоянія духа,

тѣло-же, вслѣдствіе инстинкта самосохраненія, всегда на сторонѣ трусости. Поэтому самая важная сторона въ человѣкѣ для боя — это духовная и съ нею единственно нужно сообразоваться, чтобы вывести тѣ условія, въ которыхъ человѣку будетъ естественнѣе сражаться, въ которыхъ духъ его будетъ оставаться сильнымъ, выше духа непріятеля, и отъ которыхъ слѣдовательно должна зависѣть побѣда.

Вѣдь говорятъ-же, что по окончаніи боя, единственная разница между побѣдителемъ и побѣжденнымъ заключается въ различномъ состояніи ихъ духа. У побѣжденнаго онъ убитъ, у побѣдителя подъемъ духа достигаетъ высшей своей степени. Матеріальныя-же потери большею частью бываютъ одинаковы, или разнятся очень мало.

Итакъ, принявъ за главный боевой элементъ человѣка, главною цѣлью боя является сломить и убить духъ непріятеля, т. е. дѣйствовать на его моральную сторону. Все это ведетъ къ подъему духа, ведетъ къ побѣдѣ и обратно.

Спрашивается, какія-же условія поддерживаютъ духъ и какія заставляютъ его падать. Обратимся для этого къ отдѣльному человѣку.

Нѣтъ ничего тяжелѣе для человѣка, какъ дѣйствовать, на какомъ-бы то ни было поприщѣ, одинокимъ, безъ надежды на поддержку окружающихъ.

Какъ-бы не былъ онъ силенъ, какими-бы не обладалъ средствами для достиженія своей цѣли, но если онъ въ своей дѣятельности не встрѣчаетъ поддержки окружающихъ, у него невольно опускаются руки, дѣйствія его являются неувѣренными, робкими и причина этому - упадокъ его духа.

Бываютъ, конечно, натуры исключительныя по своей энергіи, которые не поддаются этому вліянію, но не объ нихъ здѣсь рѣчь; мы говоримъ здѣсь о массѣ, о человѣкѣ среднемъ.

Если-же человѣкъ знаетъ, что окружающіе воодушевлены одной съ нимъ мыслью, готовы поддержать его каждую минуту, духъ его пріобрѣтаетъ особую мощь, смѣлость его безгранична, никакіе удары, никакіе матеріальные потери ему не страшны, онъ чувствуетъ, что въ тяжелую минуту его поддержатъ товарищи, а потому смѣло идетъ на встрѣчу этой тяжелой минутѣ. Но для этого онъ долженъ быть твердо увѣренъ въ этой поддержкѣ, внутренно въ ней убѣжденъ, и вотъ и въ бою каждый командиръ долженъ быть поставленъ въ такую обстановку, чтобы онъ получилъ эту увѣренность. Просто сказать командиру, что Васъ поддержатъ ваши товарищи, когда онъ самъ убѣжденъ въ противномъ, будетъ совершенно безполезнымъ. Онъ можетъ сказать „есть", приложить руку къ козырьку, но повѣритъ онъ только своему убѣжденію, а если такового, по какимъ-

либо причинамъ нѣтъ, въ бою онъ будетъ дѣйствовать вяло, нерѣшительно, расчитывая только на свои собственные силы. Духъ его все время будетъ находиться подъ гнетомъ опасенія, что въ тяжелую минуту онъ останется одинъ, а тогда тяжелое чувство отвѣтственности заставитъ его избѣгать этой минуты, наложитъ тяжелые оковы на полетъ его мысли и въ своихъ дѣйствіяхъ онъ не выйдетъ изъ уровня посредственности.

Напр., въ бою при мысѣ С. Винцентъ никогда Нельсонъ не бросился-бы одинъ на весь непріятельскій авангардъ, если-бы онъ не былъ твердо убѣжденъ, что онъ не останется безъ матеріальной поддержки своихъ товарищей и нравственной - своего адмирала. И такой поступокъ явился-бы даже въ этомъ случаѣ съ его стороны безумнымъ, такъ какъ, оставшись онъ одинъ, онъ не принесъ-бы никакой пользы дѣлу, погубивъ лишь свой корабль.

И дѣйствительно онъ не ошибся. Два испанскихъ корабля, которыми онъ завладѣлъ, сдались ему не потому, чтобы были не въ состояніи защищаться, чтобы были его слабѣе, это было наоборотъ, а только потому, что совершенно не надѣялись на помощь своихъ товарищей, и убѣдились изъ маневра Коллингвуда въ томъ, что Нельсонъ при своемъ смѣломъ натискѣ не останется одинъ.

Нельсонъ прекрасно понялъ эту разницу въ моральномъ состоянiи своего экипажа и непрiятельскаго, умѣло его воспользовался, и, будучи самъ сильно поврежденъ, завладѣлъ двумя кораблями несравненно его сильнѣйшими. Итакъ однимъ изъ условiй подъема своего моральнаго состоянiя, является внутреннее убѣжденiе, увѣренность въ поддержкѣ своихъ товарищей. Чѣмъ-же создать такую увѣренность? Мы знаемъ уже что простое объявленiе, обѣщанiе такого образа дѣйствiй, пользы не принесетъ.

Передъ Трафальгаромъ Вильнёвъ говоритъ въ своемъ приказѣ: „Всѣ усилiя нашихъ кораблей должны быть направлены къ тому, чтобы подавать помощь своимъ атакованнымъ товарищамъ".

Но командиры его не были воспитаны въ этомъ принципѣ, а потому приняли эти слова, не болѣе какъ за красивую фразу, они имъ ни повѣрили, на это не надѣялись и спускали свои флаги передъ англичанами, хотя въ союзномъ флотѣ много еще было свѣжихъ кораблей, способныхъ подать помощь. И они оказались правы — помощи подано не было. Командиръ лишь тогда будетъ увѣренъ въ этой поддержкѣ, когда онъ будетъ убѣжденъ, что къ развитiю этого взгляда на эскадрѣ были направлены всѣ усилiя адмирала, что всѣ командиры, его товарищи, сочувствуютъ этому взгляду и проявляютъ его всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ

Литографiя К. Биркенфельда (В.О. 8 л. № 1).

и въ мирное время, если въ распоряженіяхъ адмирала передъ боемъ сквозитъ всюду эта-же мысль, если на этомъ принципѣ построенъ весь планъ атаки или обороны, если согласно ему выбранъ строй, однимъ словомъ если онъ не только умомъ, а душой и сердцемъ пойметъ, что вся эскадра этимъ принципомъ пропитана. Онъ тогда внутренно почувствуетъ, что и самъ онъ не остановится ни передъ чѣмъ, чтобы оказать поддержку любому изъ своихъ товарищей, съ него спадетъ тяжелый гнетъ отвѣтственности за каждый самостоятельный шагъ, тяжелое чувство одиночества, и тогда самый посредственный командиръ явится въ бою орломъ, а не мокрой курицей.

Адмиралъ С. О. Макаровъ въ своихъ лекціяхъ по тактикѣ, указывалъ, между прочимъ, что нужно всѣми силами развивать въ военныхъ морякахъ смѣлость, и вотъ однимъ изъ средствъ къ развитію этой смѣлости въ бою и является увѣренность въ поддержкѣ, какъ своихъ товарищей и подчиненныхъ, такъ и адмирала.

И такъ широкое развитіе принципа взаимной поддержки - вотъ одно изъ средствъ поддерживать высоко свой духъ, т. е. вотъ гдѣ лежитъ одинъ изъ залоговъ побѣды.

Отсюда уже вытекаетъ, что одно изъ средствъ убить духъ непріятеля,

Помощникъ Начальника Академіи Генералъ-Маіоръ Павлиновъ

это парализовать своими дѣйствіями у него взаимную поддержку и слѣдовательно къ этому надо стремиться въ бою, если сознано насколько важно сломить его духъ, если вѣрно, что главный элементъ въ человѣкѣ духовный, а самъ человѣкъ является главнымъ боевымъ элементомъ. Къ этому нарушенію взаимной поддержки у непріятеля, какъ мы видѣли, всегда стремился Нельсонъ въ своихъ атакахъ. Вотъ попытка къ дедуктивному выводу принципа взаимной поддержки.

Здѣсь будетъ кстати сказать еще нѣсколько словъ объ этомъ принципѣ.

Развитіе его на эскадрѣ, несомнѣнно оказываетъ благодѣтельное вліяніе на моральное состояніе личнаго состава, и это конечно уже само по себѣ крайне важно, но послѣдствія, примѣненія этого принципа на этомъ не кончаются.

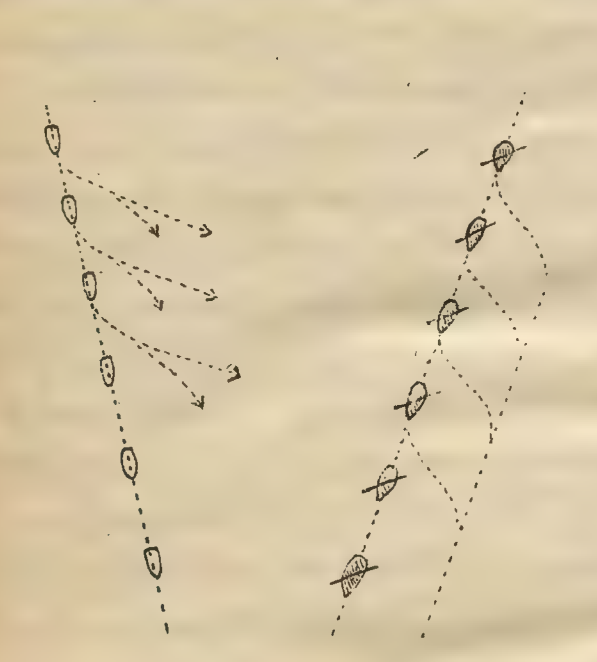
Въ эскадренномъ бою, командиру каждаго изъ кораблей, конечно прежде всего надо стремиться къ тому, чтобы принять въ этомъ бою активное участіе, чтобы не остаться безъ противника. Но при этомъ стремленіи ему не разъ и притомъ моментально придется рѣшать вопросъ, идти-ли туда, гдѣ уже сражаются его товарищи, т.е. идти къ нимъ на помощь, или схватиться съ тѣми непріятельскими кораблями, которые еще не приняли участіе въ бою. Конечно для этого нельзя придумать общаго

рѣшеніе и очень часто это рѣшеніе будетъ являться послѣдствіемъ обстановки и темперамента командира, т. е. его умѣнья эту обстановку оцѣнить.

Но все-таки можно сказать, что общее стремленіе командировъ сцѣплять въ бою съ неучаствующими въ сраженіи непріятельскими кораблями, поведетъ къ равенству шансовъ, къ распредѣленію своей силы по всей силѣ непріятеля, тогда какъ стремленіе къ поддержкѣ своихъ поведетъ къ сосредоточенію своей силы противъ части непріятеля. Конечно и непріятель можетъ поступить точно такимъ-же образомъ и въ концѣ концовъ свалка все-таки сдѣлается общей, т. е. шансы будутъ равны и вся сила распредѣлится по всей силѣ, но вѣдь результатъ этотъ будетъ лишь тотъ, къ которому привело-бы сраженіе съ самаго перваго момента, если-бы нами не руководилъ принципъ взаимной поддержки. Значитъ потери, при преслѣдованіи этого принципа не произошло, а выигрышъ могъ быть, такъ какъ всякая ошибка непріятеля, всякое промедленіе его, продолжитъ то время, въ продолженіи котораго наши силы будутъ сосредоточены противъ его части.

Такимъ образомъ, въ общемъ, слѣдованіе въ бою принципу взаимной поддержки, поведетъ къ примѣненію принципа сосредоточенія силъ, т. е. одинъ принципъ какъ-бы переливается въ другой.

Опять-же не въ томъ состоитъ принципъ поддержки, чтобы въ бою помогать, напр. своимъ совершенно разбитымъ и тонущимъ уже судамъ, т.е. спускать шлюпки и спасать тонущихъ, тушить пожаръ и т. п. . . . . Слово „взаимная" какъ-бы исключаетъ такое понятіе и таково-же оно и у нашихъ сухопутныхъ коллегъ, которые говорятъ, что сражающимся нечего заниматься подборомъ раненыхъ; ихъ, для пользы общаго дѣла, приходится пока бросить. Но потерявъ товарищей, надо сейчасъ-же сомкнуть ряды, быть ближе другъ къ другу, чтобы другъ друга лучше поддерживать. Именно въ этомъ смыслѣ и надо понимать принципъ поддержки и въ морскомъ бою.

Все изъ той-же духовной стороны человѣка могутъ быть выведены и остальные принципы боя. Сознаніе превосходства своей силы въ какомъ либо пунктѣ боя, подымаетъ духъ, сознаніе своей слабости дѣлаетъ состояніе этого духа тревожнымъ, способнымъ къ быстрому упадку. Сознаніе равенства силъ заставляетъ быть

нерешительным, осторожным.

Такимъ образомъ, если нужно возвысить свой духъ и убить таковой у непріятеля, слѣдуетъ стремиться къ первому случаю, т.е. къ сознанію своей силы т.е. къ сосредоточенію всей своей силы противъ части силы непріятеля.

Моральное состояніе человѣка - элементъ чрезвычайно капризный, переменчивый, часто не подчиняющійся никакимъ законамъ логики. Однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій въ этой области, хотя часто не поддающимся никакому логическому объясненію, является чувство страха отъ испуга. При этомъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ, причиной такого испуга является внезапность, и часто никакая храбрость, никакое хладнокровіе не въ состояніи бороться съ ошеломляющимъ дѣйствіемъ внезапности. Внезапность - это, по истинѣ, бичъ моральной стороны всякаго живаго существа. Отсюда слѣдуетъ, что для того, чтобы убить духъ непріятеля, надо, при всякомъ удобномъ случаѣ, стараться примѣнить принципъ внезапности, самому-же оберегаться всѣми способами отъ того, чтобы этимъ принципомъ могъ воспользоваться непріятель.

Увѣренность, что слабая сторона неизвѣстна противнику и прикрыта отъ его ударовъ, дѣлаетъ сильнымъ и энергичнымъ, т.е. подымаетъ духъ; то же самое дѣлаетъ увѣренность въ воз-

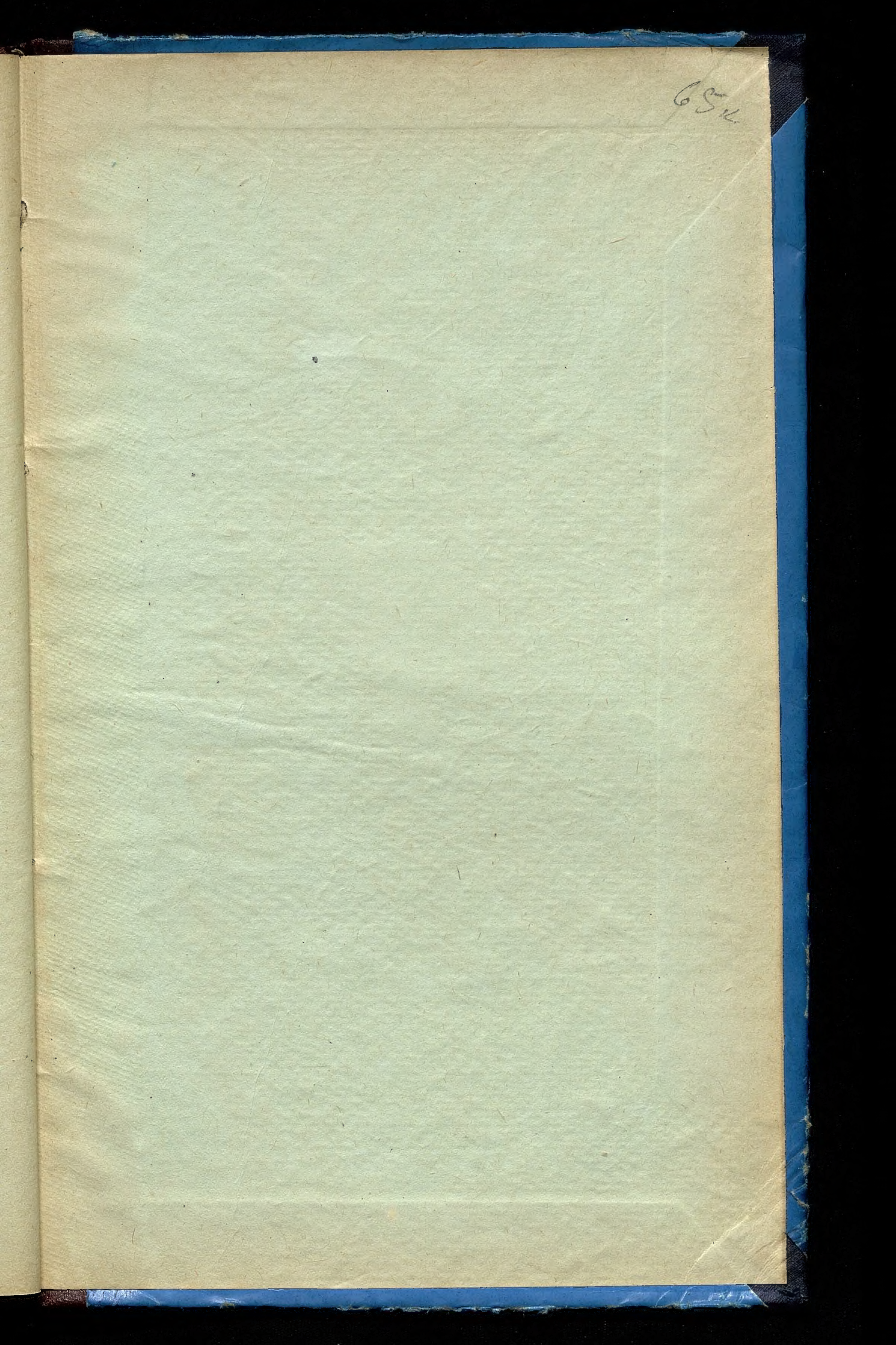
можности пустить въ дѣло противъ врага самыя сильныя свои средства. Такимъ образомъ все для поднятія того-же духа, служитъ примѣненіе принципа подставленія въ бою своей сильной стороны и уклоненіе слабой. Итакъ, исходя изъ человѣка, какъ изъ главнаго боевого элемента, мы приходимъ къ тѣмъ-же принципамъ, которые намъ дало изученіе исторіи, т.е. индукція. Сопоставленіе выводовъ различныхъ эпохъ, т.е. аналогія, дала намъ выводъ, что принципы эти вѣчны. То-же самое даетъ и дедукція. Дѣйствительно извѣстно, что духовная природа человѣка не измѣнилась за все извѣстное намъ время существованія человѣчества, а слѣдовательно и принципы выведенные изъ этой духовной природы, тоже вѣчны.

Итакъ относительно основныхъ принциповъ боя и ихъ неизмѣнности, индукція, аналогія и дедукція дали одинаковый результатъ, а значитъ этотъ результатъ вѣренъ. Если-же удовольствоваться для вывода принциповъ только одной индукціей и аналогіей, то дедукція даетъ вамъ еще какой результатъ.

Дедукція приходитъ къ тѣмъ-же выводамъ, къ которымъ пришли индукція и аналогія, причемъ въ основаніе положено, что главный боевой элементъ - это человѣкъ. Если мы считаемъ, что выводы индукціи и аналогіи безошибочны, то, такъ какъ къ такимъ-же

выводамъ принципа и дедукціи, что значитъ вѣрно ея основаніе, т.е. человѣкъ есть дѣйствительно главный боевой элементъ, а никакъ не матеріальная часть.

Литографія К. Биркенфельда (В.О. 8 л. № 1).

65 к